

ФОРУМ

17

1987

ФОРУМ

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

17

1987

Ф О Р У М

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

17

1987

«СУЧАСНІСТЬ»

Ответственный редактор:

ВЛАДИМИР МАЛИНКОВИЧ

Консультативный совет:

Петр АБОВИН-ЕГИДЕС, Владимир БОРИСОВ, Борис ВАЙЛЬ, Николай ДРАГОШ, Лев КОПЕЛЕВ, Кронид ЛЮБАРСКИЙ, Сергей МАКСУДОВ, Михайло МИХАЙЛОВ, Игорь ПОМЕРАНЦЕВ, Галина САЛОВА, Тамара САМСОНОВА, Надия СВИТЛЫЧНА, Сейтхан СОРОКИНА, Виктор ФАЙНБЕРГ, Михаил ХЕЙФЕЦ, Борис ШРАГИН.

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.

Für den Inhalt verantwortlich: Dr. W. Malinkowitsch.

Адрес редакции: Georg-Mauerer-Weg 11, 8000 München 50, BRD.

Оформление подписки на журнал: «Sučasnist» s. v., München, Müllerstr. 33, Rgb, 8000 München 5, BRD.

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ

Владимир Малинкович

IN STATU NASCENDI (Этюды на тему реформ)

Возможна ли демократизация?

Примерно с середины прошлого года Горбачев взял курс на демократизацию системы. Решение это, как утверждает один из советников Горбачева, Георгий Шахназаров, было импровизированным ответом на запросы жизни. «Сначала возникла идея при помощи прежних методов стимулировать научно-технический прогресс, — сказал Шахназаров в беседе с западным журналистом, — но вскоре мы убедились, что это невозможно без радикальных преобразований всей экономики. Со временем стало ясно, что этого нельзя сделать без вовлечения в процесс всего общества.»*

Начали с «гласности». Первый шаг — ограничение цензуры. В печати появились в большом числе публикации, которые чуть ранее считались бы откровенно антисоветскими. Не чувствуется, чтобы кто-то сверху спускал установку, что печатать и чего печатать нельзя. Публикуются произведения либералов и консерваторов, социалистов-ленинцев и эмигрантов-белогвардейцев, нынешних сторонников и противников (правда, скрытых) горбачевских реформ. Создается впечатление, что Горбачев прислушивается к голосу общества, дает ему возможность высказаться.

«Знаток» поднимет палец: «Знаем мы эту гласность, — когда люди выскажутся, их легче взять под контроль. И к тому же им нужна альтернатива самиздату и диссидентству.»

Что касается контроля, то для КГБ общественные настроения — давно не секрет, и вряд ли только ради

* См. статью Д. Обердорфера «With Reform in the air, it didn't seem like Moscow», International Herald Tribune, 1. 5. 1987.

проверки на лояльность власти рискнут предоставить гражданам общественную трибуну. И насчет диссидентства, мне кажется, «знатоки» преувеличивают. При всем моем глубоком уважении к этому общественному явлению я не верю, что, находясь под жесточайшим прессом КГБ, диссиденты могли бы повлиять на широкие слои населения. В условиях полусвободы гораздо больше возможностей для развития общественного сознания. Конечно, власти попытаются (и уже пытаются) канализировать недовольство, но избавиться от него они смогут, лишь устранив причины, это недовольство порождающие.

Вопреки мнению «знатоков», думаю, что Горбачев хотел бы знать расстановку общественных сил в стране и интересы различных социальных «страт» как раз для того, чтобы попытаться решить проблемы всех (или, по крайней мере, большинства) и не проводить реформы вслепую, без учета конкретных требований населения. Если это так, то подход Горбачева можно считать оптимальным.

Оптimalен такой подход не только потому, что в основе его благие намерения, но и потому, что он в реальной советской ситуации наиболее демократичен.

В свободном обществе партийные реформаторы разрабатывают, как правило, программы, рассчитанные на определенные социальные группы (которые могли бы дать нужное число голосов на выборах), — интересы большинства населения обеспечены здесь конкуренцией различных партий. Отсутствие многопартийной системы, по мнению многих, автоматически означает отсутствие демократии. Вот как объясняет, к примеру, свое неверие в горбачевскую демократизацию профессор М. Восленский:

«В Советском Союзе понятие „демократия“ толкуется так: демократия — это власть только прогрессивных классов. Самым прогрессивным классом является пролетариат. Значит, демократия — это власть пролетариата. Но каждая власть является, с точки зрения марксизма, диктатурой. Следовательно, демократия — это диктатура пролетариата. Но пролетариат весь, в целом, не может осуществлять власть. Значит, его авангард осуществляет власть — партия. Но партия вся, 19-миллионная партия, не может осуществлять власть... Значит, демократия — это диктатура высших органов партии.» (передача радио «Свобода» от 21 марта).

И Восленский делает вывод: именно поэтому демократизация в стране невозможна.

Все это — не более, чем игра слов. Формальный и догматический подход критиков системы, обусловленный формализмом и догматизмом самой системы. Лидеры советского государства демонстрируют, однако, большую гибкость позиции, чем критики перестройки из числа политэмигрантов. Горбачев, например, в своей речи на митинге в Бухаресте (26 мая 1987 г.) открыто критиковал узкоклассовый подход к демократии. Он сказал:

«В силу ряда причин демократия у нас рассматривалась, главным образом, как представительство интересов классов, крупных социальных групп. Нынешний уровень развития нашего социалистического общества требует, чтобы мы шли дальше. Мы ставим целью — приблизить демократию к человеку, открыть самый широкий простор для реализации гражданского, творческого потенциала личности, чтобы у каждого члена нашего общества были реальные гарантии защиты своих законных прав и интересов.»

Как мы видим, советский лидер теоретически обосновал приоритет прав человека над классовыми интересами. Конечно, заявить о таком приоритете — это далеко не то же самое, что гарантировать права личности на деле. До сих пор большинство арестованных инакомыслящих находится в неволе, а граждане страны по-прежнему не избавились от страха перед репрессиями за свободное слово. Но идеологические барьеры на пути демократизации, на которые ссылается проф. Восленский, уже преодолены.

Демократия, по определению, означает такую форму общественного устройства, где каждому представителю «демоса» обеспечена возможность участвовать в управлении делами общества. Сегодня наилучшей реальной формой демократии является многопартийная парламентская демократия. Вряд ли, однако, кто-либо будет отрицать, что и при этой форме демократии профессиональные политики часто злоупотребляют доверием рядовых членов партии и избирателей, которые непосредственно участвовать в принятии решений могут далеко не всегда. Беспартийный сельский сход мог решать дела общины, наверняка, более демократично. Другой вопрос, что на сходе решить все проблемы большого села, не говоря уже о городе или государстве, сегодня не представляется возможным. Сторонники многопартийной системы как идеальной формы демократии, несмотря на свою резкую критику марксистско-

ленинской системы, по существу являются эпитомами марксизма, поскольку разделяют идею о классовой природе современного общества.

Всякая партия, рассчитывающая на ведущие позиции в обществе, должна быть организацией устойчивой, должна иметь какое-то более или менее постоянное число сторонников и представлять интересы, общие для очень большой группы населения. Конечно, крупные партии не могут не учитывать и требования малых групп, но лишь постольку-поскольку — лишь бы не переметнулись к другой большой партии. Те же партии, что защищают интересы небольших групп населения, не имеют возможности решающим образом влиять на политику государства. Короче, многопартийная система построена на принципе защиты интересов целых классов, а не отдельных социальных страт. В Западной Европе, к примеру, приверженцы крупнейших политических партий разделяются (совсем как у Маркса) «по месту в системе производства и распределения»: почти во всех парламентах ведущие позиции у консерваторов (христианских демократов), либералов или социалистов. Неудовлетворенность этой системой (повторю — лучшей из существующих) сегодня ощущается все сильнее. Все больший вес приобретают сейчас движения гражданских инициатив, которые в ряде случаев (например, в случае «зеленых») перерастают в партии, но уже во многом отличные от классических.

Вернемся, однако, к горбачевским реформам. Для демократизации Советского Союза необходимо либо перейти к многопартийной системе, либо попытаться найти иную форму участия граждан в управлении страной — новую форму демократии. Будет ли эта форма называться социалистической демократией или как-то иначе — не существенно (и не стоит, подобно Восленскому, вместо выяснения дела по существу, заниматься словесными играми). «Старик» Гегель подарил «старика» Марксу идею диалектического развития, а она настоятельно советует руководителям государства (пусть и социалистического) следовать законам жизни — объективной реальности.

Те, кто даже теоретически не может допустить возможности горбачевской демократизации, мыслят уже не

по-марксистски, а по-сталински — они постоянно ищут классового врага, который, как бы он не маскировался, всегда был и останется врагом. Вот только у Сталина этот враг — мировая буржуазия, а у наших «знатоков» — социалисты. Забывают, что Горбачев не только социалист-коммунист, но и руководитель огромного государства, и потому он, естественно, должен быть заинтересован в том, чтобы это государство, как минимум, не находилось в состоянии хронического кризиса. Лишь правитель-временщик (подобно Брежневу или Черненко) не будет пытаться изменить глубокую систему, сформировавшуюся еще при Сталине. Горбачев, если верить Шахназарову (есть этому и другие свидетельства), совсем не сразу пришел к идее демократизировать страну. Просто ему на каком-то этапе стало ясно, что паллиативами не отделаться.

Для того, чтобы радикально менять систему, да так, чтобы она спустя какое-то время вновь не погрузилась в кризис, нужно узнать потребности общества и привлечь всех членов этого общества к творческому участию в перестройке. Но прежде надо общество создать, т. е. возродить общественную жизнь. Словом, необходима демократизация. Но такая, что не вызовет взрыва в результате столкновения разнонаправленных сил — конструктивная, а не разрушительная (не спровоцирует военный переворот, приход к власти КГБ или гражданскую войну).

Немедленное введение системы многопартийности — не реально, т. к. в этом случае угроза потери власти объединит всех коммунистов (и либералов и консерваторов), а реальных общественных сил, способных им (и партийно-государственному аппарату) противостоять, в стране еще нет.

Понимая, что советские вожди не допустят реальных выборов, при которых «их могли бы не выбрать», Солженицын советовал им 13-14 лет назад пойти, ради будущего страны, на замену тоталитарного режима авторитарным, потому, что «только к нему Россия и созрела». Для Солженицына автократия если не цель (иногда кажется, что и самоцель), то вполне подходящее средство для преодоления политического и экономического кризиса. О необходимости поиска других, не многопартийных, форм

демократии, более подходящих для специфического переходного периода, Солженицын не говорит — вероятно, потому, что является принципиальным противником всякого «разгула демократии».

А между тем, искать новые формы демократизации — не типичные для западного мира, но удобные для страны с *нетипичной* исторической судьбой, — по-моему, необходимо. Иногда кажется, что советские руководители такими поисками как раз и заняты.

Многие исследователи полагают, что Горбачев намерен, несколько изменив систему выборов, сохранить и укрепить уже существующую структуру — власть Советов. Если он действительно хочет, чтобы граждане страны активно включились в работу советских органов, ему необходимо будет реформировать Советы так, чтобы они стали хотя бы частично независимыми от партаппарата, чтобы депутаты в Советы выбирали из нескольких кандидатов и чтобы выдвигали таких кандидатов коллективы самоуправляющихся предприятий, сходь городских и сельских жителей, неформальные (т. е. независимые от партии и государства) группы.

Очень серьезным шагом в сторону демократизации было бы введение выборности и самоуправления на предприятиях, но все это может быть действенным лишь в условиях *полного* хозрасчета.

Важным элементом демократизации может стать и широкое распространение кооперативов как самостоятельной и *полноправной* формы общественного (социалистического) производства. И не только потому, что кооперативы (как и граждане, занимающиеся индивидуальным трудом) будут относительно независимой частью хозяйства страны, но и потому, что они смогут стать экономической опорой свободной мысли (например, кооперативные издательства).

Несомненно способствовало бы развитию демократии государственное признание самостоятельных общественных организаций (постоянных или временных групп гражданской инициативы) и предоставление им права выдвигать своих кандидатов на выборах в Советы.

В конце концов, лишь при условии независимости Советов от партии может быть осуществлен принцип разделения властей.

То, что происходит сейчас в стране, вызывает двойственное чувство — вроде бы и взят курс на демократизацию, но осуществляется она очень уж непоследовательно. Особенно показательным в этом смысле отношение к правам человека. Освободили 150-170 политзаключенных, но не реабилитировали их; объявили амнистию по случаю 70-летия Октябрьской революции, но на свободу по этой амнистии выйдут лишь несколько десятков узников совести, а сотни так и останутся в неволе — в лагерях (большинству лишь сократили срок заключения), в психбольницах, на «химии». Да и сам факт наличия в стране политических заключенных властями до сих пор не признан. И в вопросе эмиграции существенных изменений нет. Словом, руководители государства и хотят, и боятся демократии. А потому у скептиков еще достаточно оснований сомневаться в успехе горбачевских реформ.

О гласности

Итак — ГЛАСНОСТЬ.

В газетах, журналах, кино, театре открыто критикуют сталинскую систему, которая по сути сохраняется в стране по сей день, и самого Сталина.

Фильм «Покаяние» смотрят сегодня десятки миллионов людей — дожидаются билетов по месяцу, а то и больше. Фильм о конкретной реальности 30-х годов — времени сталинской диктатуры, фильм о диктатуре вообще и о том, почему она была возможна в прошлом и на чем держится в наши дни. Интересны рецензии на «Покаяние»:

«Нино с девочкой в очереди, где такие же несчастные, как она, хотят узнать адреса, узнать хоть что-нибудь о своих мужьях, отцах, братьях. „Сослан без права переписки,“ — отвечает голос из окошка. Только голос, без лица, без глаз, безмянный голос зла. Но на станцию бревна привезли, говорят, там фамилии и адреса ссыльных. И они бегут... Нет, нет, угадать, придумать такое невозможно, это — жизнь, это в памяти человеческой отпечаталось...»

И. Исмаилова, «Неделя» № 5.

Т. Мамаладзе в «Известиях» (31.1.1987) утверждает, что

«несмотря на усложненность поэтики «Покаяния», большинство опрошенных четко определили его как фильм политический, честно и откровенно отражающий то отрицательное, наносное, что еще *есть* (подчеркнуто здесь и далее в цитатах мною — В. М.) в нашей жизни».

Статья «Суд совести» в «Социалистической индустрии» (тоже от 31.1.1987) прямо указывает на главную причину, порождающую то «отрицательное,.. что еще есть»:

«И внешний облик Варлама Аравидзе, а тем паче его деяния напоминают прошлое... — годы культа личности Сталина. И слова насчет „врагов нации“ — тогдашние, и фантазмагория арестов по надуманным поводам...

Но фильм идет дальше и горестно памятных нам дат и трагических событий... На экране — пестрая смесь эпох, лиц и событий. Но смесь, сцементированная единством мысли: власть, превращенная в самовластие и произвол, во все времена и всюду враждебна человеку.»

Ничем не ограниченная власть, творящая произвол, — это явление вовсе не наносное (как пишет Т. Мамаладзе), это суть системы, которая довела страну до края пропасти. И об этом откровенно пишут сегодня советские ученые. Академик ВАСХНИЛ В. Тихонов считает надуманным сталинское обоснование так называемого «раскулачивания» (самое, пожалуй, страшное преступление советской власти) уже хотя бы потому, что никакого кулака в начале 30-х попросту не было. В интервью корреспонденту «Литературной газеты» Тихонов сказал:

«Кулак как эксплуататор наемного труда, как сельский буржуа в ходе гражданской войны был в основном ликвидирован... Материальная база кулацкого хозяйства была разрушена... Советская власть провела справедливый подушный раздел земли, создала крестьянам равные условия труда, призывала расширять посевы, увеличивать товарное производство, укреплять хозяйство. В 1925 году мужикам разрешили арендовать земли.

Откуда же в этих условиях, при господстве Советской власти в деревне, возник кулак? Совершенно неожиданно звучат утверждения Сталина, что в 1928 году пять процентов крестьян страны являлись кулаками...»

Эти пять процентов были ликвидированы «как класс». Погибли миллионы людей:

«Под категорию кулака подведены крестьяне, которые своим трудом на земле, данной им Советской властью, сумели сделать свои хозяйства выше среднего уровня. Вероятно, они-то и попали под раскулачивание. Известно, что Сталин в одной из бесед сказал, что были раскулачены миллионы человек. Такова правда. Тут ни убавить, ни прибавить.»

«Раскулачивание» и коллективизация по Сталину подорвали, считает Тихонов, основы ленинской новой экономической политики. И не только в сельском хозяйстве:

«...если в начале государство торговало *купленным* у мужика хлебом, то после коллективизации оно торговало *отобранным* хлебом... Идеи Ленина о продналоге были отодвинуты в сторону, и страна полностью перешла к продразверстке: сначала в деревне, а потом и во всем *плановом хозяйстве*... Крестьянин был отчужден от средств и результатов производства. Оставаясь формально их сохозяином, практически он все более превращался в некую разновидность наемного рабочего.»

Поскольку продразверстка, как подметил Тихонов, с конца 20-х годов господствует во всей советской экономике, это утверждение о крестьянах можно распространить и на рабочих и служащих. Все они — наемные пролетарии. А кто же наниматель в таком случае? Читателю предоставляется возможность самому сделать вывод: наверняка, это люди, которые, обладают «властью, превращенной в самовластие и произвол». Самое же важное то, что продразверстка — это не история, это сегодняшний день. Пока она существует, советская экономика не может развиваться. Все разговоры о хозрасчете так и останутся разговорами, если система, основанная на продразверстке, не будет ликвидирована или, как минимум, радикально перестроена. Писатель Борис Можжевельников на последнем пленуме Союза писателей довольно точно выразил эту мысль:

«Самостоятельность при существующей продразверстке ничего не стоит. Продразверстка и самостоятельность — две вещи несовместимые, как гений и злодейство, как сказал Пушкин.»

Вот и возникает *объективная* необходимость пересмотра того периода советской истории, когда ленинско-бухаринский НЭП Сталин насильственно заменил новым вариантом военного коммунизма.

«Для преодоления... бед, — говорит в интервью «Советской культуре» профессор Ю. Афанасьев, — нам нужна правда об обществе, в котором мы живем... в данный момент, в свете решаемых обществом задач, особенно необходимо знание двух узлов нашей советской истории: 1917-1929 — „при Ленине и после Ленина“ и 1956-1965 — „после Сталина, XX съезд и попытки реформ“»

Собственно говоря, у нынешних руководителей нет иного выхода, кроме десталинизации. Лишь десталинизация дает им возможность, сохранив преемственность советской истории, избавиться от многих (если не от большинства) тормозящих развитие страны факторов. Говоря о временах, предшествующих сталинской продразверстке, Ю. Афанасьев спрашивает:

«...достаточно ли мы разбираемся в борьбе идей и социальных проектов, „моделей” социализма, предлагавшихся при Ленине и после его кончины? Нужно заново перечитывать... и закончить переиздание материалов съездов и партконференций...»

Очевидно, однако, что «борьба идей и социальных проектов» не только после смерти Ленина, но и во время его болезни тесно связана с именами Троцкого, Зиновьева и Бухарина, и, следовательно, необходим пересмотр официального отношения к ним как к «врагам народа».

Особенно важно сейчас реабилитировать Бухарина — ведь это он, в отсутствие Ленина, был покровителем НЭПа, он говорил о необходимости развивать товарное хозяйство, призывал крестьян и ремесленников: «Обогащайтесь! развивайте свое хозяйство и не беспокойтесь, что вас прижмут» и он же предупреждал об опасности новой вооруженной экспроприации крестьянской собственности и новой разверстки, т. е. всего того, что вскоре произошло. * (Позже, уступив в тактической борьбе мастеру политических интриг Сталину, Бухарин изменил позицию и поддержал диктатора, что, впрочем, не уберегло его от гибели.)

Вот Бухарина помаленьку и реабилитируют. И некоторые историки, и — в глазах общества — драматург Михаил Шатров. В пьесе Шатрова «Брестский мир» (опубликована в 4-м номере «Нового мира») Бухарин представлен как искренне убежденный в своей правоте оппонент и... друг Ленина.

Профессор Ю.Афанасьев знает для установления новых способов хозяйствования необходимо разрушить старую (сталинскую — В. М.) систему, чтобы научиться демократии — нужно победить бюрократию. Все это невозможно без переоценки истории партии, которая при Сталине

«сводилась к внутрипартийной и межпартийной борьбе... борьба мнений, поиск истинных путей революции, разногласия внутри партийного руководства квалифицировались как чей-то злой умысел. Складывавшимся при этом группировкам задним числом наклеивался ярлык «антипартийных», подвижимых контрреволюционными побуждениями. Расхождения в политических убеждениях и позициях подменялись фантастическими уголовными обвинениями».

(«Московские новости» N° 10)

* См. статью Н. Бухарина «Новые задачи в области нашей крестьянской политики», «Форум» N° 16, сс. 108-126.

Если историк Ю. Афанасьев предлагает по сути пересмотреть отношение к партийным фракциям 20-х годов, то профессор философии А. Бутенко совершенно недвусмысленно заявляет, что от того, насколько последовательно будет проведена десталинизация, зависит успех перестройки:

«...в ходе прошлого развития сформировался механизм торможения. Его корни лежат в серьезных недостатках функционирования институтов социалистической демократии...

Многие прежние ошибки и возникший механизм торможения прямо связаны с явлениями 30-40-х годов, протекавших в условиях культа личности Сталина... Я думаю, что перестройка идет медленно потому, что как раз те силы, которые не дали до конца осуществиться решениям XX съезда КПСС, развенчавшего и осудившего культ личности, фактически прервали процесс обновления нашей жизни, и не хотят перемен и сейчас тормозят их. Если мы не выявим полностью сущность и позиции этих сил и не дадим им бой, перестройка будет идти со сбоями, процесс перемен может даже повернуть вспять.» («Московская правда», 7. 5. 87)

Те, для кого десталинизация означает, как минимум, потерю служебного кресла, сами пытаются перейти в наступление. Не решаясь прямо защищать сталинизм, современные сталинисты используют гласность, чтобы помешать радикальной, «революционной», перестройке.

«Давайте будем бдительны и осмотрительны, чтобы великая перестройка (великая — это мимикрия, В. М.) прошла у нас с минимальными жертвами... давайте перестраиваться, но не перекраиваться!» — взывает с трибуны писательского пленума Михаил Алексеев. Писатель Иван Стаднюк возмущен требованием «заклеймить позором навечно» того, «кто верховно руководил борьбой советского народа» (то есть Сталина, хотя прямо имя назвать Стаднюк не решается). А относительно молодой Проханов, имеющий тесные связи с генералитетом, угрожает либералам — «блестящим публицистам, рафинированным кинематографистам, маститым литераторам», разрушающим, как он считает, определенные цели (т. е. сталинско-брежневскую систему — В. М.) при помощи «репрессивной критики, репрессивной публичной дискредитации, репрессивных атак на структуры», пугает их организацией тотального отпора... *весьма неслабых, весьма оснащенных групп... мыслителей с идеей государственного стоицизма, государственной жертвенности,.. военной цивилизации,.. го-*

товых объединиться перед этой истребительной атакой, перед угрозой новой культурной диктатуры,.. гуманитарной агрессивностью по отношению к людям обороны и армии».

Историк сталинской школы, академик И. Минц протестует публично против антисталинских решений XX съезда: «Сейчас при оценке тех событий (1937-38 гг. — В. М.), упоминая о культе личности Сталина, ссылаемся на оценки тридцатилетней давности. Правильно ли это?» Он стремится не допустить реабилитации людей ленинского окружения: «Но разве можем мы забыть преступление Троцкого... не забыли и то, что Бухарин едва не вызвал раскола в партии... мы не можем не критиковать резко и справедливо Бухарина, провозгласившего в начале НЭПа призыв к кулакам (которые были уничтожены еще в ходе гражданской войны — В. М.): «Обогащайтесь!» («Аргументы и факты», № 17, 1987, сс. 4-5)».

Группа преподавателей истории КПСС московских вузов, «по соглашению» (как они пишут) с начальником Главархива СССР Вагановым, выступила в печати с протестом против пересмотра истории советского государства и переоценки деятельности внутрипартийных групп в 20-е годы («Московские новости», № 19, 1987).

Отвечая этим историкам в том же номере «Московских новостей», профессор Ю. Афанасьев верно подметил, что в их письме с определенностью выражено «сущностное неприятие перестройки», нежелание пересматривать свои позиции.

Вот так гласность и выявляет естественные процессы размежевания, происходящие в нашем обществе. Очевидно, что страна нуждается в десталинизации, — без этого невозможен малейший шаг вперед. Но так же очевидно, что есть большие группы людей, целые социальные слои (например, часть профессиональных партаппаратчиков, военных, сотрудников КГБ и бюрократы всех мастей), которые намерены решительно сопротивляться демократизации. Напряженность в отношениях между двумя лагерями все время возрастает.

В противоборстве реформаторов и консерваторов победителем скорее всего окажется тот, на чьей стороне будет наиболее активная часть общества. Сегодня к

сожалению, большинство пассивно. Но даже если люди убедятся, что перестройка для них благо, психологически перестроиться им будет совсем не просто. Нужно мужество для переоценки своего прошлого. Даже те, кому винить себя, казалось бы, не в чем, для очищения нуждаются в покаянии. В рецензии на фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние» известный литературный критик Лев Аннинский пишет:

«Откуда взял силу диктатор с шутовскими усиками, что за мощь бескрайняя, „сибирски“ неодолимая вселилась в него?... почему все это стало возможно?... Потому, что **МЫ** его породили, **МЫ** накликали. **МЫ** виноваты. Я виноват. Моя слабость, моя рабская мечта: разом бы до бога и рай немедленно... Не диктатура убийственна — убийственен ее источник... Кто велит? Да сами же люди и велят. Сами себе. Их слабость, их конформизм, их блудливое нежелание рисковать — вот что концентрируется в „диктаторе“: они его лепят сами из собственной трусости, вывернутой в жестокость... Не уйти от покаяния.» («Советская Эстония» от 14. 4. 1987).

Аннинский прав — наше рабство если не порождает, то защищает тоталитаризм.

Национальная политика: от тоталитарной русификации к двуязычию.

Несколько лет назад, в одной из статей о национальных проблемах, я высказал предположение, что под давлением обстоятельств власти в СССР вынуждены будут пойти на компромисс с обществом, и в этих условиях участники движения за национальные права нерусских народов могут рассчитывать на удовлетворение по крайней мере части своих требований.¹

И вот это время пришло. Власть имущие нуждаются в общественной поддержке. И к чести национальной интеллигенции в республиках Союза надо сказать, что она оказалась способной поднять голос в защиту родной культуры, против все усиливающейся русификации.

Еще в прошлом году на республиканских съездах писателей многие выступавшие говорили о печальном положении, в котором находится национальная культура нерусских народов СССР. В это время, судя по всему, власти

1. См. статью «О лозунгах и реальности», *Форум*, №10, сс. 12-14.

еще не были обеспокоены состоянием межнациональных отношений. Но вот в декабре произошли известные события в Алма-Ате. Причина волнений очевидна — возмущение казахов политикой русификации. Повод, однако, был не самым удачным — снятие со своего поста верного «брежневца» Кунаева и назначение на должность руководителя компартии Казахстана *русского* Колбина. Этот повод дал возможность властям представить участников демонстраций протеста как противников перестройки. Конечно же, Горбачев и другие советские руководители не могли не понимать, что на самом деле волнения в столице Казахстана — свидетельство кризиса национальной политики КПСС, направленной на создание единого советского народа, говорящего по-русски. Необходима была ревизия старого политического курса.

И тем не менее первые газетные публикации на эту тему после алма-атинских событий призывали еще энергичнее русифицировать нерусские народы и еще интенсивнее проводить обмен кадрами между республиками. В газетах среднеазиатских республик, в частности в «Правде Востока», печатались статьи о направлении «десятков тысяч юношей и девушек» из Средней Азии на работу или производственное обучение в РСФСР и о привлечении «работников, имеющих хорошую производственную, идейно-политическую закалку, из других областей страны для постоянной работы в Узбекской ССР» и других южных республиках Союза. Публикации в местной печати еще можно рассматривать как местное явление, порожденное комплексом неполноценности «провинциалов». Но вот и редакционная статья в газете «Правда» от 28 декабря 1986 г., а в ней такие слова:

«В совершенствовании национальных отношений велика роль правильной кадровой политики. Осуществляя подбор и оценку кадров, их расстановку и перемещение, воспитание и обучение, Коммунистическая партия исходит из высших интересов общесоюзного государства... *Практика показывает насущную необходимость... постоянного обмена кадрами, опытными работниками между республиками и центром.* (подчеркнуто мною — В. М.) ...Марксизм непримирим с национализмом, будь он самый „справедливый“, „чистенький“, тонкий и цивилизованный. Неуклонно углубляются духовные связи наций и народностей, развивается... единая культура советского народа... Важно, чтобы здоровый интерес

ко всему ценному, что есть в каждой национальной культуре, не вырождались в попытки отгородиться от объективного процесса взаимодействия и сближения национальных культур. Это касается и отношения к языку, к памятникам прошлого, и трактовки исторических событий.»

То есть призыв-приказ следовать старым сталинско-хрущевско-брежневским курсом в национальном вопросе. Но этот курс невозможен в условиях гласности. В прежние времена наиболее последовательных защитников национальной культуры репрессировали, и те, у кого не хватало мужества идти на жертвы, вынуждены были молчать. Сейчас эти люди осмелели и получили общественную трибуну (к тому же аресты по политическим мотивам с января этого года прекратились). Горбачеву становится ясным, что на поддержку интеллигенции нерусских республик он может рассчитывать, лишь внося коррективы в прежнюю национальную политику. На январском, 1987 года, пленуме он сказал:

«Ведь это же факт, товарищи, что вместо объективных исследований реальных явлений в сфере национальных отношений, анализа действительных социально-экономических и духовных процессов — очень непростых и противоречивых в своей сущности — некоторые наши обществоведы долгое время предпочитали создавать трактаты „заздравного“ характера... Надо признать, что ошибки, допускаемые в области национальных отношений, их проявления оставались в тени и говорить о них было не принято. Это привело к отрицательным последствиям, с которыми сейчас приходится иметь дело.»

И, ссылаясь на Ленина, продолжил:

«необходимо проявлять особую чуткость и осмотрительность во всем, что касается развития национальных отношений.»

Увы, не всех в ЦК устраивает такой подход к национальному вопросу. И потому в резолюцию пленума горбачевский тезис об ошибках национальной политики не попал, зато туда были вставлены слова, очень напоминающие те, что мы приводили в цитате из «Правды»:

«В целях... необходимо активизировать обмен кадрами между республиками и регионами, между местными и центральными органами.»

Конфликтная ситуация нашла свое отражение и в центральной печати. 13 февраля «Правда» публикует очень важную и интересную статью академика Ю. Бромлея, который признает наличие деформаций в сфере националь-

ных отношений и говорит о необходимости отказа от предвзятого отношения к культуре и истории народов СССР. А всего лишь двумя днями раньше та же «Правда» публикует статью «Цена самолюбования», автор которой обвиняет в национальном эгоизме казахского поэта, призывающего гордиться родным языком, и рассматривает наличие детских садов с казахским языком обучения и воспитания в столице Казахстана Алма-Ате как проявление «национальной обособленности».

И все же голос людей, обеспокоенных судьбой национальных культур, оказался сильнее, что в условиях даже ограниченной гласности — вещь немаловажная. Инициаторами движения в защиту родного языка довольно неожиданно оказались писатели Белоруссии. Национальная культура в этой республике была уже на грани гибели. На апрельском пленуме Союза писателей СССР белорусский писатель Нил Гилевич рассказал о том, что в городах его республики нет ни одной белорусской школы, и после этого спросил:

«Где и как может белорусский писатель обогащать и совершенствовать свой рабочий язык? Ведь национальный язык развивается в естественных условиях — в быту, в семье, в производственных отношениях людей... Ну, а если этих условий для его развития нет? Какова же перспектива большой национальной литературы, да и всей белорусской культуры в целом, если язык — первоэлемент культуры. Как вы, надеюсь, понимаете, для нас сегодня — это вопрос вопросов. Мы глубоко озабочены сложившейся в Белоруссии языковой ситуацией. Но разве наша забота — это только наша забота?»

Белорусам удалось добиться приезда правительственной комиссии из Москвы для изучения языковой проблемы в республике.

С жалобами на катастрофическое положение национальной культуры в своих республиках публично выступили многие известные литераторы: армянка Сильва Капутикян, украинцы И. Драч, Д. Павлычко, С. Плачинда, Л. Новиченко, В. Дрозд, Б. Олейник, белорусы В. Быков и А. Адамович, эстонец В. Бээкман, киргиз Ч. Айтматов, казах О. Сулейменов и др. Для защиты родной культуры они решили опереться на тезис, который давно уж используется советской пропагандой, — двуязычие в национальных республиках. Тезис этот обычно был нужен для прикрытия

русификации нерусских народов: русский язык, мол, является *lingua franca* в Советском Союзе и поэтому каждый гражданин нерусских республик должен владеть им как своим родным. Это, очевидно, является отступлением от тех принципов национальной политики, которые были установлены при Ленине. Согласно решению XII съезда партии, основным языком во всех сферах социальной жизни республики должен быть язык народа этой республики. Требование особых прав для русского языка рассматривалось как проявление шовинизма. В резолюции этого съезда подчеркивалось: «Решительная борьба с пережитками великорусского шовинизма является первой очередной задачей партии». Со времен XII съезда много, однако, воды утекло. Русский язык еще при Сталине не только был уравнен в правах с родным языком народов нерусских республик, но и вытеснил его из многих (на Украине и, особенно, в Белоруссии чуть ли не из всех) областей социальной жизни. Поэтому тезис о двуязычии уже означал, по существу, не установление равенства двух языков в республике, но призыв к дальнейшей русификации. И вот сейчас интеллигенция нерусских республик пытается придать этому тезису новый смысл. Поднять значение родного языка хотя бы до такого уровня, который *незаконно* принадлежит в республике языку русскому. Безусловно, это компромисс, и наиболее последовательные защитники национальной культуры народов могут на этот компромисс не согласиться. Но в сложившихся условиях этот компромисс может временно улучшить ситуацию, в которой находится национальная культура нерусских народов. Временно — потому, что ситуация эта будет зависеть не только от того, сколько школ и детских садов с родным языком обучения будет в республике, и даже не от того, каким будет тираж книг и периодических изданий на этом языке и как будут трактоваться те или иные события исторического прошлого, а главным образом от того, насколько социально перспективным будет родной язык. Последнее в свою очередь зависит от степени политической и экономической самостоятельности республик в составе СССР. Достижение такой самостоятельности, наверняка, завтра станет основным требованием тех, кто сегодня добивается больших прав для родного языка.

Понятно, что более или менее сносно национальный вопрос в многонациональном *союзном* государстве может быть решен лишь при одновременном восстановлении преемственности истории и культуры русской. Но *русской*, а не *имперской*. Видимо потому, что история России почти всегда и всеми рассматривалась как история Российской (или советской) империи, в сознании очень многих эти понятия совмещены. И вряд ли стоит удивляться тому печальному факту, что первой серьезной общественной организацией в стране (которую, по-видимому, поддерживают довольно широкие слои населения и часть партаппарата), возникшей в эпоху горбачевской *гласности*, стала пресловутая «Память» — новый вариант черносотенного «Союза Михаила Архангела». Предшественниками «Памяти» в русской истории были, помимо прямых черносотенцев, крайне правые русские националисты, типа Василя Шульгина, и национал-большевики. И враги у них с «Памятью» общие — жида и масоны, и лозунги одни и те же — «Православие, Самодержавие, Народность» (члены общества «Память», как и национал-коммунисты, легко соглашаются на подмену самодержавия царского самодержавием коммунистическим). Несомненно, есть опасность, что шовинистические организации, подобные «Памяти», смогут серьезно повлиять на общую атмосферу в стране, но уменьшить эту опасность могут вовсе не запрещения радикальных шовинистических обществ, а, напротив, расширение сферы общественной жизни, предоставление слова правозащитникам, социологам и историкам *всех* направлений — т. е. большая гласность и свобода информации.

Начало экономических реформ

Успех демократизации в стране, по мнению многих обозревателей, зависит от того, сколь успешной будет перестройка в экономике. Противники реформ, считают эти обозреватели, только и ждут момента, когда вновь обострится хозяйственный кризис. А тогда и Горбачеву, и всей перестройке придет конец. Впрочем, часто можно услышать, что никакой перестройки в Советском Союзе еще нет и в ближайшее время быть не может — потому-де, что у

реформаторов нет ни единства, ни общей концепции. Ссылаются при этом на различие в позиции экономических советников Горбачева, на их высказывания о том, что движение вперед возможно лишь путем проб и ошибок.

Единомыслие никогда не служило критерием истины, и различие взглядов ведущих советских экономистов — Аганбегяна, Бунича, Заславской, и др. — свидетельствует лишь об их недогматическом подходе к решению проблем, что вовсе не исключает возможности создания компромиссной, но тем не менее радикальной общей платформы. А ссылка на метод проб и ошибок нужна им для того, чтобы утвердить программу, которая будет динамично реагировать на требования жизни. Ведь одно из главных зол жестко централизованной сталинской системы управления экономикой в том именно и состоит, что она не допускает никаких творческих экспериментов и, опасаясь «проб и ошибок», ограничивает нормальное развитие товарно-денежных отношений. На том она и держалась — система кастрированной экономики.

Надо заметить, что сегодня понятие «радикальной экономической реформы» имеет совсем иной смысл, чем год назад.¹ Тогда всякого сторонника хозрасчетной экономики, ограничения централизации, расширения прав предприятия автоматически причисляли к *радикалам*, а *консерватором* считали того, кто хотел бы ограничиться ремонтом старой системы при помощи укрепления дисциплины, стахановского движения и борьбы с коррупцией. Одно из главных достижений перестройки в прошлом году в том, что такой тип консерватора сейчас почти исчез.*

Московский автор, подписавший свою статью о Горбачеве псевдонимом «Берегов», совершенно неоправданно, на мой взгляд, зачисляет в число правых (консерваторов) премьер-министра Рыжкова. Если сравнить выступления Горбачева и Рыжкова на июньском Пленуме ЦК, в их позициях мы не заметим существенных отличий. Можно

1. См., к примеру, статью «Разговоры о реформах — что дальше?» в «Форуме» № 15.

* Возможно, к числу таких консерваторов относится член Политбюро Алев, но на последнем Пленуме ЦК и на сессии Верховного Совета СССР, где был принят Закон о предприятии, он не присутствовал.

предположить, что Горбачев, будь его власть безграничной, выдвинул бы более «либеральный» проект экономической перестройки, но очевидно — недавно принятый Закон о государственном предприятии и Основные положения о коренной перестройке управления экономикой (представленные, кстати, на Пленуме Рыжковым) являются все же документами, отражающими позицию тех, кто стремится создать новую по существу систему экономики — хотя и социалистическую, но не в том смысле, что вкладывался в это слово при Сталине и Брежнев.

В прежней системе главенствующее положение занимали центральные органы управления. Они определяли, что, как и в каком количестве производить предприятию, у кого и на каких условиях получать сырье и материалы, кому, как и по какой цене отдавать, сколько платить работникам, сколько отчислять в те или иные фонды и т. п. Планировалось и финансировалось сверху буквально все, вплоть до мелочей. Планы были настолько напряженными, а контроль настолько жестким, что руководитель предприятия чувствовал себя простым исполнителем чужой воли. О том, чтобы проявить инициативу, не могло быть и речи — лишь бы успеть с планом, не нарушить инструкции, не допустить ЧП. Все остальное (в том числе и качество производимой продукции, удовлетворение потребностей потребителя, условия работы и оплаты труда работников) его интересовало гораздо меньше, а то и вовсе не интересовало, — как говорится, «...быть бы живу».

Сегодня акценты смещены. Главное звено экономики — предприятие. Оно переводится на хозрасчет, самофинансирование и самоуправление.

Самоуправление заключается в выборности всех руководителей и в праве трудового коллектива досрочно освобождать их от должности, в создании совета трудового коллектива, решения которого «обязательны для администрации», в том, что в случае конфликта между администрацией и советом решающее слово принадлежит общему собранию всех работников предприятия.

Самофинансирование означает, что производственная и социальная деятельность предприятия в основном осущест-

вляется за счет заработанных коллективом этого предприятия средств. «Государство не отвечает по обязательствам предприятия. Предприятие не отвечает по обязательствам государства, а также других предприятий, организаций, учреждений.»

Из выручки за свою продукцию предприятие возмещает материальные расходы. Все, что остается, составляет его прибыль. Часть этой прибыли идет на расчеты с бюджетом, банками, другая часть образует хозрасчетный доход предприятия. В законе сказано, что этот доход «находится в распоряжении предприятия, используется самостоятельно и изъятию не подлежит».

Все это очень привлекательно, но, к сожалению, в Законе о госпредприятии есть достаточно ограничений свободного развития хозрасчета, самофинансирования и самоуправления.

Предприятие действительно самостоятельно планирует производство и распределение, но на основе спускаемых сверху контрольных цифр, экономических нормативов, лимитов и госзаказов. Оно должно руководствоваться централизованно установленными ценами, а также «ценами (тарифами), утвержденными министерствами и ведомствами». Часть необходимых предприятию ресурсов, оно получает «в централизованном порядке». Какая это будет часть, скорее всего будет решать вышестоящий орган. Словом, хозрасчет еще далеко не полный.

И самофинансирование не полное — наиболее важные производственные объекты финансируются госбюджетом. Хотя в законе сказано, что государство и предприятия друг за друга не отвечают, при выдаче государственных заказов предусматривается их взаимная финансовая ответственность.

Наконец, и самоуправление ограничено. Руководитель предприятия, объявленный «единоначальником», тем не менее находится по сути в двойном подчинении. Он несет ответственность и перед представительным органом работников предприятия (советом трудового коллектива) и перед вышестоящей организацией (министерством, ведомством). Конфликты в этой ситуации не просто возможны, но обязательны, поскольку министерство представ-

ляет абстрактные интересы государства (желающего получить от предприятия как можно больше), а совет коллектива защищает непосредственные интересы производителей, которые, естественно, далеко не всегда совпадают с интересами государства. Как будут решаться такого рода конфликты, закон не поясняет. Более того — руководитель хотя и избирается коллективом, но утверждается все тем же «вышестоящим органом». Если он не будет утвержден, проводятся новые выборы. Что случится, если работники предприятия всё же будут настаивать на своей кандидатуре, мы не знаем, — закон на сей счет хранит молчание. А значит, закон так и не определяет, кто же на самом деле является хозяином предприятия — коллектив или вышестоящая инстанция. Авторы проекта, по-видимому, предполагают, что подобного рода конфликтная ситуация завершится «мирным исходом» с помощью парткома. Не случайно в закон внесен пункт о парторганизации как «политическом ядре коллектива», которая «направляет работу всего коллектива» (конечно, в нужную для «вышестоящего органа» сторону).

Безусловно, Закон о госпредприятии и Основные положения коренной перестройки управления экономикой не совершенны. Но возникает вопрос: А могут ли они быть совершенными? Способна ли экономика огромной империи, почти шестьдесят лет управляемая при помощи административно-волевого метода в условиях жесткой централизации, экономика, искусственно оторванная от системы международной кооперации, перегруженная военными заказами и с большим трудом удовлетворяющая минимальные потребности населения страны, — способна ли такая экономика в один момент (после выхода соответствующего указа) вдруг начать развиваться совершенно свободно и без потерь, которые повергнут страну в глубочайший кризис?

Конечно, освобождение экономики от уз централизованного управления необходимо, но резкий переход на новые рельсы может сопровождаться колоссальными материальными потерями, банкротством очень многих предприятий, появлением монополий, невероятным ростом цен, инфляцией, превышающей нынешнюю, резкой социальной дифференциацией, безработицей и нищетой миллионов (из-за

недостатка средств для организации системы социальной помощи). В конце концов кризис будет преодолен, но переходной период может быть очень болезненным. Так не лучше ли, чтобы избежать беды, пустить все на тормозах.

Вряд ли стоит сомневаться, что партийные руководители СССР не только хотят облегчить переходной период, но и пытаются сохранить в своих руках бразды управления экономикой. Очень важно понять, насколько далеко способны они пойти, уступая требованиям жизни.

Некоторые политэмигранты твердо усвоили: коммунисты *любой ценой* будут защищать безграничность своей власти, потому что они коммунисты. И поэтому ничего хорошего из горбачевских реформ не получится. Примерно такая аргументация использована в известном обращении десяти эмигрантов в газету «Фигаро», которое мало кого убедило. В «Форуме» представлена другая позиция, в нем впервые в эмигрантской печати на основе анализа ситуации в стране была выражена надежда на возможность радикальных реформ, направляемых сверху.

Чтобы предсказать вероятное направление будущего развития, следует, по-видимому, проследить уже существующие тенденции. Выше было сказано, что в течение одного года (1986-го) существенно изменились представления о том, что считать радикальной реформой. Прошло еще полгода и появились новые тенденции. Пытаясь понять, какие же это тенденции, сравним между собой проект Закона о госпредприятии, опубликованный 8 февраля, и его окончательную редакцию, утвержденную на Пленуме ЦК в конце июня.

Нельзя не обратить внимания, что в законе, по сравнению с проектом, пересмотрена статья о планировании. Здесь подчеркивается, что контрольные цифры «не носят директивного характера», должны оставлять предприятию возможность для самостоятельного выбора решений и партнеров при заключении договоров. Контрольных цифр не должно быть много. Обязательными являются показатель производства продукции в стоимостном выражении, прибыль и наиболее важные показатели научно-технического прогресса и развития социальной сферы. Экономические нормативы, сказано в законе, «являются стабильными в течение всей пятилетки».

Гораздо больше внимания, чем в проекте, уделено в законе государственным заказам. Они, судя по всему, будут ограничены вводом в действие объектов и производством продукции общегосударственного значения. Положение о госзаказах появилось в законе после того, как в советской прессе прошла оживленная дискуссия на тему «План и товарно-денежные отношения». В пятом номере «Нового мира» была опубликована статья экономиста Попковой, в которой утверждается, что эти два понятия несовместимы. Член-корреспондент АН СССР Шаталин сказал в интервью журналу «Аргументы и факты», что понятие «рыночный социализм» — это безграмотная утопия, что абсурдно полагать, будто план и рынок могут сосуществовать в одной сфере. Но он верит, что возможно при социализме разделение сфер — госзаказы должны строго планироваться, а для всего прочего «планирование и регламентация излишни и даже вредны». Думаю, что введение в закон особых оговорок о госзаказах — первая попытка решить проблему разделения двух сфер.

В законе, в отличие от проекта, сказано, что в будущем основной формой материально-технического обеспечения предприятия должна стать свободная оптовая торговля и что в перспективе будут широко применяться договорные и самостоятельно утверждаемые предприятием цены на продаваемую продукцию.

В проекте говорится, что фонд зарплаты образуется по нормативам, причем для руководящих и инженерно-технических работников эти нормативы должны утверждаться вышестоящим органом. В законе же представлены два варианта формирования фонда оплаты труда (об утверждении нормативов оплаты труда министерством или ведомством уже не упоминается). Согласно первому варианту, фонд зарплаты образуется «по нормативу к чистой продукции» и является частью хозрасчетного дохода, куда входит также и остаточная прибыль. Во втором случае единый фонд оплаты труда прямо ничем не ограничен — он составляет весь остаток хозрасчетного дохода после отчислений в фонды производства, науки и техники, социальный и некоторые другие. Сказано в законе, что зарплата каждого отдельного работника никаким «макси-

мальным размером не ограничивается». Также не ограничены в размерах и дополнительные доплаты за увеличение объема работ, совместительство и т. п.

Нельзя не отметить, что в законе, по сравнению с проектом, права руководителя предприятия и ведомств несколько расширены за счет ущемления прав коллектива. Подчеркивается, что руководитель предприятия «руководит всей деятельностью и организует работу», что он несет ответственность перед государством и трудовым коллективом (в проекте было наоборот — «перед трудовым коллективом и государством»). Уже было сказано, что в случае неутверждения руководителя, избранного общим собранием, назначаются новые выборы. Добавлено, что проблемы, которые предстоит обсудить на общем собрании (конференции) коллектива, могут предлагать не только работники предприятия, но и вышестоящая инстанция. Правда, как бы в компенсацию за урезанные права, внесены и дополнения в пользу самоуправления. Представители администрации не должны превышать более четверти общего числа членов совета трудового коллектива. Член совета не может быть уволен или подвергнут взысканию без согласия всего совета. Руководители подразделений могут быть освобождены от должности решением коллектива.

Этих изменений в законе следовало ожидать, т. к. в ходе обсуждения проекта выяснилось, что многие экономисты и директора предприятий и объединений опасаются слишком большой зависимости руководителя от коллектива.

И наконец, новым было введение в закон статьи 24-й — о гарантии соблюдения прав предприятий.

Общий анализ поправок, внесенных в проект закона, свидетельствует о тенденции к углублению хозрасчетных отношений, к расширению прав предприятия и его руководителя (но не трудового коллектива, в способность которого самостоятельно управлять предприятием авторы изменений и дополнений не верят).

Только что принятый закон никак нельзя назвать идеальным, но основное его достоинство в том, что он позволяет развиваться новым начинаниям, дает простор для экономической деятельности государственных предприятий в интересах населения страны.

Новые перспективы для экономики откроются, если сектор, не связанный с государственными заказами, будет развиваться более свободно, чему могут помочь предстоящая реформа ценообразования и пересмотр законодательства. Главное же, чтобы гарантии прав предприятия существовали не только на бумаге.

*

Многое меняется в нашей стране и, очевидно, к лучшему. Будущее перестройки, думаю, будет зависеть от того, смогут ли демократически настроенные общественные силы страны повлиять на волю «реформаторов наверху», заставить их прислушаться к своему голосу.

июнь 1987

ОТТЕПЕЛЬ ИЛИ ВЕСНА?

Насколько глубоки и необратимы социальные процессы, происходящие сейчас в Советскому Союзе? Эта проблема занимает весь современный мир. Естественно, в первую очередь волнует она людей, посвятивших свою жизнь делу демократизации так называемых «социалистических» стран.

Редакция журнала обратилась к нескольким известным правозащитникам, ученым, писателям с просьбой ответить на вопросы, касающиеся перестройки в СССР.

Вопросы журнала «Форум»:

1. Изменился ли существенно политический курс при Горбачеве? Можно ли уже говорить о процессе демократизации? Какие изменения, на Ваш взгляд, должны были бы произойти, чтобы в стране утвердилась демократия?
2. Считаете ли Вы, что в социально-экономической сфере произошли важные сдвиги? Что можно и нужно было бы еще сделать в этой области?
3. Как Вы оцениваете то, что происходит сейчас в советской культуре? При каких условиях литературно-культурная жизнь в СССР могла бы свободно развиваться?
4. Каковы нынешнее состояние и перспективы межнациональных отношений в Советском Союзе?
5. Оказало ли, по-Вашему, влияние на перестройку правозащитное движение? Если да, то какое?
6. Как Вы относитесь к внешнеполитическому курсу Горбачева?
7. Ваша общая оценка реформ Горбачева? Связываете ли Вы с ними надежды на демократию в СССР?

1. Можно говорить о процессе «демократизации» или «либерализации» — это вопрос терминологии. Для того, чтобы в стране утвердилась демократия, нужно коренное изменение существующего строя. Об этом нет сейчас и речи, администрация Горбачева стремится к изменениям в рамках системы. Такие изменения возможны, ибо эта система может существовать в различных видах и показывала уже примеры своей эластичности. Было бы, на мой взгляд, замечательно, если бы она вернулась к тому, что было в 20-е годы, даже и без внутривластной оппозиции (которая, впрочем, сейчас как раз и есть, и готова, видимо, съесть Горбачева).

2. Сдвигов особо серьезных нет, есть только тенденции. В социально-экономической области можно было бы сделать многое (хотя это и непросто по разным причинам): расширить, например, рамки «Закона об индивидуальной трудовой деятельности» таким образом, чтобы этой деятельностью можно было заниматься как основной и не только в сфере услуг и производства полиэтиленовых пакетов; распустить колхозы и совхозы и одновременно поощрять разные формы подлинной и добровольной кооперации: *продавать*, а не *распределять* квартиры и путевки; и, наконец, — что не менее важно — легализовать правящий класс и его привилегии, чтобы номенклатура не боялась — как она боится сейчас — реформаторов типа Хрущева и Горбачева (это мысль эмигрантского автора Б. Парамонова — см. «Страна и мир», №1, 1987, стр. 51, но также и мысль, высказанная в газете «Правда» от 13 февр. 1986 в знаменитой статье «Очищение»).

4. Межнациональные отношения в СССР никогда не бывали хорошими. Для нынешней эпохи характерно пробуждение национального самосознания, и центробежные тенденции в советской империи будут возрастать. Это, боюсь, может переключить энергию Горбачева в другое, нереперформистское

русло. Вряд ли он, например, согласится, чтобы какая-нибудь республика вышла из СССР.

5. Лозунг «гласности», как и другие ныне прокламируемые лозунги, был выдвинут именно правозащитным движением. Возвращением А. Сахарова в Москву Горбачев как бы подтвердил справедливость его (Сахарова) критики советского общества.

6. Предложения Горбачева о сокращении ядерного и другого вооружения должны внимательно изучаться Западом. Возможно, история дает сверхдержавам исключительный шанс установления нормальных отношений. Если Горбачев останется у власти, то со временем и глобальные цели советской внешней политики могут измениться.

7. Я положительно отношусь к реформам Горбачева, сознавая их ограниченный характер. Дело пока не в надеждах на демократию. Более актуален сейчас вопрос: кто кого? И это вопрос нешуточный.

Милован ДЖИЛАС

писатель, публицист, бывший вице-президент Югославии, бывший политзаключенный

1. Горбачев изменил внутривнутриполитический курс, но система как таковая, по сути, не изменилась всё это только изменения в рамках системы, система в целом, повторяю, не изменилась. Поэтому, на деле речь может идти лишь об ограниченной демократизации, демократизации для того, чтобы система лучше функционировала, но без демократии, без глубоких демократических преобразований, без изменений, которые означали бы свободу: то есть без свободы экономической (на государственном, кооперативном и частном уровнях) и без свободы организации демократических партий.

2. Значительных перемен в хозяйственной системе нет: Горбачев просто легализовал то, что уже существовало нелегально, было нелегальным, но все-таки допускалось в советской экономике. Конечно, хотя это и немного, но это все же первый шаг — признание неэффективности (и фиктивности) так называемой коллективной «социалистической» собственности.

3. Горбачев здесь сделал весьма существенные шаги — правильнее сказать: он пошел на уступки в области культуры. В этом направлении освобождение будет подвигаться шаг за шагом — параллельно с трудностями и противодействием со стороны «идеологии». Формы творчества станут более свободными, но некоторые темы будут еще долго оставаться под запретом — например, критический подход к Ленину, к революции, к характеру власти.

4. Национальный вопрос заострится: «слаборазвитые», «отстающие» нации будут требовать большей автономии, больше прав и возможностей для самовыражения, для выявления своих сил. При этом национальный вопрос играет двойную роль: он ослабляет существующую систему, но в то же время задерживает процесс либерализации до тех пор, пока русская часть правящей партии и русская интеллигенция не поймет или, правильнее, пока кризис не заставит их понять, что политико-партийный централизм тормозит развитие каждой нации, в том числе и русской. Демократизация невозможна без разрешения национальных проблем, без политической и государственной самостоятельности всех наций. Я подчеркиваю, русские также не смогут добиться подлинно свободного самовыражения, если этого не добьются другие народы.

5. Движение за права человека, независимо от того, идет ли речь о движении, группах или отдельных героических личностях, выполнило свою задачу: оно показало, что не всё так уж хорошо в «лучшей из всех систем». Кризис, застой и гниение порождены системой как таковой. Всё это и будет продолжаться во время Горбачева и даже после него.

6. Пока во внешнеполитическом курсе не заметно особых перемен. Но все же: мы наблюдаем больше гибкости и больше инициативы. А почему бы и нет? Никто не может угрожать Советскому Союзу и никто ему и не угрожает. Советский Союз может позволить себе вносить всё новые и новые предложения по разоружению, в особенности потому, что ему нужны время и большие средства для модернизации.

7. Новые времена. Как я уже сказал, это демократизация до определенных пределов, до тех пор, пока она не станет угрожать власти и монопольному положению партии. Горбачев частично добьется успехов (в том, что касается модернизации производства, активизации партии и пробуждения патриотических настроений, и тогда только появятся серьезные трудности: обнажится бесперспективность советской системы в современную постиндустриальную эру. Но уже при Горбачеве будут развиваться новые идеи и новые учения.

Значение Горбачева, появление Горбачева, по-моему, объясняются следующим: система вошла уже в фазу разложения, но правящая партия (класс, номенклатура и т.д.) еще очень сильна в некоторых своих сегментах, в первую очередь — в административно-технократических. Результатом столкновения этих противоречий является определенное улучшение системы, даже некоторое улучшение общего положения, но суть, самое существенное в системе, не меняется. Поэтому, хотя Горбачев и значителен, но он личность переходного времени.

Белград, 23 апреля 1987.

Лев КОПЕЛЕВ

писатель, правозащитник, бывший политзаключенный

1. Курс начал изменяться, особенно после Чернобыля. Можно говорить не о процессе, а о первых опытах демократизации.

Для того, чтобы утвердилась демократия, необходимо **РЕШИТЕЛЬНО ИЗМЕНИТЬ СИСТЕМУ УПРАВЛЕНИЯ** и ответственности — руководители должны отвечать перед руководимыми. При этом необходима неограниченная свобода критики, настоящая, а не только провозглашаемая гласность и не только в столичных городах.

2. Сдвиги еще не произошли, хотя намечаются: кооперативные предприятия, некое, пока еще спорадическое, высвобождение частной инициативы.

3. Наиболее значительные новые явления я вижу именно в культурной жизни — в литературе, кино, театре. Но книги, которые сегодня издаются и воспринимаются, как чрезвычайные, невероятные события, были написаны еще до прихода Горбачева: «Пожар» В. Распутина, «Зубр» Гранина, «Плаха» Айтматова (ей предшествовало не менее значительное произведение «И дольше века длится день»), «Белые одежды» В. Дудинцева, «Ночевала тучка золотая» Ан. Приставкина, «Дети Арбата» А. Рыбакова и др.

Главное условие свободного развития советской культуры — полная отмена цензурных ограничений и отказ от любых попыток «партийного руководства».

4. Нынешнее состояние межнациональных отношений — трагическое. На последнем пленуме правления СП СССР («ЛГ», 6 мая 87) украинские писатели говорили о постепенном исчезновении украинских школ на Украине, а белорусские писатели — о том, что в белорусских городах есть английские, французские, испанские школы, но нет белорусских... Начатая при Сталине русификация вызывает в национальных республиках неприязнь к русскому народу, несмотря на то, что русский народ от сталинщины и от ее донныне неустраненных последствий страдал и страдает не меньше, а во многих случаях и больше, чем другие народы СССР.

5. Правозащитное движение оказало и оказывает, по-моему, несомненное влияние на разные стороны жизни в СССР, в том числе и на «перестройку». Меморандум А. Д. Сахарова (1968 г.) и другие предложения и требования его и других правозащитников (например, Льва Тимофеева) несомненно

оказали непосредственное влияние на сотрудников М. Горбачева, а вероятно и на него самого.

6. Внешнеполитический курс М. Горбачева мне представляется еще недостаточно решительно «перестроенным». Вероятно, он встречает особенно упорное сопротивление. Хорошо, что Горбачев, по-видимому, всерьез хочет разоружаться. Но пока не выведены советские войска из Афганистана, а на Западе хотя бы, для начала, только из Венгрии и Чехословакии, пока не прекращена оккупация южных Курильских островов, я не могу одобрить «внешнеполитический курс» советского правительства.

7. Реформы вызывают и надежды и сомнения. Все реформы, осуществленные до сих пор, еще не устраняют моего недоверия к реформаторам. Пока не освобождены все политические заключенные, пока не осуществлена радикальная судебная реформа, пока не установлены однозначные, утвержденные законами, гарантии тех свобод и гражданских прав, которые декларированы советской конституцией, мои надежды не могут превратиться в уверенность. Однако существенны не только упомянутые выше события в культурной жизни страны, но и решительно изменившийся характер печати: открытая и резкая критика уже не одних лишь «ошибок и нарушений периода культа личности», но самих основ советского общественного строя и официальной идеологии — впервые на моей памяти в газетах пишут о необходимости судебной реформы, о необходимости законодательного утверждения презумпции невиновности, о бесплодности советской системы образования, о фальсификации истории и т. п. Это позволяет надеяться на новые, сегодня еще непредставимые перемены к лучшему.

май 1987

Кронид ЛЮБАРСКИЙ

правозащитник, бывший политзаключенный, редактор журналов «Вести из СССР» и «Страна и мир»

1. Разумеется, политический курс советского руководства при Горбачеве резко изменился. Однако, назвать это

демократизацией я бы поостерегся — либо же надо договориться о термине. Думаю, что происходящее сейчас в СССР скорее можно назвать переходом к просвещенной монархии. Для того, чтобы в стране утвердилась демократия, нужно сделать слишком много, чтобы это можно было перечислить в кратком ответе. Но упомяну главное: как это ни парадоксально, Горбачеву надо отказаться от своей власти — и постараться вновь ее получить законным, демократическим путем. К сожалению, сейчас это невозможно: любая попытка Горбачева в этом направлении приведет только к концу реформ, к его собственному концу. Парадоксально, но факт: переходным этапом к демократии (если она вообще наступит) стало просвещенное автократическое правление. В этом отношении Солженицын оказался прав. Неправ он оказался в том, что этот переходный период он связывал с так называемым национальным и религиозным возрождением.

2. В социально-экономической сфере пока существенных сдвигов не произошло. Закон об индивидуальной трудовой деятельности пока еще начинает только жить, и надо подождать, не перевесят ли, как всегда, закон «подзаконные» акты. Закона о социалистическом предприятии пока нет, и неясно, каким он будет. Что можно и нужно сделать ЕЩЕ в этой области? Постановка вопроса меня удивляет. Начать да кончить. Ввести в стране свободную рыночную систему.

3. Что происходит в культуре? В культуре — ничего решительно. Все важное, что сейчас появляется в культуре — это плоды еще ленинских (Гумилев), сталинских («Реквием»), хрущевских («Доктор Живаго») и брежневских и послебрежневских времен (фильм Абуладзе). Вероятно, вопрос имел в виду условия, в которых развивается культура, а это не одно и то же. Опыт эмиграции это наглядно иллюстрирует. Бесцензурная русская проза третьей эмиграции не произвела ничего, кроме жалкого подобия литературы. В поэзии ситуация лучше (Бродский, например). Если же отвечать на вопрос об условиях для развития культуры, то пока Горбачев сделал в этом направлении более, чем кто-либо из советских лидеров. Не все — но этого пока и невозможно ожидать. Воспользуется ли этим культура — вопрос другой. В первую

очередь это будет зависеть от уничтожения внутреннего цензора, а для этого внешнего цензора убрать недостаточно. Надо снять страх — а до этого далеко. Подождем, когда гласность коснется КГБ и Политбюро.

4. В состоянии межнациональных отношений пока ничего не изменилось. Похоже, что Горбачев даже не подозревает о существовании проблемы. Пример Алма-Аты достаточно яркое. Горбачев, видимо, искренне думает, что достаточно заменить плохого руководителя хорошим — и все будут довольны. Оказалось, однако, что Кунаев был плох только до тех пор, пока его не заменили чужаком. Горбачеву еще придется осознать, что такие иррациональные чувства (не решаюсь назвать их идеями) могут стать материальной силой, и с ними надо считаться.

5. Безусловно, правозащитное движение оказало глубокое влияние на идеи перестройки. Не напрямую, конечно. Горбачев не «украл» свои идеи у Сахарова. Но правозащитное движение подспудно сформировало то «новое политическое мышление», о котором сейчас так много говорят. Любопытно сравнить ход мысли Горбачева с идеями известного письма Сахарова, Турчина и Медведева. Параллели подчас просто поразительны.

6. Внешнеполитический курс Горбачева — наряду с его национальной политикой — самое слабое его место сейчас. Он доныне находится в плену психологии обитателя «осажденной крепости», рассматривая Запад, как врага. Немалую роль играют и личные амбиции — этот человек болезненно самолюбив и раним, что в дипломатии отнюдь не достоинство. Но у него есть свойство, уникальное для советского руководителя: он умеет УЧИТЬСЯ. Пожалуй, это основа наших надежд, не только во внешней, но и во внутренней политике.

7. Общая оценка горбачевских реформ — безусловно положительная. Впечатление о нем лично — но это только впечатление — очень благоприятное. Приведут ли эти реформы к демократизации страны — сказать нельзя. Сейчас из горбачевского семени может произрасти решительно все: и демократизация, и попытка ресталинизации, и национал-

большевизм, и все, что вам угодно или не угодно. Но важно вот что: если в стране вообще могут начаться какие-то изменения (а иначе, чего мы стараемся вообще), то они могут начаться ТОЛЬКО ТАК, как они начались. Поэтому пожелаем Горбачеву (или себе?) успеха.

май 1987

Сергей МАКСУДОВ

профессор Бостонского университета, автор исследований по истории Советского государства.

1. Изменения, несомненно, происходят и отчасти в сторону демократизации. До конца далеко, а для демократии, как многие думают, и я в том числе, необходима многопартийность, свобода печати, независимость суда и конкурентная борьба на всех уровнях. Шагом к демократизации была бы открытая конкуренция на самом верху: два кандидата на пост генерального секретаря с тайным голосованием, но при том, конечно, условии, что победитель не уничтожает побежденного ни прямо, ни косвенно — тот остается со своей альтернативной программой как запасной вариант пути.

2. Главные изменения в социальной и экономической сфере — это пока антиалкогольная борьба, борьба с воровством и коррупцией, укрепление (пусть временное) дисциплины труда. Остальное — скорее обещания или поиски пути. Сделанные шаги, очевидно, важны, но они не прибавили популярности руководству. Простому человеку жить стало труднее.

3. В культуре произошло расширение границ, что конечно, не есть свобода, но все-таки легче дышать.

4. Любое освобождение не может не вызвать национального брожения. прежде всего в культуре. Освобождение это вынесет на поверхность спрятанные противоречия, но оно же их сгладит. События в Казахстане показывают, что власти не готовы уважать идеи национального развития и мыслят решение проблем в рамках всей страны.

5. Критическое настроение, высказанное правящей группой, было, по-видимому, частью критических взглядов интеллигенции, к которой органически примыкало правозащитное движение. Думаю, что не случайно Сахаров не просто возвращен, но включен в общественную жизнь.

6. Внешнеполитический курс Горбачева содержит два элемента — попытку заключения соглашений с Западом, разоружение и выход из Афганистана, которые должны развязать руки для перестройки экономики и обеспечить кредиты, но во внутренней пропаганде критика Запада едва ли не возросла, рядовой человек в СССР должен по-прежнему представлять жизнь в Америке чудовищной и опасаться вторжения агрессоров. Страх и недоверие слишком долго служили режиму верной опорой, чтобы от них отказаться.

7. Лучше что-то, чем ничего, особенно если надеяться на необратимость происходящих перемен и на развитие процессов, непредусмотренных их инициаторами. Реформа Горбачева не может не вызывать надежд. В историческом плане она больше всего напоминает первую оттепель 1855-1863 гг., когда все размышляли о перестройке экономики (аграрной реформе) и проводили множество других не менее важных преобразований. Самая грандиозная реформа — освобождение крестьян — провалилась, потому в частности, что была недостаточна глубока. А затем восстание в Польше положило предел либеральным тенденциям. Кончилось все убийством царя-освободителя и заморозками. Этот урок следует, на мой взгляд, иметь в виду.

апрель 1987

Раиса ОРЛОВА

литературовед, участница правозащитного движения в СССР

3. В словаре Даля еще нет существительного «ПЕРЕСТРОЙКА», слова, которое сегодня уже без перевода печатается на многих языках. Есть глагол «перестраивать» — «построить иначе». Однако, мне кажется, что применять общественно-

политическую терминологию к области культуры, — а я могу писать только об этой области, — не стоит. Настоящая литература не «строится», соответственно и не «перестраивается». Она независимо рождается, растет, умирает, — это органический таинственный процесс.

Но, когда рукопись созрела, закончена, тогда судьбу книги решает общественная ситуация. Она изменилась. За последние полтора года я прочитала в советских газетах, еженедельниках, журналах, книгах больше правды о моей родине, чем за долгие предшествующие годы. Сняты, снимаются, смываются запреты со многих (не со всех!) областей жизни. Могло ли мне присниться, что буду читать в «Литгазете» споры о презумпции невиновности, статьи о наркомании, страшные и безусловно достоверные в своей правдивости статьи о молодежи, о сельском хозяйстве...

Вместе с тысячами моих соотечественников я счастлива, что великий ахматовский «Реквием» сегодня могут прочитать в московском журнале, что опубликованы Гумилев и Набоков, ранее неизданные книги Платонова, Булгакова, что вскоре будет «Доктор Живаго», что поднимаются все новые пласты русской культуры. Подобные публикации вызывают — что естественно — яростное сопротивление. «Некрофилия!» — звучит окрик со страниц «Правды». Но сегодня и «Правде» отвечают.

«Новое назначение» А. Бека, «Зубр» Д. Гранина, «Ночевала тучка золотая» А. Приставкина, «Дети Арбата» А. Рыбакова, «Белые одежды» В. Дудинцева — в этих книгах беспощадно, глубоко, талантливо исследуются разные стороны сталинского прошлого (эти книги написаны до того, как заговорили о перестройке). «Самое важное сейчас в литературе — покаяние», — пишет академик Лихачев. Покаяние — не только название фильма.

Начинается пересмотр важнейших понятий, складывавшихся предшествующими десятилетиями — речь идет о превосходстве общечеловеческих ценностей над классовыми, реабилитируются «абстрактный» гуманизм, милосердие, под вопрос ставится героизм как высшая ценность.

Это всё — только в начале.

Скептики по обе стороны занавеса говорят: — Никаких реальных изменений нет, только слова, а где дела? Дело

писателя, дело журналиста — слово. Слова вылетели. И продолжают вылетать. Пока.

Об их воздействии, об их соотношении с жизнью мне — отсюда — судить невозможно.

Никаких гарантий необратимости изменений нет. Похоже, что именно сейчас противники обновления набирают силу, используя гласность для привычной, навязшей демагогии.

Мои надежды опираются и на открыто высказываемые сомнения. Словосочетания «нам предоставлен шанс... единственный шанс... последний шанс...» повторяются часто разными людьми.

И еще: слово в России всегда играло особую роль. Верю, что это не изменилось, и потому надеюсь...

12 мая 1987

Михаил РЕЙМАН

чешский историк, проф. Берлинского университета, автор книг по истории России-СССР, активный участник «Пражской весны».

Вопросы, поставленные журналом «Форум», представляют собой сложный комплекс проблем. Ограничусь лишь некоторыми.

В радикальных изменениях политического курса, всей атмосферы политической жизни в СССР не приходится сомневаться, достаточно сравнить с обстановкой последних лет Брежнева и короткого периода реставрации при Черненко. Советское руководство, в первую очередь Горбачев, ясно выразило волю добиться существенных изменений внутренней жизни и системы международных отношений. Тем не менее наличие воли само по себе еще не означает, что проектируемые изменения беспроблемны и осуществимы. Это в частности касается проблемы демократизации.

Первое, о чем в связи с этой проблемой приходится говорить, заключается в том, что инициатива демократических

перемен не исходит от общественного движения. Перемены начались сверху, в обстановке застоя, гниения и глубокого общественного кризиса, оставшегося в наследство от постыдной брежневской эпохи. Хотя последние два года привели к известной активизации общественности, в особенности части творческой интеллигенции (писателей, работников кино и театра, ученых, журналистов), отсутствие сильного и оформленного общественного движения, способного взять дело демократизации в свои руки, сказывается также сегодня.

Проблемы демократизации этим, однако, не исчерпываются. На Западе широко распространено мнение, что в СССР нет сколько-нибудь серьезного опыта демократии. С этим мнением не приходится спорить. В широких слоях населения, в том числе и в его образованном слое, отсутствует какое-либо историческое воспоминание, какое-либо реальное представление об опыте применения демократии в России. Более того, в советском обществе существует немалый, десятилетиями накопившийся балласт представлений, убеждений и взглядов, несовместимых с демократией или ей даже прямо противостоящих. Демократизация означает, кроме прочего, также то, что открывается простор и для этих взглядов и убеждений. Увеличивается опасность оформления антидемократических течений. Конечно, можно возразить, что демократия на то она и демократия, чтобы слово получили все. Но такое развитие демократизации в настоящий момент вряд ли увеличит шансы принципиальной реформы. Как же тогда быть?

К проблеме демократии в СССР нельзя, по-моему, подходить линейно. Она требует продуманной стратегии, рассчитанной на продолжительный отрезок времени. Приходится, во-первых, считаться с тем, что основным фактором перемен является и еще относительно долго останется центральная власть, во всяком случае некоторые секции этой власти. Стоит весьма реальный, практический вопрос, как и в каком направлении ограничивать функции центральной власти, чтобы добиться расширения демократии и в то же время не поставить под угрозу инструментарий осуществления реформ.

Не подлежит, во-вторых, сомнению, что реформы будут иметь надежду на успех только в том случае, если в ходе их оформится общественное движение, способное их поддерживать. Но как добиться оформления такого движения? Лично мне кажется, что наиболее эффективным является путь демократизации и раскрепощения прессы, творческой деятельности и т. д. Появятся средства воздействия на общественность, средства пропаганды демократических взглядов, воспитания критического мышления, мобилизации общественного мнения. Этим я никак не хочу недооценивать другой, сегодня наметившийся, путь демократизации, путь внедрения самоуправления, выборного начала, поднятия роли и значения выборных органов по отношению к аппаратам власти и управления. Это оказало бы давление на те общественные институты, которые являются опорой консервативных и антидемократических тенденций, мешало бы сопротивлению переменам. Тем не менее мне кажется, что результаты этого пути скажутся лишь со временем, их положительное воздействие на общество будет зависеть от того, насколько окрепнет демократическая общественность.

На данном этапе, в-третьих, вряд ли приходится говорить о демократизации, как о пути формирования политических группировок и их борьбы за влияние в обществе. Попытки такого понимания демократизации будут наталкиваться на жесткое сопротивление. Большим успехом здесь приходится считать уже то, что сегодня существует поле для мнений, не совпадающих с официальной политикой и идеологией. Нетерпение, характерное для некоторых заявлений эмигрантов, не слишком разумно. Политический плюрализм может завершить длительный процесс развития, делать его мерилom положительности перемен уже в начале пути нецелесообразно.

Конечно, очерченный здесь путь перемен (он, в основном, совпадает с действительным развитием событий), имеет существенные минусы и изъяны. Он сильно зависим от положения в верхах, а также от того понимания демократии, которое в них господствует. Кроме того эти верхи связаны в своих планах и предложениях соображениями целесообразности и политического оппортунизма. Это хорошо де-

монстрирует сфера межнациональных и межгосударственных отношений, где Горбачеву досталось тяжелое наследие имперской политики.

Не хочу говорить о широко известных примерах «демократизации» в Казахстане или Киргизии, где она вполне очевидно мало считалась с представлениями и мнениями коренного населения. Дело не меняет то, что удар здесь был направлен против разложившихся коррупцией представителей верхнего общественного слоя. Более близок мне пример недавнего посещения Горбачева Чехословакии. В Праге Горбачев декларировал принципы взаимоотношений между странами «социалистического содружества». Он заявил, что каждая социалистическая страна и каждая коммунистическая партия имеют право самостоятельно решать свои проблемы, что правящие коммунистические партии равноправны, что ни одна из них не обладает абсолютной правдой, правом навязывать свои представления другим. Такие заявления не приходится недооценивать. Они уже сами по себе являются важными политическими актами. Тем не менее нельзя удержаться от замечаний, которые показывают суть интересующего нас вопроса. Заявления Горбачева имели бы гораздо большую убедительность и ударность, если бы они сопровождались осуждением прежней советской практики во взаимоотношениях социалистических стран, например, интервенции 1969 г. в Чехословакии. Исхожу, конечно, из того, что внутренние проблемы этих стран, в том числе и проблемы, созданные советским вмешательством, должны впредь решаться внутренними силами этих стран без повторного советского вмешательства. Тем более не приходится поэтому считать плюсом то, что советское руководство, не дожидаясь ощутимых результатов начавшихся внутренних процессов, настаивает на дальнейшей фазе интеграции стран «социалистического содружества», предрешающей характер многих будущих решений.

Говорю о минусах демократизации сверху. Их можно было бы проследить и во многих других областях. Люди демократического лагеря, приветствуя сегодня перемены в СССР, не могут, как мне представляется, отождествлять себя с ними. Выход из дилемм современного положения может

дать только самостоятельная демократическая общественность, воздействующая на политику. Основной проблемой демократизации с точки зрения демократических сил, является проблема использования возможности, создаваемой политикой Горбачева, для оформления сильной и независимой демократической общественности.

В этой связи — о правозащитном движении и других элементах нонконформизма. Их значение для сегодняшнего дня исключительно велико. В течение долгих двух десятилетий они создавали и поддерживали внутри страны и среди широкого спектра политических сил на Западе, вплоть до ряда коммунистических партий, сознание нетерпимости политического положения СССР, принципиальных изъянов существующей системы, игнорирования элементарных гражданских и человеческих прав, они же питали свежими соками советскую культуру. Их заслуга, что начавшийся в СССР процесс перемен не смог пройти мимо проблем, выдвигавшихся ими: проблем свободы личности, ее мнений и творчества, проблем правопорядка и правовой культуры. Правозащитное движение и нонконформизм в целом внесли существенный вклад в то, что соблюдение гражданских и человеческих прав становится сегодня предпосылкой смягчения международной напряженности.

Из сказанного вытекает положительная оценка Горбачева и его политики. Она, конечно, не безусловна и имеет ряд ограничений. Я не разделяю мнения скептиков. Горбачев взвалил на свои плечи тяжелую ношу. Быть может, она окажется ему не по силам, но пока он выполняет полезную и нужную работу. Она заслуживает, конечно небезоглядно, поддержки. Срыв Горбачева больно ударит по многому. Мы не посторонние зрители.

Берлин, 12. 5. 1987 г.

Михаил ХЕЙФЕЦ

писатель, правозащитник, бывший политзаключенный

1. Прежде всего — для общего фона: я принадлежу к людям, которые разделяют мнение диссидента М.Молоствова:

«Нужно очень не любить народ этой несчастной страны, чтобы не желать успеха реформам, которые могут облегчить ему жизнь». Я от всей души желаю успеха реформам, в том числе гласности и экономико-политической перестройке.

Иное дело, что результаты пройденного пути и его перспективы я оцениваю очень осторожно. По-моему, политический курс СССР существенно не изменился, и о демократизации общества невозможно говорить даже в шутку. При этом я виню не одно лишь руководство — на мой взгляд, у него пока не было возможности проявить себя по-настоящему, преодолев сопротивление традиции и инерции. Но, как мне кажется, главная причина чрезвычайно медленной эволюции в СССР — стагнация, слабая реакция общества на перемены. Людей, заинтересованных в них — что в переменах в сторону либерализации, что в переменах в сторону национал-социализма (а существуют, по-моему, обе тенденции), относительно очень мало для такой огромной страны. Боюсь, что в результате длительных операций КГБ на теле советского общества органам удалось, наконец, добиться того, чего не удалось даже при Сталине, — вырезать «ростковые точки», которые до сих пор позволяли нарастить опорные части общественного скелета даже после таких вивисекций, как гражданская война и коллективизация. К слову, в этой относительной стагнации общества я вижу гарантию устойчивости власти Горбачева: т. к. реально реформы при нынешнем состоянии общества не угрожают номенклатуре потрясениями, то у нее и нет серьезных поводов идти на риск заговора против генсека. Видимо ясно, что я не вижу в обозримом будущем изменений, которые приведут к демократизации, — не может пока что утвердиться то, для чего у общества нет сил. Россия — великая страна, русский народ — могучий и талантливый, трудолюбивый и самоотверженный народ, но, видимо, 70 лет советской власти слишком много даже для такой страны и такого народа. Мне кажется, пройдут поколения, пока он восстановит свои силы.

Буду счастлив, если жизнь или оппоненты докажут мне мою ошибку. С радостью и удовольствием ее признаю.

2. По моей оценке, пока в социально-экономической сфере важных сдвигов не произошло. Мне кажется, прав был

академик А. Д. Сахаров, когда в 60-е гг. сказал, что проблемы советской экономики лежат вне сферы экономики. Кажется, нынче Горбачев и его команда понимают это и пытаются создать новый нравственный климат в стране как начальное условие перестройки в экономике. Я придаю огромное значение даже тем мелочам, которых удалось добиться, потому что они создают необратимые изменения в атмосфере страны, ту почву, которая, может быть, послужит для возрождения духа и мощи нации в будущем поколении. Но пока КПСС настолько утратила моральный кредит в СССР, что даже те, кто верит в честность ее намерений, не верят в прочность и долговечность власти, а потому хватают то, что сегодня дают, в любой момент готовые снова уйти в квартирную оборону. На таких основах невозможны никакие по-настоящему серьезные изменения, во всяком случае, в обозримый исторический период.

3. Мне кажется, Горбачев нуждается в новых кадрах, в новых людях — а без нового климата в культуре таких людей не выявишь и не воспитаешь. Беда однако в том, что для культуры вредно целенаправленное использование ее в общественных целях: она становится убудочной, теряются культурные критерии. Конечно, советские журналы сейчас можно читать, они иногда даже могут соперничать с эмигрантскими. Но ведь это потому, что в культуру сразу вошло накопленное за два-три десятилетия. А дальше что? Я не вижу поддержки новым, современным поискам. В конце концов, масса произведений, увидевших сейчас свет, раньше мариновалась не в силу их невероятной смелости или талантливости, а исключительно в силу исключительной бездарности лиц, контролировавших культуру от имени партии. Разве нельзя было двадцать лет назад опубликовать «Новое назначение» Бека, роман Дудинцева о генетиках, рассказ Грековой, который я слышал в ее чтении в 1971 году в Союзе писателей, да, честно говоря, и «Доктора Живаго», которого лишь патологическая тупость чиновников Хрущева сделала «антисоветским романом»? А что неприемлемого для властей в стихах Гумилева или Ходасевича? Все это не было опубликовано раньше лишь в силу чрезмерного консерватизма идеологических чиновников. Сейчас эти же люди консервативны *в меру*. Для «весны» этого маловато.

Самый интересный культурный феномен для меня в нынешнем СССР — это песни ансамбля «Аквариум».

4. Очень интересный факт, что в годы брежневской стагнации окрепли национальные кланы в компартиях, что ясно видно на примере Казахстана и, особенно, Украины. Где-то они успели сделать шаг, чтобы завоевать себе права, подобные правам национальных компартий стран Восточной Европы. Поживем — увидим, насколько далеко зашел этот процесс. Во всяком случае он показывает, какие неожиданные результаты дает процесс национального возрождения в республиках.

5. Я думаю, что влияние оказало не столько непосредственно правозащитное движение внутри страны, сколько эмигрантское воздействие, которое включало, разумеется, и материалы, полученные из России (по моей оценке, эти материалы из России и есть самое яркое из того, что эмиграция опубликовала). Дело в том, что в Союзе начальство с невольным пиететом относится к «заграничному слову», сколько бы само не прикрывало это презрительной гримасой. Анализы положения в России, сделанные эмиграцией, делались часто людьми, понимавшими ментальность и язык советского правящего слоя, т. е. эти анализы воспринимались в СССР достаточно эффективно. (Да и сделаны были анализы — в серьезных журналах — на достаточно качественном уровне, чтобы выглядеть убедительными). Думаю, что на самом деле мы даже недооцениваем воздействия эмигрантской печати на умы российского общества, причем на всех его уровнях, включая самые высокие.

6. Горбачеву важно сократить внешнеполитические расходы СССР, чтобы оздоровить страну внутри. Поскольку это совпадает с интересами сохранения мира, такой курс безусловно позитивен. Негативно же то, что не изменилась порочная *идеология* строя: оздоровление экономики и ситуации внутри страны кажется необходимым для того, чтобы усилить впоследствии внешнеполитическую экспансию. Таков обычный порочный круг советского общества: оно набирает силы, чтобы потом растратить их во внешних аферах. Будем надеяться, что на этот раз порочный круг будет разорван, хотя никаких идеологических симптомов

этого пока не видно: все та же злобная ксенофобия, ложь, клевета и комплекс неполноценности сохраняются пока неизменными.

7. Пока Горбачев делает многое, чтобы обновить и тем самым усилить партийную номенклатуру, ее власть и стиль управления. Для этого оказалось необходимым встроить в систему механизм критики — без него она не обладает обратной связью и, следовательно, плохо работает. Вынудит ли его логика развития пойти дальше — неизвестно.

Возможны два варианта. Один — что естественный путь развития экономики будет толкать руководство к реформам внеэкономического характера, и оно окажется достаточно умным и, главное, сильным, чтобы реформы провести. Таков исторический путь развития был, например, в Англии или США. Другой путь — правительство окажется не в состоянии провести необходимые реформы, и тогда страна постепенно, незаметно для современников будет терять статус великой державы, медленно впадет в маразм и разложение, все еще веря, что с ней всерьез считаются. Таков был путь развития самой богатой и могущественной в военном отношении державы XV-XVI вв. — Испанской монархии или самой сильной державы конца XVI-XVII веков — Османской империи.

К сожалению, надежд на демократизацию у меня нет, и, повторяю, виню я в этом не столько начальство сегодняшнего дня (хотя и о нем у меня достаточно скептическое мнение), сколько смертельно уставшее и измотанное современное советское общество. Мне кажется, обществу и, главное, народу, нужен отдых — иначе они не поднимутся.

*Владимир Буковский, Владимир Малинкович,
Питер Рэддауэй, Ефим Фиштейн**

ДИСКУССИЯ О ПЕРЕСТРОЙКЕ

Фиштейн: Редкое выступление на идеологическую тему в Советском Союзе обходится без следующего тезиса: перестройка, якобы, вызывает серьезное сопротивление или, по крайней мере, — крайнее недоброжелательство на Западе. Запад рассматривает перестройку как исторический вызов и не на шутку обеспокоен ею. И боится он ее по той причине, которую сформулировал Михаил Горбачев в ходе своего визита в Прагу. «Перестройка, — сказал Горбачев, — сделает Советский Союз еще более сильным, а Запад боится сильного Советского Союза.»

Профессор Рэддауэй, Вы — из тех людей, ко мнению которых прислушиваются на Западе. Согласны ли Вы с утверждением, что Запад в целом враждебно относится к горбачевским реформам и что Запад принципиально (как это, скажем, утверждал журналист Симонов в «Московских новостях») был «доволен застойной ситуацией брежневского безвременья» и даже по мере сил провоцировал застой.

Рэддауэй: Нет, по-моему, такое обобщение абсолютно неоправданно. Если выделить только самые известные выступления западных лидеров в пользу перестройки, то можно назвать госпожу Тэтчер или господина Геншера. Они оба приветствуют процесс перестройки в СССР и обосновывают это тем, что легче иметь дело с советским

Владимир Буковский — известный советский правозащитник, бывший политзаключенный, автор книг «И возвращается ветер...», «Письма русского путешественника» и др.

Владимир Малинкович — редактор журнала «Форум», член Украинской Хельсинкской группы.

*Питер Рэддауэй — профессор, директор Института Кеннана по изучению Советского Союза (Вашингтон, США)

Ефим Фиштейн — политический обозреватель радио «Свобода», публицист.

руководством, которое открывает Советский Союз в какой-то степени Западу, с такими руководителями легче вести настоящую дискуссию. Что же касается вопросов разоружения, то они и его считают полезным. И еще много других общественных деятелей Запада высказывали примерно то же самое мнение. Есть, конечно, и другие лидеры, которые с большей осторожностью относятся к перестройке, но я бы сказал, что в целом отношение к перестройке на Западе скорее положительное, чем отрицательное.

Малинкович: Можно понять настороженность некоторой части западного общества. Мне кажется, что Советский Союз, для того чтобы добиться общественного признания перестройки на Западе, должен предпринять более решительные шаги для доказательства своей «кредитоспособности». Прежде всего нужно прекратить войну в Афганистане, освободить *всех* политических заключенных, облегчить эмиграцию.

Фиштейн: Вряд ли можно поставить под сомнение утверждение, что информационный климат в Советском Союзе заметно изменился: сегодня не критикует какие-то аспекты советского бытия только ленивый. К такой критике обычно предъявляют на Западе одну претензию — она не является критикой системной, то есть не затрагивает сущности системы...

Малинкович: Затрагивает. В последнем номере журнала «Новый мир» (номер 5) есть статья «Чьи пироги пышнее?». Автор — кандидат экономических наук Попкова. В статье прямо утверждается, что социалистическая система не способна дать такой экономический эффект, как система западная. То есть речь идет о самой системе. И это было напечатано в *советском* журнале. Так что такие публикации допустимы.

Фиштейн: Я знаком с этой публикацией. Мне не кажется, что там были поставлены точки над «і». Там проводилось сравнение между двумя системами, причем автор, собственно, так и не высказался до конца, в пользу какой системы он отдает свой голос. Он утверждал только, что эти системы совершенно не совместимы, и создать «амфибию» невозможно из двух систем.

Малинкович: Важно, что вопрос системы поднимается. Вопрос о достоинствах и недостатках самой системы — уже поднимается.

Фиштейн: Я все же думаю, что критика эта системной до сих пор еще не стала, хотя в Советском Союзе изменения происходят так быстро, что то, чего не было вчера, может случиться завтра.

В самом Советском Союзе, по мнению многих, у критики есть еще и другая функция — подстройка к перестройке. Я процитирую вам пассаж из статьи историка Павловой-Селиванской в «Литературной газете» за 29 апреля: «Покажется, что ветер переменился — вмиг учуют новую мишень. Вот и нацеливаются они (то есть советские журналисты, или как автор называет их, — „скорописцы“) главным образом на дешевый верняк. Это только с виду критика, а на самом деле — особая разновидность социальной мимикрии.» Но ведь и эти горькие слова появились в советской печати.

Буковский: Вы знаете, очень важно понять, что «гласность», как она понята внутри Советского Союза, это — не свобода слова. Разница между этими двумя понятиями очень простая. Гласность, как ее ввел Горбачев, — это та же самая привилегия, вроде импортных товаров, которые распределяются через партраспределители и магазины «Березка». В то время как свобода слова — это право для каждого, а не привилегия. Вот до этого уровня, к сожалению, там не дошло сейчас. И, конечно, все мы надеемся, что дойдет. Но пока в этом направлении не идет. Все это очень лимитировано, проведено сверху, конкретно — устроено сверху, отнормировано. Есть люди — специалисты по гласности. Вот они и проводят гласность. Все это немножко смешно: очень трудно вводить свободу декретами. Я не говорю, что это обязательно обман, — это еще и сложность самой системы. Я отношусь ко всему этому скептически. Я вижу, что люди, работающие в средствах массовой информации в Советском Союзе, не очень способны к действительно критическому обсуждению системы. Они и не приучены к критическому мышлению, и не умеют этого делать, и, как правильно пишет историк, которого Вы цитировали, просто воспринимают этот приказ как еще одну

директиву партии, которую надо выполнять, подстраиваться под нее, чтобы таким образом быть на поверхности. Я отношусь пока очень скептически к этому процессу.

Малинкович: Я вчера смотрел фильм «Покаяние». И то, что показывают нам (и советским, главное, зрителям), — это критика системы, самая жесткая критика системы. Причем критика не только прошлого — критика настоящего. Героиню этого фильма отправляют в психбольницу за то, что она пытается избавить город (страну) от духа диктаторства, духа тоталитаризма в обществе — буквально то, с чем мы сталкивались в реальной жизни. И фильм заканчивается многозначительным диалогом — старушка спрашивает дорогу: не ведет ли эта дорога к храму? И ей отвечают: нет, это дорога Варлама Аравидзе, эта дорога не ведет к храму. То есть — дорога Сталина, дорога, по которой до сегодняшнего дня шла советская власть, не ведет к храму, к светлому будущему. И интересно, что этот фильм смотрят сегодня миллионы зрителей. Хороший фильм в Советском Союзе смотрят обычно до 40 миллионов зрителей. Этот фильм будут смотреть 50 миллионов зрителей, а может и больше. Значит, практически вся активная часть населения Советского Союза увидит такой фильм. Это призыв к сознанию каждого. Все это, наверняка, разбудит общественное сознание. Этот фильм и масса других фильмов и книг.

Рэддауэй: Но все-таки, говоря о гласности и этой новой политике, о том как прочна эта политика, нужно иметь в виду опыт времен Хрущева и то, что произошло после его падения. Фактически, и тогда была гласность, при Хрущеве была политика гласности. Хотя это так и не называлось, но многие аспекты той политики были очень похожи на «гласность» сегодня. И мы видели: когда сняли Хрущева, то степень гласности резко уменьшилась, сократилась. Из-за того, что никаких институтов не было, которые могли бы закрепить эту политику. Таких институтов и сегодня нет, а потому утверждения сегодняшних лидеров, что эта политика необратима, совсем не убедительны.

Фиштейн: Известная армянская писательница Сильва Капутикян писала недавно в газете «Правда»: «К сожалению, недостает еще порой нам культуры национальных отноше-

ний. Это проявляется и у отдельных людей, представляющих многочисленный народ, в их отношении к представителям малых народов, сказывается в некоторых стихотворениях, эссе, рассказах, задевающих национальное достоинство. Долгое время обо всем этом не принято было говорить. Между тем приглушение, замазывание таких перекосов — некая идеологическая приписка, которая мешала видеть многослойную, порой противоречивую картину действительности.»

Интересно, теперь при Горбачеве, видна ли «картина действительности в ее многослойности и противоречивости»?

Малинкович: Что касается вопроса межнациональных отношений, то здесь я разбил бы период горбачевского правления на два этапа.

Первые 1,5 года, когда в основном говорили об экономике и только-только начали говорить о гласности, — практически в это время в области национальных отношений ничего не изменилось. Горбачев в эти 1,5 года проводил политику прежних руководителей в национальном вопросе, а именно политику русификации, принудительной по существу русификации, и линию на создание единого советского народа. То есть обсуждалась необходимость еще усилить обучение нерусских русскому языку в национальных республиках. Хотя, казалось бы, куда уж дальше.

Все это было до событий в Алма-Ате в декабре прошлого года. Надо сказать, что эти события неодноплановы. Очевидно, Кунаев был человеком Брежнева и противником перестройки, и его устранение, наверняка, было необходимо для перестройки. Но при этом советские руководители, центральные руководители в Москве, явно не учли национальный фактор, и потому поставили русского руководителем компартии Казахстана. То, что произошло потом, меня испугало. Я думал, что алма-атинские события должны чему-то научить Горбачева. Но первое время шли одна за другой статьи: «Надо, мол, еще больше развивать русификацию, потому что местный национализм, как мы видели на примере казахского национализма, мешает перестройке». И все в таком духе.

Так было какое-то время, но в последние полгода

ситуация, по-моему, изменилась. Несколько изменилось направление советской национальной политики. Я бы назвал так это изменение: «От русификации — к двуязычию». «Двуязычие» в национальных республиках — это равные права как для русского языка, так и для родного языка населения этой республики.

Хорошо это или плохо? Объективно, то есть вне зависимости от конкретных обстоятельств, — это плохо. Конечно, у себя на родине люди должны говорить преимущественно на родном языке. Государственным языком, языком промышленности и науки должен быть родной язык. И это плохо даже по сравнению с ленинской национальной политикой 20-х годов, когда Ленин настаивал на том, чтобы в республиках было преимущество национального языка. Преимущества или даже равенства для русского языка в нерусских республиках, считал Ленин, могут добиваться только великодержавные шовинисты. Но сегодня в сложившейся ситуации, я думаю, — это хорошо. Хорошо потому, что за прошедшие десятилетия языки народов нерусских республик Советского Союза оказались в таком ужасном положении, что поднять их до уровня русского языка в этих же республиках — уже большое достижение. Вот на последнем пленуме писателей Советского Союза выступил белорусский писатель Гилевич и говорил, что в Белоруссии осталось всего несколько белорусских школ. В столице Белоруссии Минске вообще нет ни одной белорусской школы. Приблизительно такая же ситуация в Молдавии, очень плохая ситуация. На Украине мало украинских школ, и практически нет высшего образования на украинском языке.

Но интересно, что об этом сейчас заговорили с официальных трибун, и уже идет разговор о том, как улучшить обучение родному языку населения нерусских республик — и казахскому языку, и белорусскому, и украинскому, и другим. И чтобы все русские *обязательно* учили родной язык народа, среди которого они живут, — в Украинской республике или в Латвии, Эстонии, и т. д.

Рэддагэй: Не кажется ли Вам, что эти уступки в области двуязычия — это компенсация национальным меньшинствам за то, что Москва старается (и уже делает для этого

довольно много) ограничить самостоятельность республик в области экономики?

Малинкович: Да, это очень сложная ситуация. Дело в том, что утвердить ведущее положение национального языка в республике возможно только при децентрализации экономики. Вот мы сейчас читаем, к примеру, у украинских писателей, что украинский язык на Украине — не перспективный язык. И в других республиках — родной язык народа не перспективный. Почему? Потому что экономика централизована, потому что экономика, вынужденно, — на русском языке, наука — на русском языке. Но я думаю, что двуязычие — это какой-то все-таки шаг вперед. Он поможет развитию национальных общественных сил в республиках. И эти силы со временем обязательно потребуют, чтобы и экономика переходила на родной язык, а это возможно только при децентрализации.

Рэддауэй: Но Горбачев как раз усилил центральный контроль над экономикой и лишил республики части их власти в области планирования, например. И вот это двуязычие — может быть, это все же компенсация?

Фиштейн: Вы сказали, что в последние полгода вам видится некоторое кардинальное изменение в национальной политике...

Малинкович: Нет, кардинальных изменений еще нет.

Фиштейн: Никто не станет спорить, что в атмосфере гласности появилось больше голосов, отстаивающих национальные интересы малых народов Советского Союза. Что же касается официальных документов, я не вижу изменений. Например, последнее постановление ЦК по национальному вопросу, где-то в апреле, говорит о том, что необходимо усилить борьбу с националистическими тенденциями на местах, с местничеством и так далее, но ни слова нет о том, чтобы поддержать нации в их борьбе за собственное культурное национальное существование. Скажем, о шовинизме, о русификации — ни о чем этом в постановлении нет ни слова.

Малинкович: Да, больших изменений еще нет, но тем не менее сегодня публикуют писателей, которые раньше были запрещены. Сегодня уже в министерствах, а не на

общественной трибуне только, обсуждают вопрос об обязательном изучении языка республики для каждого. Этого мало, но и этого не было еще совсем недавно. Устраивают вечера деятелей национальной культуры, общественных деятелей, которых еще недавно считали националистами. Постановлений нет, но явочным порядком процесс идет. Но это вообще, на мой взгляд, принцип перестройки. Процесс перестройки — двухсторонний. Я не считаю, что это только движение сверху. Я считаю, что это — и движение сверху, и движение снизу. На каком-то уровне будет достигнут компромисс. Вопрос — на каком?

Буковский: Да, Вы знаете, практически чаще всего так и получается: вовсе не потому, что того хочет руководство. Это не входит в их цели. Я хотел бы продолжить параллель с хрущевскими временами. Вы сказали, например, о критике и о том, что даже система теперь критикуется в этих фильмах. Вы знаете, это все было при Хрущеве, были прекрасные фильмы. И «Чистое небо», я помню, было большим откровением, и польские фильмы, например, фильм Вайды «Пепел и алмаз» — это были фильмы конкретно нападающие, атакующие систему. Книги были такие же: Дудинцев в «Не хлебом единым» прямо ставил вопрос о коммунизме как таковом...

Фиштейн: Солженицын, в конечном счете, появился в это же время.

Буковский: Правильно. Верха, правительство, хотят проводить только свою, контролируемую, политику. Естественно, люди есть люди. И мы использовали хрущевскую гласность в своих целях, и мы ее пытались расширить дальше и сделать бесконтрольной. И теперь люди будут пытаться делать то же. Так вот именно на этот процесс сейчас лучше всего, важнее всего обращать внимание. К сожалению, на Западе больше всего обращают внимание на то, что сделал Горбачев. Я всегда говорю: не то интересно, что сделал Горбачев, а что сделают с Горбачевым, имея в виду, что сделают люди. И это, действительно, важно. Пока еще, правда, рано об этом судить. Слишком мало времени прошло. Вспомните хрущевские времена: на это ушло где-то четыре года хрущевского правления. Правда?

Малинкович: Мне кажется, темпы все-таки сейчас иные, чем при Хрущеве.

Буковский: Темпы, наверно. Потому что уже есть опыт некоторый, опыт самиздата. Вот сегодня опять читают стихи у памятника Пушкина. Это быстрее гораздо сейчас произошло.

Фиштейн: Многие заметили, что процесс перемен в Советском Союзе развивается неравномерно, идет как бы скачками. Многие, опять же, считают, что как раз в настоящее время наступил период замедления темпов общественной перестройки. Этот феномен называют по-разному. На недавнем пленуме Союза советских писателей говорилось о «пробуксовывании» перестройки, о торможении. Горбачев, выступая перед коллективом Байконурского космодрома, признал: «В различных сферах жизни общества перестройка разворачивается медленно.» Некоторые связывают это ощущение с общим нетерпением советских людей. Любопытна цитата из статьи члена-корреспондента Академии Наук СССР Павла Бунича, которого многие считают «серым кардиналом» перестройки, по крайней мере — в экономике. Статья эта называлась «Логика продолжения» («Московские новости», 10 мая).

«Полумеры, — пишет Бунич, — полумеры, которые раньше вселяли надежды, теперь вызывают разочарование и протесты.» Фантастическим откровением для меня лично здесь является то, что впервые в советской печати меры, принимавшиеся партией в течение последних двух лет и выдававшиеся за радикальное и исцеляющее вмешательство в структуру общества, именуется здесь полумерами. И их половинчатости приписывается ответственность за неудовлетворительные результаты.

Малинкович: Как видите, здесь Бунич касается самой системы. То есть уже можно критиковать и меры партии. Чего нельзя было, между прочим, при Хрущеве.

Фиштейн: Действительно ли половинчатостью мер объяснимы неудачи? Согласны ли вы с Павлом Буничем?

Рэддауэй: В общем-то, нет. Это гораздо сложнее. Сам Горбачев довольно часто говорил (говорил он это и на пленуме в конце января), что они только сейчас приступают к

перестройке. Мы, — говорил он, — только на этом пленуме решили, что нужно кончить дискуссию о том, будет ли перестройка или нет, и приступить к действиям. Так что, судя по его словам, это только сейчас начинается. На том же пленуме сам Горбачев объяснил, на какие именно радикальные меры он хотел бы пойти. Например, на более свободное голосование внутри партии, в Советах, на фабриках и так далее. А что получилось? В постановление пленума, оказалось, эти пункты не были включены. Значит, ЦК отверг эти предложения Горбачева. Во всяком случае — на какое-то время.

Так что это даже не вопрос о полумерах, это вопрос о том, что движение пока и не начато. Конечно, Горбачев и его круг очень нетерпимо относятся к такому положению, и их беспокойство ощущается очень сильно и даже проявляется открыто довольно часто. И явно, что есть сильное сопротивление внутри номенклатуры, сопротивление, которое, на мой взгляд, растет. И позиция Горбачева на январском пленуме воспринята была с большой настороженностью номенклатурой. Мы видели, что на совещании правления Союза писателей РСФСР в марте этого года прозвучал уже почти открытый призыв сопротивляться процессу перестройки. Это особенно ясно прозвучало в речи писателя Юрия Бондарева, где он сравнивал движение либералов (будто бы в литературе, но, конечно, он имел в виду и политику) с нацистами (нацистским наступлением на Россию 1941 года).

Фиштейн: В целом ситуацию, сложившуюся к настоящему моменту в Советском Союзе, он сравнил с ситуацией, сложившейся к моменту Сталинградской битвы в Великой Отечественной войне. Он предложил дать Сталинградскую битву сейчас, ибо отступить больше некуда.

Рэддагэй: Вот именно, он призвал номенклатуру сопротивляться процессу перестройки.

Малинкович: А другой писатель, Проханов, угрожал военным переворотом в случае, если будет продолжаться перестройка.

Букровский: Ну, в общем давайте не переоценивать этого сопротивления. Я довольно часто слышу на Западе, особенно

от западных экспертов по СССР, такое мнение, что Горбачев находится под большим давлением, у него такие мощные враги. Сопротивление аппарата? Они будут саботировать тихими, спокойными способами. Реального сопротивления внутри правящей верхушки сейчас нет: это все новые люди практически. Ну, говорят, Щербицкий — старый. Но дело в том, что он-то — один из многих, один в Политбюро дела сделать не может.

Малинкович: Не думаю, что все в Политбюро так просто. Но вот КГБ-то не перестраивается. КГБ на месте...

Буковский: КГБ? КГБ и вызвал эту перестройку.

Рэддауэй: Можно о ЦК судить по итогам январского пленума. ЦК просто отказался одобрить ясно выраженное пожелание Горбачева. Значит, сопротивляется не только аппарат на низких уровнях, это и аппарат на уровне ЦК.

Буковский: Ты смотрел резолюции? Я посмотрел. Там сказано «Принять к сведению», или как-то так, — я забыл точную формулировку предложения о дальнейшей демократизации работы партии. То есть они сделали это обобщенно. Они не выкинули этого. Но они не отметили его точнее.

Рэддауэй: Да, да.

Малинкович: Кстати, цекисты убрали и часть высказывания Горбачева по национальному вопросу, вставили в резолюцию фразу, которая перечеркивает горбачевское отношение к национальному вопросу.

Буковский: Да, но я хотел сказать другое — в связи с высказыванием Бунича. Действительно, они начали с перемен. Опять же сравним с Хрущевым: простая вещь — Хрущев в течение года, полутора лет освободил, ну, наверное, около миллиона человек из тюрем. И сделал это быстро, без всяких замедлений, безо всякого паблисити, по крайней мере, в Министерстве иностранных дел о каждом заключенном не объявляли. Более того — он еще и извинился перед людьми: в общем-то, реабилитировал их. А нынешние горбачевские реформы уже начинаются с полумер.

Малинкович: Вы сами говорите, что КГБ начинал эту перестройку. Раз КГБ начинал перестройку, он далеко и

не пойдет. Но тут все дело в том, что, как только эта перестройка пошла, сразу и общество начало возрождаться. Съезд кинематографистов, к примеру, был не запланирован. Я думаю, очень многие идеи, которые сейчас порождает общество, не были запланированы в КГБ. И, на мой взгляд, реформаторам нужна сейчас именно общественная поддержка для того, чтобы вести перестройку дальше. КГБ начинал перестройку, а сегодня он, наверняка, сказал бы: хватит, мы больше не будем выпускать политзаключенных, мы не будем делать то-то, то-то, то-то. Но общество уже разбежалось, общество, надеюсь, уже трудно остановить.

Фиштейн: Перешло ли общество за тот порог, за которым уже невозможен попятный ход?

Буковский: Нет, конечно, нет.

Фиштейн: Хотелось бы вернуться к вопросу о сроках перестройки, который поставил профессор Питер Рэддауэй, сказав, что перестройка, собственно говоря, еще не начиналась. Постановка вопроса интересная: другие предполагают, что перестройка уже два года идет. Что же тогда вообще — перестройка? Не тот ли это процесс, что и «построение коммунизма», о котором можно будет через 10 лет сказать, что теперь перестройка вступила в какую-то зрелую фазу, еще через 10 лет она будет «развитой перестройкой» и так далее? Сам Горбачев назвал перестройку «процессом революционным» — революция нового типа, ничего не разрушает, все созидает. Многие, ссылаясь на исторические аналогии, считают, что революции бывают или решительными и сравнительно быстрыми или никакими. «Ползучих» революций не знает история. То есть этап количественного накопления предпосылок всегда завершался каким-то качественным скачком, взрывом — назовите, как хотите.

Поэтому есть две точки зрения на перестройку: одна утверждает, что революционный этап перестройки еще только впереди, другая — что революция уже не состоялась. Московский автор, подписавший свою статью (публикация которой в газете «Вашингтон пост» наделала много шума) псевдонимом «Берегов», утверждает, что реформа в Советском Союзе уже сейчас зашла в некий тупик — из-за

медлительности и нерешительности руководства. Академик Татьяна Заславская, например, в своей принципиальной статье в «Известиях» 21 апреля дает реформе срок в два-три года. Она так и пишет: «Оптимальная стратегия предполагает сравнительно быстрое, в течение одного-двух, максимум трех лет, комплексное преобразование системы социально-экономических отношений».

Я хочу задать вопрос вам, участникам нашего обсуждения: какую из названных двух точек зрения разделяете вы?

Буковский: Я согласен с Заславской, с тем, что революция, особенно в такой застойной системе как советская, и особенно революция, проводимая сверху, должна быть очень быстрой и решительной, почти хирургической... Как только она разводнилась, разбавилась, замедлилась — все, дальше вступают те мощные силы аппарата, номенклатуры, структуры самой, сила которых и состоит в том, чтобы оттягивать, замедлять. И тут можно остановить процесс. Более того — я считаю, что революция не только кончилась, но что дело уже идет к «контрреволюции», если использовать эту терминологию. И подождите, не произойдет ли через год-два еще один пленум по идеологическим вопросам (как в свое время ильичевский пленум), который и прикроет всю эту гласность. Очень на то похоже. Такова моя точка зрения.

Малинкович: Я тоже согласен с академиком Заславской. Но иначе оцениваю ее высказывание. Заславская сказала, что не может быть процесса одномоментного, что процесс должен быть растянут во времени, иначе ничего не получится. Растянут — но не надолго. В течение двух-трех лет структуры должны быть изменены. В этой же интересной, принципиальной статье Заславская утверждает: реформы будут возможны только в случае, если реформаторов поддержит общество. Она несколько раз взывает к читателям, к обществу: поддержите реформы! Поэтому вопрос перспектив реформы — два-три года или вообще никогда — зависит от того, будут ли люди активно включаться в процесс перестройки, будет ли у нас в стране общество. На мой взгляд, до сегодняшнего дня настоящего

общества в Советском Союзе просто еще нет, общественная жизнь только-только начинается.

Буковский: А во что включаться, Володя? Скажите мне. Пока еще нет ни одной реформы, в которую можно было бы включаться. Представьте себе, что мы сидим в Москве, в Киеве, в Одессе — неважно где. Что уже есть? Этот новый закон о частной собственности, об индивидуальной трудовой деятельности?

Малинкович: И это тоже.

Буковский: Но он ничего не добавил. Он ничего не добавил и ничего не облегчил. Эта вся деятельность уже давно существовала.

Малинкович: Обратите внимание, как он изменялся во времени: когда его предлагали, он был одним, когда он в мае вступил в действие, он стал другим. Раньше никто не знал четко, что нужно заплатить за лицензию или патент, чтобы начать работать, сейчас эта сумма известна, и она, в общем-то, невелика, действительно позволит людям что-то заработать. Раньше утверждалось, что работать полный день могут только пенсионеры, домохозяйки, школьники, то есть те, кто не участвует в труде на общественных предприятиях; сейчас говорится — *в основном* те, кто не занят. Значит допускается, что будут работать постоянно в частном секторе и те, кто по возрасту мог бы работать на госпредприятиях. Другое дело, что люди боятся, не верят, что это все скоро не кончится. И еще — кооперативное движение. Если кооперативное движение пойдет широко, то это будет серьезно.

Фиштейн: Действительно, и академик Заславская, и тот же академик Бунич, на которого я уже ссылался, они как бы апеллируют к сознательности масс. Но с другой стороны, реальных форм политического участия власти этим массам не предоставляют. Я могу процитировать ту же Заславскую, из уже упомянутой статьи «Гарантии успеха — наши собственные действия»: «Только сознательные действия народа, всех формирующих его общественных групп, решат реальную судьбу перестройки». Прекрасно сказано. Тот же Бунич говорит: «Заинтересованный и разбуженный народ не даст застояться хозяйству ни у себя на предприятии, ни на уровне страны».

Какие формы реально имеет советский народ сейчас для политического участия в общественной жизни? Есть какие-то первые ласточки, хотя это, может быть, вовсе и не первые ласточки. Например, пришло сообщение о встрече Бориса Ельцина с представителями историко-патриотического объединения «Память». Есть сообщение о деятельности ленинградского культурно-демократического движения, которое, как пишет газета «Вечерний Ленинград», даже попыталось выдвинуть, якобы, своих кандидатов на выборах в местные советы трудящихся. Дело, правда, не выгорело.

Не кажется ли вам, что это какие-то формы непартийного участия? То есть люди не хотят участвовать в деятельности устоявшихся уже структур, а пытаются создать какие-то новые структуры в Советском Союзе, через которые народ получит, наконец-то, возможность «волеизъявления»?

Буковский: Но не кажется ли Вам, что таких структур власти не допустят? Потому что это ключевой вопрос. Если такие структуры, независимые, альтернативные структуры возникнут, — все, тогда их система рухнет.

Малинкович: Вы только что спрашивали: «Чем заниматься конкретно людям?» Вот Вам и ответ: идти в гражданскую инициативу. Гражданские инициативы на местах, объединение вокруг конкретных проблем. Другой вопрос — пойдет ли на это партия? Возможно, вынуждена будет пойти. Ельцин, во всяком случае, собирается рассмотреть вопрос о регистрации вот этого общества «Память». И это хорошо, хотя само общество мне не нравится.

Буковский: Ну, а с другой стороны, — кооперативное издательство, которое Окуджава, Искандер и другие вполне приличные люди пытаются создать. Но они же до сих пор не могут его утвердить. Пытаются, но им же не дают.

Малинкович: Ну почему же «не дают»? Надеюсь, что такое кооперативное издательство будет работать.

Буковский: До сих пор вопрос не рассмотрен, не утвержден вопрос о кооперативном издательстве.

Рэддауэй: Главное, на мой взгляд: Горбачев хочет, чтобы независимая общественная инициатива, чтобы народ включился в уже существующие институты. Поэтому он и

говорит о более свободных выборах в Советы. Чтобы люди включились в работу местных Советов и чтобы в рамках партии выборы были более свободными. Чтобы самые инициативные, смелые люди вступали в партию и чувствовали, что смогут продвигаться вперед, наверх, в рамках существующей системы, существующих институтов. Это, на мой взгляд, главный, так сказать, замысел Горбачева. Он не хочет никаких нововведений.

Малинкович: Но он очень много говорил на последнем пленуме о кооперации. А кооперация — это не только экономическая форма активности. Это и общественная активность. Вот те же кооперативы издательские — это же часть свободы печати! Здесь все тесно переплетается. Если люди будут создавать кооперативы для издания книг — это уже общественное дело.

Рэддауэй: Ну немножко такого Горбачев, пожалуй, и допустит. Но главное, он хочет, чтобы народ включился в уже существующие структуры. Это явно.

Фиштейн: Да. Иначе, кажется мне, так просто было бы на одном из очередных пленумов бросить с самого верха клич, обращенный к народу: «Объединяйтесь!». Этот клич никем не брошен, разумеется, и, мне кажется, такая инициатива была бы строго наказана.

Буховский: Но вы знаете в чем дело тут? Питер Рэддауэй прав, конечно. Абсолютно прав. Власть хочет, чтобы пошли в существующие структуры, и тогда процесс был бы контролируемым. И в этом-то — и неудача. Потому, что доверия к этой системе у людей нет. Доверие подорвано семьдесятю годами.

Рэддауэй: Я хотел бы сказать о ключевом вопросе — о заинтересованности народа в изменениях. До сих пор, на мой взгляд, такой заинтересованности народ не проявил. Не видно ее. И это понятно. С одной стороны, например, работающим на фабриках не ясно, почему уровень их жизни будет лучше. Зарплата, как будто, не будет больше. Может быть, даже будет ниже. Они должны больше трудиться на фабриках. Много призывов к этому. Горбачев много говорит об улучшении социального обслуживания — больниц, народного образования и так далее, но это требует очень

больших средств. И времени. И этого сразу не сделаешь. Так что я пока вижу мало заинтересованности. Народ не понимает, к чему стремится Горбачев. Может, все это какой-то блеф?

Буковский: Доверия нет, точнее.

Рэддауэй: Да, доверия нет. Раз доверия нет, то народ не вступит в местные Советы, не вступит в партию, как того хочет Горбачев.

Малинкович: Горбачев, по-видимому, это тоже понимает. Он нуждается в доверии народа и пытается его завоевать. А для того, чтобы его завоевать, он должен дать больше свободы — и не только в кооперативах, нужна свобода слова. И освободить политзаключенных, и прекратить репрессии против инакомыслящих — чтобы люди знали, что они за свои взгляды, за высказывания не попадут в тюрьму, не будут арестованы. Да, цель Горбачева — включить народ в свою систему. У народа другая цель. Но поскольку Горбачев вынужден идти на компромисс, уровень компромисса будет зависеть от реальной ситуации, от уровня активности общества.

Рэддауэй: Да, диагноз он ставит довольно хорошо, на мой взгляд. Понимает положение неплохо. Но столько трудностей стоит перед ним, что неизвестно, как он их преодолет.

Фиштейн: Интересно, что многие специалисты не совсем согласны с Вами, господин профессор. Они утверждают, что Горбачев недостаточно компетентен: он некоторые недостатки видит, но в принципе он пошел на реформу, не выработав предварительно никакой цельной общественно-политической и экономической концепции. Реформа проходит в значительной степени стихийно, самотеком.

Рэддауэй: Я согласен с этой точкой зрения. Я говорил: его диагноз всех больных мест, всех проблем общества — это довольно хороший диагноз. А что делать? Какие реформы проводить? — Он сам признается иногда, что он этого просто не знает. Это явно, никаких настоящих реформ пока нет. Многое изменилось в общей атмосфере — гласность,

например. Но это пока не реформа. Реформа — это структурные изменения. А пока их не было.

Малинкович: Простите, я с Вами не согласен. Я боюсь что он все-таки не решается на реформу не потому, что, как сказал Берегов, он недостаточно компетентен и не знает, что делать. У него, на мой взгляд, прекрасный «мозговой трест»: Бунич, Заславская, Аганбегян — в экономике, Шахназаров, Александр Яковлев — в области идеологии и так далее. То есть у него совсем неплохой коллектив специалистов, вполне компетентных людей, которые могли бы ему подсказать, что сделать. Но очень уж мощное сопротивление консерваторов, которого мы все-таки не можем недооценивать.

Фиштейн: Вы уверены в том, что его советники знают, что делать в этих обстоятельствах? Дело в том, что сама академик Заславская говорила в интервью югославскому журналу, что общей концепции нет ни у кого из советников Горбачева. Она сказала: «Мы действуем по методу проб и ошибок».

Буковский: А Аганбегян недавно был в Венгрии и сказал то же самое прямо по телевизору. «Я, — говорит, — к вам часто приезжаю, потому что вы хоть что-то попробовали и что-то знаете. Мы ничего не знаем.»

Малинкович: Так это-то, на мой взгляд, и хорошо. Это хорошо, что они не догматики. Знать, что делать, — это не значит иметь уносящую в «светлые дали» общую цель. Это значит — уметь реагировать адекватно на запросы жизни. Вот они и присматриваются к опыту окружающей среды, — и социалистической, и даже капиталистической. Кстати, были разговоры и о шведской модели социализма среди людей вот этого «мозгового треста». По-моему, и Бунич, и Заславская вносят довольно много радикальных предложений, но, к сожалению, то, что они предлагают, до сего дня пока не реализовано. И консерваторы мешают, и общество не готово.

Буковский: Дело в том, что это — квадратура круга. Вот кто-то правильно написал: вы не можете «женить» капиталистическую и социалистическую системы — рыночную экономику и социализм. Не получается. Это нигде не удалось — ни в одной из стран, которые все это пробовали,

пробовали в течение многих лет — в Югославии, Венгрии, Китае. Это нигде не удалось. Прежде всего, надо понять, что Горбачев, как кто-то недавно мне остроумно сказал, к сожалению, не хочет изменить систему. Он результаты хочет изменить. И это ошибка. Без системных изменений ничего не произойдет.

Малинкович: Вот с этим я никак не согласен. Реального опыта социализма до сегодняшнего дня, по сути не было. Разве что югославский — частично. Опыт Китая и всех остальных стран «народной демократии» — это же, в сущности, один и тот же опыт — опыт «советской модели», которая в общем и не является социалистической, потому что орудия и средства производства там не находятся в руках общества. Лишь в последние годы Китай начинает двигаться своим путем. Какова социалистическая модель? Будет ли она реализована? Всего этого мы пока не знаем. Мы знаем, что при социалистах-правителях в условиях свободного рынка (в Швеции, например, и в других странах Запада) социализм совсем не плохо себя проявляет.

Буковский: Ну конечно, за счет внешних долгов.

Малинкович: Не обязательно. Как свидетельствуют материалы, недавно опубликованные в газете «Файненшл таймс», самоуправляющиеся (т. е. подлинно социалистические, так как трудящиеся там — владельцы собственности) предприятия Запада дают хорошие результаты. Поэтому ссылаться на опыт того, чего нет, не стоит. Я знаю как противников идеи объединения Восток-Запад, так и сторонников. В частности, к сторонникам идеи конвергенции, то есть объединения этих двух систем в каких-то частях, относится Андрей Дмитриевич Сахаров. Мне кажется, что это вполне логично.

Буковский: Вы знаете, социализм как идея, как концепция везде потерпел поражение. И это видно повсюду. Посмотрите: Англия избавляется от элементов социализма, и очень быстро. И это не только решение одного правительства, это — желание народа. И в Германии те же процессы. Во Франции — даже при социалисте-президенте были введены явно не социалистические, а анти-, сказал бы я, социалистические экономические преобразования. Эконо-

мическое соревнование на внешнем рынке такое сильное, достигло таких высот, что даже Америка уже должна признать, что она недостаточно капиталистическая: Япония их бьет. При таком высоком уровне конкуренции говорить о каких-то формах социализма — это утопия.

Фиштейн: Любопытно, что автор, на которого мы несколько раз ссылались — экономист, утверждавший, что невозможно «породнить-поженить» социализм с капитализмом, тем не менее придерживается сама социалистической модели общества. Она, однако же, считает, что недостаток именно в том, что она не была реализована во всей чистоте, то есть всегда подмешивались какие-то элементы рынка. И следовательно, надо сделать вывод, что если бы модель социализма была реализована в ее чистоте, первозданности, что ли, то...

Буковский: Она была во времена военного коммунизма в полной чистоте. Вот рынка тогда не было...

Малишкович: Ну нет, это был не социализм. Это была диктатура, ничего общего с социализмом не имеющая. Даже советские историки пишут, что социализма тогда еще не было. Другое дело, что наш автор не обосновал, почему социализм и рынок — вещи не совместимые.

Фиштейн: Но вот совсем другая сфера — сфера прав человека. В Советском Союзе в этой области какие-то изменения произошли. Были выпущены на свободу некоторые политзаключенные. Движение, несомненно, есть. В то же время есть и какие-то схемы традиционные. Ну, например, недавно министр юстиции РСФСР и президент ассоциации советских юристов Александр Яковлевич Сухарев дал интервью московскому радио. Интервью это передавалось 17 мая. Он, во-первых, утверждал, что нынешние изменения никак не связаны с давлением Запада, а являются естественным развитием советской демократии, перешедшей на какой-то качественно новый этап. А во-вторых, он интересно сформулировал отношение (ничего нового в этом нет, но интересно именно потому, что сохранилось в прежнем виде) к политическим заключенным. Как раньше отрицали советские власти наличие политзэков в стране, так они отрицают и теперь. Сухарев сказал: «Вы

хорошо знаете, и наши граждане знают, что нет такого термина — «политический заключенный». И состава преступления в нашем законодательстве нет. И здесь у нас нет аналогий с законодательствами западных стран.» На наводящий вопрос корреспондента московского радио Кондратова, имеет ли 70-я статья все же политическую окраску, Сухарев ответил: «Конечно, имеет, потому что речь идет о защите, об охране нашего строя, который пытаются различными методами и формами подорвать. Но все это не имеет ничего общего с утверждениями западной пропаганды, что в СССР, якобы, арестовывают за инакомыслие, за убеждения, за критику властей. Эти утверждения нелепы, если не намеренно лживы».

Владимир Буковский, Вам не раз приходилось оказываться зажатым в тиски этой игры слов. За что же все-таки сажают людей в тюрьму: за критику властей или за подрыв строя?

Буковский: Ну, конечно, — за критику. Сухарев не первый раз на эти темы пишет статьи. Он писал статьи, когда я еще в тюрьме сидел. И все — на эту же тему. Но интерпретация, как всегда в советской юриспруденции, — это самая интересная сторона. Да, — говорят они, — мы не сажаем за мысли. Мы сажаем за действия. Но слово — это уже действие. Но попытка поговорить с кем-то — это действие, это состав преступления. Так, что это уже давно известная их штука.

Фиштейн: Как быть с утверждением, будто западный идеал соблюдения прав человека не оказал ровным счетом никакого влияния на изменения, происходящие в советском обществе?

Буковский: Это, конечно, неправда. Очень во многом повлияло. Повлияло все — и наше движение внутри страны повлияло на это. Не случайно Горбачев захватил наши лозунги насчет гласности и отмены 70-ой статьи и так далее. И западные концепции, давление Запада многолетнее (хотя мы все ворчим — недостаточное, мол, давление) свою лепту внесло. Это безусловно так. И не случайно советские власти вдруг приняли тезис о связи прав человека и безопасности, тезис, заключенный в Хельсинкском соглашении, на соблюдении которого мы всегда настаивали, а западные страны в

общем-то не были до конца уверены, стоит ли им проводить эту связь между безопасностью и правами человека.

Советские решили его принять. Отсюда это внезапное освобождение сотни заключенных и — параллельно — предложения о сокращении вооружения. Они приняли этот тезис.

Рэддауэй: Очень условно приняли.

Буковский: Условно, да.

Рэддауэй: Нужно сказать, что процесс освобождения политзаключенных, как будто, сейчас остановился. А освобождено всего 150 заключенных из нескольких тысяч. Это во-первых. Во-вторых, задали недавно вопрос Герасимову из Министерства иностранных дел: что будет, если эти освобожденные заключенные будут опять-таки заниматься общественной деятельностью? И он сказал довольно прямо, что их еще раз посадят. Так что эта связь очень условная.

Малинкович: Надо сказать, что с января не было арестов. Были суды, но не было новых арестов. Это с одной стороны, но, с другой, до сих пор самый страшный лагерь — лагерь особого режима для политзаключенных 36-1, где погибли в последние годы Стус и еще несколько политзаключенных, — он до сих пор остается нетронутым, и его узники до сих пор не освобождены.

Буковский: И «психушки», психиатрические тюрьмы, тоже не затронуты.

Малинкович: И не только не затронуты. Более того — сейчас говорят о том, что в Ереване открывается новая спецпсихбольница. И это в то время, как фильм Абуладзе идет на всех экранах. Это абсурдная ситуация, конечно.

Фиштейн: Ситуация, как Вы говорите, абсурдная. Интересно, сколько же времени может продолжаться абсурдная ситуация? Каковы ваши представления о ближайших и отдаленных перспективах перестройки? О ее будущем?

Рэддауэй: Это, действительно, сложный, очень интересный вопрос. И будет, конечно, много непредсказуемых событий, как внутренних, так и внешних, из-за которых невозможно точно что-либо предсказать.

Во-первых, многое будет зависеть от экономических успехов или отсутствия успехов в советской экономике. Если будет много успехов в течение, скажем, двух-трех лет, то положение Горбачева укрепитя. И наоборот, если успехов не будет.

Во-вторых, вопрос о политических реформах. На мой взгляд, если Горбачев будет настаивать, будет почти насильственно проводить политические реформы, о которых он говорил на пленуме в январе, то это вызовет все-таки яростное сопротивление со стороны номенклатуры. Сопротивление уже видно, и это, на мой взгляд, увеличивает опасность, что его все-таки через какое-то время снимут, так как он подрывает политический контроль партии. А это недопустимо. Это — нарушение первого, так сказать, принципа партийного руководства. Что будет, я не знаю, но, на мой взгляд, Горбачев пошел по очень рискованному пути, а там: поживем — увидим.

Буковский: Вы знаете, конечно, что очень трудно предсказывать. Описывать всевозможные сценарии — смысла нет. Мы понимаем, как их много. Я скажу только о своем, так сказать, интуитивном чувстве. Мне кажется, что нынешним начинаниям не суждено дать какие-то результаты и что волна назад — отлив — начнется очень скоро. Я этому не даю больше двух-трех лет. Три — это я еще, так сказать, по щедрости. Думаю, меньше. Все потянется назад, так же как, мы знаем, потянулось в Китае — с кампанией против буржуазного либерализма. По двум причинам. Во-первых, я не верю в успех экономических начинаний, особенно таких робких, которые Горбачев объявил, — тут гораздо более радикальные начинания нужны, чтобы все это сдвинуть. А раз не будет экономического успеха (единственная причина, почему реформы надо проводить), то немедленно будет поставлено все под сомнение. Ведь сейчас Горбачев как бы взял кредит: вот я сделаю, я спасу экономику, все будет работать! — но дайте мне мандат сделать много. Ну, ему мандат дают, допустим, а он ничего не сделал. Вот как только он не даст результатов — на этом все, конец.

Малинкович: Я согласен с Вами, что многое будет зависеть от экономических успехов в ближайшее время, но, думаю, могут повлиять и другие внутривнутриполитические, а также внешнеполитические успехи, если они будут. Если Горбачеву удастся добиться разоружения, он получит кредит и внутри страны. Но главное же — обострившаяся ситуация, конфликт противников и сторонников реформ. Этот конфликт действительно в ближайшее время может закончиться печально для Горбачева, но я надеюсь, что, поскольку Горбачеву пути назад уже нет, он пойдет на союз с обществом. Ему *нужна* общественная поддержка. Если общество будет активным, такая поддержка может спасти реформы. И я хочу быть оптимистом.

Рэддагэй: Будем надеяться.

РЕВОЛЮЦИЯ, ЭВОЛЮЦИЯ, ДАНО ЛИ ТРЕТЬЕ?

Иоанне Пиларской и Ежи Милевскому

От автора. В 1979 г. в украинском журнале «Сучасність» (№№ 7-8) была опубликована статья «Эволюция и революция»*, которую я считаю одной из важнейших своих работ. Но с тех пор прошло уже солидное в наш век число лет, а главное, прошло «Польское лето» 1980 года и период легальной «Солидарности» — 1981 год. А польские события того времени — это такое сгущение исторической «материи», которое изменяет «силовые линии» всех идейных «полей» нашего века. После польских событий — как до того после «Пражской весны» — мы уже не можем смотреть на мир прежними глазами, и надо не лениться пересматривать свои взгляды. Этот пересмотр я начал с работ о самоуправлении, а теперь вот добрался и до статьи об эволюции и революции. И пересмотр привел здесь к таким серьезным изменениям, что возникла необходимость полностью переписать всю статью, создать новую ее версию.

*

До сих пор преобладало мнение, что переход от одного социального строя к другому возможен либо с помощью революции, либо — эволюции. При этом большинство советских диссидентов революционный путь в принципе считало порочным.

Я этой точки зрения на революцию не разделяю. Можно ли представить себе мир, историю без американской, например, революции или без Великой французской, окончательно разрушившей устои феодализма в Европе? И можно ли вообще отрывать средства от целей? Ведь до сих пор с помощью революции или выполнявших их роль

* По-русски напечатана в ж-ле «Новый Американец» (№ 104, 1982 г.) и в сборнике «Из портативного Гулага российской эмиграции» (Мюнхен, 1983 г.)

нашествий один на насилии стоявший строй заменялся другим — с иной формой насилия в основе. И средства вполне соответствовали целям — для замены одного такого строя другим необходимо было насилие, революция.

Но, я принадлежу к сторонникам строя, свободного от насилия, строя социалистического самоуправления с групповой собственностью на средства производства, свободным рынком и демократической государственностью. Строй этот я вижу как синтез между капитализмом и тоталитарным социализмом. После перехода «Солидарности» к борьбе за такой строй (вслед за «Пражской весной» 1968 г. и венгерскими рабочими в 1956) у нас есть все основания надеяться, что он представляет собой наиболее реальную альтернативу тоталитарному социализму. Курс Горбачева на самоуправление, вне зависимости от искренности и серьезности его намерений, является ещё одним тому доказательством.

Рост числа самоуправляющихся предприятий на Западе указывает на то, что в дальней перспективе строй самоуправления может возобладать и в капиталистическом мире. Таким образом этот строй представляет собой по определению А. Сахарова «конкретный аспект здоровой конвергенции между капитализмом и социализмом»*

Но каким образом может утвердиться строй самоуправления в Советском Союзе и на Западе?

Идеи и программа большевиков представляли собой антитезис капитализму. Они провозглашали превращение всего общества в «одну контору и одну фабрику» за счет всеобщей национализации и централизации. Такой строй нельзя было без насилия ни установить, ни сохранить.

А как можно с помощью насилия ввести самоуправление? На примере сталинской коллективизации мы уже видели, что из этого может получиться. Самоуправление мыслимо вводить только по воле большинства. А истинную волю людей можно выявить лишь с помощью демократических методов. В частности, если бы Горбачев и его

*См. отзыв Сахарова в книге «Самоуправление» (Мюнхен, 1985), а также «Русскую мысль» №3191, 1977г.

советники были бы заинтересованы в введении подлинного самоуправления, то вслед за обсуждением законопроекта о предприятии они должны были бы провести референдум, чтобы выяснить, действительно ли большинство советских граждан хотят самоуправления. Разумеется, речь идет о проведении референдума с предоставлением всех возможностей для пропаганды своего мнения всем направлениям.

Демократия и правопорядок необходимы, конечно, и для успешного существования и совершенствования самоуправления.

Таким образом мы видим, что для установления строя социалистического самоуправления классическая революция, т. е. *перестройка жизни, не считаясь с принципами права и демократии*, неприемлема.

Но пойдем дальше. Если классическая, насильническая революция непригодна для установления свободного от насилия строя социалистического самоуправления, то и постепенный, эволюционный путь реформ здесь, увы, также непригоден. Особенно в странах тоталитарного социализма.

Постепенный, реформационный путь мыслим только в том случае, если речь идет об улучшении системы, если система не изжила себя и сносно функционирует. (Про тоталитарный социализм такого не скажешь!).

Строй же самоуправления принципиально, качественно отличен от обеих существующих в мире основных систем, имеет иной принцип работы и иную структуру. А если надо менять принцип системы, то перестраивать необходимо все ее звенья и механизмы и делать это надо как можно быстрее, чтобы новая «машина» поскорее начала работать, чтобы в «доме» можно было начать жить. Эволюционная постепенность здесь может привести либо к вырождению перестройки, либо к хаосу или даже срыву в насилие.

При недемократических режимах недовольство жизнью среди рядовых людей в большой степени вытесняется в подсознание. Но с началом каких-то либеральных перемен недовольство выходит на поверхность, и людям становится трудно терпеть «эволюционную» постепенность этих перемен. Обязательно находятся и радикалы, которые начинают подталкивать массы к решительным действиям. И взрыва в таких случаях избежать бывает очень трудно.

Излишняя медлительность в таких ситуациях часто дает возможность и время и для подготовки какого-нибудь реакционного путча. Или другой вариант: из-за медлительности реформаторов они не смогут завоевать доверия общества, не исчезнет «инерция страха», не возникнет массовое движение за реформы, т. е. не будет подталкивающего давления снизу, без которого невозможно преодолеть инерцию системы, сломить сопротивление срединной и низовой бюрократии и задействовать самоуправление — невозможно провести революционную перестройку.

Эта критика эволюционного пути применительно к Советскому Союзу развивалась мною в полемике со взглядами В. Турчина, изложенными в его книге «Инерция страха», которые разделялись тогда большинством либеральных советских диссидентов. Но через несколько лет я получил поддержку с самой, казалось бы, неожиданной стороны — со стороны высокопоставленного советского социолога, академика Татьяны Заславской. В своем докладе на Всесоюзном семинаре социологов в Сибирском отделении АН СССР в апреле 1983 г. Заславская сказала следующее:

«Производственные отношения представляют собой целостную систему, все элементы которой взаимосвязаны. Это проявляется в их способности „отторгать“ экспериментально внедряемые в них элементы более эффективных, но качественно отличных экономических отношений. В сущности, на протяжении последних десятилетий наблюдалась серия попыток внедрения в действующую систему отдельных прогрессивных методов управления и их последовательного отторжения, как несоответствующих ее духу. Анализ накопленного в данной области опыта приводит к выводу о невозможности усовершенствовать сложившийся много десятилетий назад механизм управления экономикой, *постепенно* заменяя наиболее устаревшие его элементы более эффективными». (Выделено мною — В. Б.).

Здесь необходимо только добавить, что путь постепенных реформ особенно бессмысленен в большой стране. В больших странах, как показывает анализ истории, и проблем больше, и противоречия острее. В малых же странах, таких, например, как Венгрия или Швеция, возможны и жизне-

способны гибриды, паллиативы и «постепенности». Уже в Польше не получается то, что удалось сделать Кадару в Венгрии и Тито в Югославии. А в Советском Союзе, где к тому же значительно дальше зашла гипертрофия промышленности средств производства (группы «А») и городского населения, сильнее подорваны трудовая мораль и плодородие земли, постепенное реформирование обречено либо на затухание («отторжение» реформ), либо на какой-либо взрыв.

Итак, эволюция не годится, революция — тоже. Однако и здесь есть «третий путь»! Польский опыт вкупе с чехословацким (между двумя точками можно провести прямую!) наводит на мысль, что возможен принципиально новый тип перехода, соответствующий переходу к строю, свободному от насилия.

Назовем такой тип перехода пока просто *революционной перестройкой*. Жизнь, возможно, подскажет потом лучший термин.* Суть его можно определить как *перестройку ВСЕЙ системы на основе правовых и демократических принципов*.

Конкретные примеры такого перехода — революционной перестройки — мы могли бы иметь в Чехословакии после 1968 г. и в Польше после 1981 г. в случае невмешательства Советского Союза.

В Чехословакии реформистское движение в партии к лету 68 г. пробудило к жизни мощное и независимое движение в обществе, которое стало бы гарантом необратимости процесса перестройки и силой, его ускоряющей.

В Польше же крепнущее под эгидой «Солидарности» движение за самоуправление (параллельно со все усиливающимся экономическим кризисом) в конце концов привело бы к тому, что у власти (в партии и правительстве) оказались бы реформаторы, и общими усилиями была бы начата революционная перестройка всей системы. Реформаторское движение в ПОРП («параллельные структуры»)

*Пока статья ждала публикации, этот термин появился в советской прессе!

уже четко обозначилось летом 1981 г. (во главе его стояли такие люди, как секретарь Гданьского горкома ПОРП Фишбах), но их приход к власти был прочно заблокирован угрозой немедленного в этом случае вторжения советских войск. Однако даже в этих условиях «Сейм» вынужден был принять закон (в октябре 81 г.) о введении самоуправления, его структуре и правах, в котором 41 пункт (из 71) соответствовал законопроекту, разработанному «Солидарностью».

Таким образом, мы имеем здесь две мыслимые модели революционной перестройки в социалистических странах — с инициативой сверху и снизу.

В первом случае для успеха необходимы с самого начала быстрые темпы развития и углубления реформ и демократизации, чтобы разбудить общество и стимулировать давление с его стороны.*

На Западе в демократических условиях переход к самоуправлению мыслим «просто» в результате появления и прихода к власти партии (или партий), выступающих за самоуправление. Придя к власти, они могут в законодательном порядке выкупать или национализировать предприятия или приобретать контрольные пакеты их акций, чтобы затем передавать эти предприятия в собственность и управление трудовым коллективам. Ведь уже сейчас мы знаем много случаев, когда по решению парламентов и правительств проводится тем или иным способом национализация отдельных предприятий или даже целых отраслей промышленности. Другое дело, что еще нигде приобретенные государством предприятия не

*В СССР в виду неизмеримо большей, чем в ЧССР, бюрократизации власти и наличия мощного военно-промышленного комплекса и КГБ в число первых мер реформаторов должно, видимо, входить расширение ЦК КПСС (а затем и других органов власти) по «завещанному» Лениным принципу: избирать в ЦК рабочих (от заводских парторганизаций) не занимавших до того никаких руководящих постов. И в таком количестве, чтобы они составили большинство в ЦК. Разумеется, в наше время избирать надо не только рабочих, но и представителей интеллигенции. (Подробнее об этом я пишу в статье «Возможна ли демократизация советского режима?» «Форум» № 16).

передавали в собственность их коллективов. Только в США федеральные власти и многие штаты помогают трудовым коллективам выкупать предприятия (промышленные и торговые), предоставляя им налоговые льготы. Обычно это происходит в том случае, когда хозяева предприятий намереваются их закрывать. В США, напомним, сейчас существует уже около 8000 предприятий, принадлежащих трудовым коллективам (на них занято около 8 % рабочей силы страны). И эти предприятия по всем основным показателям превосходят обычные капиталистические фирмы. В частности, среднегодовой прирост производительности труда у них в 2 раза выше, а прибыльность на 50 % больше, чем на «обычных» предприятиях. В то же время среди них значительно ниже процент банкротств, нежели в среднем по стране.*

Количество самоуправляющихся предприятий и учреждений (страховые общества, больницы, школы и т.д.) увеличивается как в США, так и в других развитых странах Запада. В США предполагается, что к 2000 году на самоуправляющихся предприятиях будет занято уже около 18 % работающего населения. Можно сказать, что на Западе сейчас происходит эволюционное развитие самоуправления. Но стать преобладающей формой без революционной *перестройки* существующей системы самоуправления, разумеется, нигде не сможет.

*

Но возможна ли где-либо на нашей грешной земле *революционная перестройка* без вмешательства классического революционного насилия, без марксовой «повивальной бабки истории»? Не наивно ли все-таки ожидать, что люди в чем-либо серьезном могут уступить, добровольно подчиняясь правилам правовой и демократической игры? Ведь до сих пор никогда не уступали, не подчинялись! Но, может быть, люди способны изменяться к лучшему? И меняются? Что ж,

*По данным Национального исследовательского центра предприятий, принадлежащих рабочим и служащим. (Вашингтон, США).

попробуем взглянуть непредвзято на положение в развитых демократических странах Запада.

В русской эмиграции, особенно в авторитарно-националистических кругах, распространено мнение, что Западная цивилизация и демократия переживают «небывалый апокалиптический кризис», говорится о «моральном падении» людей, их «бездуховности, атеистичности», о «засильи потребительской психологии», и т.д. и т.п. Кризис этот столь же ярко, но с помощью несколько иной терминологии живописуют и крайние левые на Западе, и советская пропаганда на Востоке. В связи с этим хочется спросить:

Был ли моральный уровень западного общества выше 30-40 лет назад, когда по миру расползалась коричневая чума фашизма и был в почете красный тоталитаризм?

Или этот уровень был выше в начале века, когда западные страны сцепились в позорной войне из-за националистических амбиций и дележа колоний, когда ненасытный и ничем не ограниченный капитализм регулярно ввергал мир в самоубийственные кризисы перепроизводства, о которых сегодня и помыслить страшно?

Или выше был этот уровень в XIX веке — веке колониального грабежа, засилья империй, перманентных войн, жестоких революций и контрреволюций, кастовой демократии и чудовищной эксплуатации рабочих и даже их детей?

Дальше идти в глубь веков, думается, нет смысла.

Да, в мире сейчас существует многое из того, о чем кричат безоглядные пессимисты и пророки. Но неужто невозможно заметить и разительные позитивные перемены? Разве мыслимо сейчас на Западе многое из того, что ещё совсем недавно было там в порядке вещей?

Мыслима ли война между западными державами? Нацизм, старые экономические кризисы, работа на фабриках с 8 - 10 лет по 14 - 16 часов (для взрослых), разгоны забастовок войсками или кровавые расправы западных армий в бунтующих колониях при полном спокойствии в метрополиях?

Глядя из этого недавнего прошлого, можно ли было представить такие явления нашего времени как правозащит-

ное движение, Всеобщая декларация прав человека ООН, международные правовые пакты, гуманитарные статьи в международных соглашениях? Или предвидеть успешную борьбу с расизмом, добровольное освобождение многих колоний, деятельность общественной организации «Международная Амнистия» (несколько сот тысяч членов в десятках стран!)? А социальное обеспечение и страхование, могущество профсоюзов, правовая защита трудящихся, наконец, тот же контроль государства над капиталом и капиталистами, и как следствие — исчезновение острых кризисов перепроизводства? Мыслимо ли было все это еще каких-нибудь 50 лет назад!? Во гневе не надо забывать оглядываться. Невиданная оргия физического насилия в XX веке, включая сталинизм, не прошла, видимо, бесследно, стала, возможно, апогеем и началом конца многотысячелетней эпохи насилия. И современный терроризм не является ли признаком ее агонии, свидетельством отчаяния всяческих эстремистов, теряющих почву под ногами?

И может быть стоит подумать, не происходит ли сейчас в мире, в первую очередь в Западном, нечто небывалое — прямо на наших глазах? Не являемся ли мы современниками начала Величайшей революции в истории человечества — революции против насилия?

И если мы действительно являемся современниками такой революции, и если она победит, и насилие (слева ли, справа) окажется окончательно заблокированным, то откроется, наконец, реальная возможность и для революционной перестройки общества, то есть революции при соблюдении норм демократии и права.*

Добавим. Победа демократии в Советском Союзе предопределила бы победу революции против насилия во всем мире.

*Интересно, что еретическую мысль о «революции против насилия» высказал недавно (где-то в 83 г.) Лех Валенса. Суть его слов была такова: несмотря ни на что, мы вступаем сейчас (или вступили) в эпоху, когда насилие слабеет и постепенно вытесняется из жизни, как средство решения социальных проблем.

II.

Что происходит сейчас в Советском Союзе? Объективно это похоже на *попытку начать* революционную перестройку. Хотя вряд ли этот термин понимается как перестройка старой системы в новую. Революционная перестройка может продолжаться 2 - 3 года, но уже в первый год всё должно быть ясно — все основные цели и направления перестройки. Ближайший пример — Пражская весна или демократизация Испании. После первых решающих лет может продолжаться настройка и усовершенствование отдельных узлов новой системы, то есть ее уже эволюционное развитие, но сама система, ее структура, ее главные узлы должны быть «смонтированы» и запущены *одновременно* и в короткий срок.

Быстрые темпы, широта и глубина всех процессов перестройки, кроме всего прочего возбуждают у людей веру в серьезность событий, в их необратимость, и тем самым порождает энтузиазм, если угодно, революционный энтузиазм, без которого революционная перестройка попросту невозможна. Особенно в советском обществе, столь зараженном цинизмом, пассивностью, страхом. Об этом недавно хорошо сказал венгерский писатель и диссидент Дьерд Конрад, убежденный, заметим, сторонник демократического социализма: «После 70 лет тоталитаризма возможность качественной реформы советского общества представляется проблематичной. Прежде всего потому, что за эти десятилетия образовались айсберги страха, гражданской пассивности, цинизма. Мы сегодня свидетели того, как медленно тают самые верхушки этих айсбергов».

Вспомним для сравнения, как развивалась Пражская весна. Уже через несколько месяцев после ее начала, после прихода к власти руководства Дубчека была достигнута *полная* гласность во *всех* аспектах жизни и полная свобода печати, собраний и объединений. Проходила *массовая реабилитация* жертв политических репрессий прежних лет и прекращены были какие-либо новые репрессии. Границы были открыты для выезда и въезда. Зарождалась многопартийная система — дело шло к восстановлению социал-демократической партии, роль партии начинал играть «Клуб

беспартийных», политическое влияние приобретали и Рабочие советы предприятий и учреждений, создававшие свои региональные, представительные органы. Полную независимость приобретали профсоюзы. Государство отделялось от партии. Ну и, конечно, вводилось самоуправление, подлинное. И не как вспомогательное средство, а как преимущественная форма хозяйственной деятельности и политической активности народа. Введение самоуправления еще только начиналось, его планируемая структура уже была всем известна. Она включала экономическую автономию самоуправляющихся предприятий (фактически групповую собственность на средства производства) и рыночную конкуренцию между ними. Проект Ота Шика и его «команды» шел, на мой взгляд, даже слишком далеко к капитализму: он предполагал передачу самоуправляющимся предприятиям функции расширенного воспроизводства и возможность инвестировать капиталы.*

Если представить, что в Советском Союзе за два горбачевских года имели бы место изменения, подобные тем, что произошли в Чехословакии за первые 4 - 5 дубчеховских месяцев (плюс расширение ЦК по ленинскому принципу и вывод войск из Афганистана!), то это уже можно было бы считать началом настоящей революционной перестройки.**

*Напомню, что через 12 лет «правая», «антисоциалистическая» (на взгляд советских правых диссидентов) «Солидарность» отвергла этот путь расширенного воспроизводства, указывая в своих программных документах, что таким расширением должно заниматься государство. «Государственные власти должны выделять средства для создания новых рабочих мест». — сказано, например, в программе профобъединения «Направление деятельности». Соответственно отвергла «Солидарность» и систему акций. Между прочим, введение акций планируется сейчас в Польше властями! Этим они демонстрируют, что им удобнее иметь дело с директорами, полукапиталистами (с «директорским капитализмом»!), нежели с социалистическим самоуправлением трудовых коллективов, так как оно неизбежно связано с настоящей демократизацией общества.

** Уже после того, как была написана эта часть статьи, ко мне на помощь пришла Татьяна Заславская. В интервью для «Известий» (21. 4. 87) она заявила: «Затягивание перестройки угрожает не меньшими опасностями. Об этом можно судить хотя бы по венгерскому опыту. То обстоятельство, что отдельные изменения вносились там в механизм некомплексно, через

Какое самоуправление хотят ввести в Советском Союзе?

В советской прессе многие участники обсуждения законопроекта о соцпредприятии справедливо писали о противоречивости и недостаточности этого проекта. В частности о том, что права коллективов и предприятий определены нечетко и оставлены бреши для вмешательства государства, министерств. О том, что оставлено место для вмешательства партии, разумеется, никто вопроса не поднимал. Это за пределом горбачевской гласности.

Нет речи и о двух важнейших условиях эффективности самоуправления: о рыночной экономике, рыночном ценообразовании и групповой собственности, о возможности для самоуправляющихся коллективов выкупать у государства свои предприятия. * Между прочим, в действиях Горбачева

большие интервалы времени не позволило, по мнению ученых, добиться качественного улучшения системы... Затяжка с преобразованиями может вызвать недовольство людей, а при определенных условиях — и постепенное отступление, «замирание» перестройки. Думается, что оптимальная стратегия предполагает... сравнительно быстрое (в течение одного-двух, максимум — трех лет) комплексное преобразование системы социально-экономических отношений».

* В книге «Самоуправление» и в «Форуме» №14 я развивал точку зрения, что в обществе самоуправления государство должно за счет налогов строить новые предприятия и бесплатно передавать их в собственность новым коллективам.

Сейчас, на фоне опыта создания западных самоуправляющихся предприятий, я изменил свой взгляд на данный предмет. Я пришел к мысли, что эффективнее будет сдавать новые предприятия (новым коллективам) *на выплату* их стоимости в *рассрочку* (без процентов, разумеется). Это с самого начала будет стимулировать более бережное отношение к средствам производства и уравнивает те коллективы, которые получают новые предприятия, с теми, которые предприятия перестраивают, модернизируют и т.п., беря для этого у государства кредиты. Чем дороже предприятие, тем больше должна быть рассрочка, чтобы уравнивать начальные условия работы на дорогостоящих и более дешевых предприятиях. Очень дорогие предприятия возможно будет целесообразно и справедливо частично создавать и за счет налогов. В этом случае соответствующая часть стоимости предприятия не будет подлежать выплате. Со «скидкой» государство сможет «продавать» и такие предприятия, которые носят экспериментальный характер, или предприятия такой отрасли, которую государство считает необходимым форсированно развивать.

и его команды поражает отсутствие признаков того, что ими изучен и учтен опыт развития самоуправления на Западе и проектов введения самоуправления в Чехословакии (68 г.) и в Польше (81 г.), а также негативных последствий половинчатого, урезанного самоуправления в Югославии. Не заметно и единой концепции в действиях властей. Т. Заславская откровенно сказала об этом в интервью югославскому журналу «Данас»: «Перестройка не проводится на основании какой бы то ни было заранее разработанной концепции. Она идет методом проб и ошибок». Ей вторит таинственный «Берегов», интереснейшая статья которого, написанная в Москве, была 19 апреля опубликована в «Вашингтон Пост». Этот человек, близкий к правящей элите, как указывает газета, пишет, что в отличие от реформаторов Венгрии и Чехословакии у Горбачева и его советников нет «развитого реформистского проекта, вокруг которого мог бы консолидироваться широкий социальный блок», «нет четкой социально-политической концепции и программы». «Мнение, — пишет Берегов, — будто в Советском Союзе имеет место постепенная реформа, встречающая сопротивление, но все же последовательно проводимая в жизнь, — чистейшая иллюзия. Не имея ни стратегии, ни социально-экономического проекта, правящая группа вынуждена жить только сегодняшним днем».

Планируемое сейчас в Советском Союзе самоуправление — это пока лишь попытка развить у рабочего чувство хозяина, *не делая его хозяином*, и наладить более тесную и прямую связь между эффективностью труда и заработком.

В принципе описанный здесь метод расширенного воспроизводства мало чем отличается от предлагавшегося мною ранее — за счет налогов. Будут меньше налоги, но зато гражданам придется выплачивать кредиты, взятые на нужды их предприятий, или стоимость новых предприятий, на которых они будут начинать работать.

Толчком для изменения решения послужило для меня знакомство с историей очень дорогих предприятий, переходивших в собственность их трудовых коллективов на Западе. Коллективы сравнительно быстро выплачивали стоимость таких предприятий (притом с процентами!) за счет временного уменьшения своих заработков и налоговых льгот от государства. В обществе же самоуправления такие выплаты будут производить много легче благодаря большей помощи от государства и общества.

И еще один встает важный вопрос. Идя на какой-то гибрид югославско-венгерских реформ, как думают избежать советские реформаторы кризиса, который переживают сейчас системы данных стран? И понимают ли советские руководители, что подобный кризис может разразиться в Советском Союзе намного быстрее и быть гораздо острее? В силу тех отличий, о которых мы говорили выше.

Пример Югославии показывает также несовместимость самоуправления с недемократической государственностью. Кроме административных рычагов у государства всегда имеются и мощные экономические рычаги, такие как налоговая и кредитная политика, дотации, госзаказы и политика капиталовложений — строительства новых предприятий. При отсутствии демократического контроля государство, произвольно используя эти рычаги, способно разорять самоуправляющиеся предприятия и целые их отрасли. Поэтому не случайно польское профобъединение «Солидарность» в своей программе самоуправления требовало создания в Сейме Палаты Самоуправления, в которую избирались бы делегаты от самоуправляющихся предприятий и учреждений и которая могла бы «обеспечить органам самоуправления непосредственное влияние на принятие общегосударственных и хозяйственных решений». Одно тянет за собой другое! Между прочим, Палата Самоуправления, предлагаемая «Солидарностью» (представительство самоуправляющихся предприятий необходимо, разумеется, и в региональных органах власти, в местных советах), в принципе соответствует Советам рабочих депутатов, существовавшим в России до Октябрьской революции. Проект «Солидарности» предполагал оставить исполнительную власть в руках правящей партии, но поставить ее под контроль беспартийной по существу законодательной власти — Палаты Самоуправления Сейма. Создание такой структуры является, по-видимому, минимально необходимой для эффективного функционирования самоуправления мерой демократизации государственной власти. Но пока нет никаких признаков, что правители Советского Союза понимают необходимость такой демократизации.

*

Посмотрим, какие конкретные проблемы могут возникнуть из-за неспособности руководства Горбачева проводить настоящую революционную перестройку.

Вводится выборность руководителей предприятий, но не вводятся групповая собственность и рыночные отношения. В результате у работников не будет ни заинтересованности контролировать руководителей, ни ясных и объективных критериев оценки их действий. Эти критерии может дать только рынок, устанавливая объективные цены на товары и услуги и давая прибыль только действительно эффективно работающим предприятиям. Есть прибыль — значит дирекция работает удовлетворительно, прибыль растет — работает отлично, падает — тревога! Нужно расследовать причины, и возможно менять директоров. При отсутствии групповой собственности и свободного рынка не будет у работников и настоящей заинтересованности в добросовестном труде и бережной эксплуатации оборудования и будут возникать новые утонченные формы обмана государства или потребителя.

Далее, объявляется о необходимости сокращения избыточной рабочей силы. Но опять же только в условиях подлинного самоуправления, групповой собственности и свободного рынка такое сокращение может происходить в оптимальных, объективно обоснованных размерах и направлениях и совершаться плавно и максимально безболезненно. Коллективы сами будут решать, сокращаться ли им и по каким принципам и правилам, или, может быть, прикупить оборудование и таким образом, не сокращая состав, увеличить производство и заработки. А иной коллектив, может быть, решит не сокращаться, будет иметь меньшие доходы, но — спокойную обстановку.

И будет куда уходить сокращаемым. В смежные, быстро развивающиеся отрасли производства, где будут более высокие доходы и нехватка рабочих рук. Быстро начнет развиваться и сектор обслуживания, и заработки там будут, как сейчас, в несколько раз меньше (если не воровать!), чем в промышленности. В условиях свободного рынка сектор обслуживания станет доходным и при честной работе! В таких условиях люди сами будут часто «сокращаться» с

перенаселенных и менее доходных предприятий и переходить на более преуспевающие. А иные — в освобожденное сельское хозяйство. Плюс развитие кооперативного сектора, плюс частный сектор, допущение которого необходимо в условиях демократии и настоящего самоуправления. Притом с разрешением использования наемной рабочей силы! Конкуренция необходима и между различными укладами (государственным, самоуправляющимся, кооперативным, частным) для их здорового развития и пользы общества.

Сокращение же работников в нынешних условиях — по разнарядкам сверху, по необъективно обоснованным расчетам, по произволу чиновников и директоров, по соревнованию, неизбежному между ними (кто больше и быстрее сократит!), и без возможности для многих сокращаемых найти новую, желанную и доходную работу — может вылиться в очередную трагедию. А то и привести к волнениям, восстаниям. Ведь к этому будут присовокупляться и необоснованное снижение зарплаты на многих предприятиях (которое уже началось!) и рост цен, также неизбежный.

Далее, решение всех упомянутых выше проблем связано и с решением такой важной задачи как ликвидация гипертрофии группы «А» (промышленности средств производства) и увеличение группы «В» (средства потребления) и сектора обслуживания. В то же время на группе «А» лежит сейчас задача обеспечить модернизацию оборудования старых предприятий. Ведь прежде руководство направляло капиталы в основном на строительство новых предприятий, на экстенсивное расширение, не проводя систематического обновления оборудования действующих предприятий. А без модернизации устаревшего оборудования предприятия нельзя переводить на хозрасчет: они будут обречены на жалкое существование или банкротство.

Но чтобы выполнить две эти противоречивые задачи (сокращение группы «А» и модернизация оборудования), мало резко сократить экстенсивное расширение производства, необходимо прекратить, очевидно, гонку вооружений и начать сокращение военной промышленности, которая поглощает большие капиталы, лучших специалистов и продукцию

многих невоенных предприятий группы «А» (частично и группы «В»). Но для этого в свою очередь необходимы такие внеэкономические меры, как уход из Афганистана, полное освобождение политзаключенных и открытие границы для свободного выбора страны проживания. Эти меры настолько бы повысили доверие к советскому правительству, что парламенты западных стран положили бы конец холодной войне и добились разоружения.

В итоге, мы вновь видим, как все взаимосвязано и как необходимы быстрота и одновременность в перестройке важнейших узлов системы.

Повторяю, такая перестройка тоже требует какой-то поэтапности, постепенности, но они должны определяться только программой и проектом перестройки — чтобы она шла *быстрее и безболезненнее*.

*

В «Новом мире» № 5 была напечатана одна из самых интересных, на мой взгляд, статей за все время перестройки. Это статья Юрия Корхова «Паутина принуждения». Для нашей темы важны два следующих тезиса.

«Очень хочется творчества масс, — пишет Корхов, — и мы постоянно говорим о нем. Но при этом немножко лукавим, так как хотим не творческой самодеятельности, а правильной, хорошей, то есть безошибочной деятельности. И поэтому постоянно стремимся организовать ее, вогнать в рамки плана. Но организация инициативы — это же ее отрицание!» И далее Корхов переходит к самому важному тезису своей статьи.

Он пишет: «Человеческая самодеятельность — это суровая необходимость. Она неизбежно связана с ошибками, проступками и даже преступлениями. Согласиться со стихийным началом жизни, понять его, означает согласиться с болезненной расплатой за развитие. Наше патологическое стремление к заорганизованной жизни проистекает именно из нежелания платить за развитие полновесной монетой ошибок, ответственности и страданий. Мы хотим *перехитрить жизнь, бесплатно проехать* в вагоне истории. Мы боимся, что в жизненной стихии зло может взять верх над добром. Интуитивно не верим в добродетельность

стихийного развития. Сморщенное лицо страха глядит из всех наших форм ограничения и принуждения, из разнообразных инструкций, правил, методик, положений и приказов».

Вот пример такого страха. Искренний сторонник перестройки и внедрения рыночных отношений в советскую экономику член-корреспондент АН СССР Павел Бунич пишет в статье «Хозрасчет: на деле и на бумаге» («Труд», 6. 5. 87): «В нынешних условиях, когда коллективы не привыкли еще заботиться о своем будущем, существует опасность «проедания» фондов развития производства. Поэтому в качестве промежуточного варианта предлагается устанавливать эти фонды по отраслевым нормативам».

То есть — устанавливать сверху и контролировать распределение доходов. Но что же тогда остается от самоуправления? Как может при этом выработаться привычка заботиться о будущем? Да, получивши полную свободу, многие коллективы поначалу будут «проедать» свои фонды развития и делать многие другие ошибки, но ведь они вскоре же будут и наказаны за это: начнут проигрывать в конкурентной борьбе на свободном рынке более благо-разумным и дальновидным предприятиям, начнут терять доходы, а то и разорятся. Один коллектив обожжется, другой, глядишь — и все поумнеют! Будут потери, «плата за развитие», но будет и развитие. Как плавать можно научиться, только войдя в воду, так и самоуправлению — только при самоуправлении.

А без самоуправления, полного, настоящего, невозможно внушить веру в серьезность реформ и возбудить энтузиазм «инженерно-рабочего класса», без чего в свою очередь невозможно провести саму перестройку. В частности, без полномочных органов самоуправления невозможно обновить директорский корпус и обеспечить его независимость от вышестоящих властей. Без самоуправления невозможно добиться и добросовестности труда, которая сегодня на сложных, современных производствах играет решающую роль. На таком производстве контролировать и подгонять персонал уже почти невозможно. Это одна из причин того, что сегодня на Западе самоуправляющиеся предприятия показывают значительно более

высокую производительность труда в качественном и количественном отношении, нежели сравнимые с ними предприятия капиталистические.

*

Из всего сказанного не вытекает, что деятельность Горбачева и его команды бесполезна. Она вскрывает лед, вспахивает почву. И самое главное, наверное, не в том, что Горбачев делает, а в том, что он говорит (и что другим дает говорить). Как и в реформаторской деятельности Хрущева самым важным был его доклад о Сталине на XX съезде. Но Горбачев за два своих года у власти «наговорил», пожалуй, много больше Хрущева. Так, Горбачев признал, — и это теперь никому не удастся игнорировать, — что страна и строй двигались к краху, а народ — к вырождению моральному (через коррупцию и цинизм) и физическому (через алкоголизм).

Горбачев признал, что «без укрепления морального здоровья общества не удастся решить задач перестройки», что надо «спасать народ».

Горбачев признал, что никакой демократии в Советском Союзе нет и что она «нужна нам как воздух, и если мы этого не поймем и если даже поймем, но не сделаем реальных серьезных шагов по ее продвижению, то захлебнется наша перестройка».

Признал, что «порядок в доме может навести лишь человек, чувствующий себя его хозяином» и что, «только через последовательное развитие самоуправления возможно продвижение вперед в производстве, науке и технике, литературе, культуре и искусстве, во всех сферах общественной жизни».

И наконец, в области международной он признал, что «с накоплением ядерных вооружений и их совершенствованием род людской лишился бессмертия... и второй Ноев ковчег не выйдет из ядерного потопа».

Такие признания — не шуточное дело! Их не скроют другие, противоречивые заявления и действия как самого Горбачева, так и его руководства. С признаниями Горбачева теперь придется всем считаться.

Я совершенно согласен с венгерским оппозиционером

Яношем Кишем, который в интервью французской газете «Матэн» (10. 3. 87) сказал: «В Советском Союзе создалась необратимая ситуация, хотя это еще не означает, что нынешнее реформаторское движение закончится успехом. Однако кризис советской системы таков, что рассчитывать на повторение брежневской консолидации не приходится... Страны социалистического лагеря вступают в период неустойчивости».

*

Часто можно слышать вопрос, как далеко пойдет Горбачев? Но это неверная постановка вопроса. Другое дело — как далеко пойдет советское общество, прежде всего интеллигенция, в деле собственного освобождения? Пока серьезного движения в этом направлении не видно. Группа Горбачева продолжает оставаться самой левой, самой радикальной. И это ограничивает возможности маневра для Горбачева. Если положение не изменится, то наиболее вероятная перспектива — свержение Горбачева правыми. Но и им стабилизировать ситуацию и надолго захватить власть вряд ли удастся. Экономический кризис ведь будет продолжать нарастать.

В будущее можно было бы смотреть гораздо увереннее, если бы советская гуманитарная интеллигенция пребывала в ином качестве, нежели сейчас. Предназначение гуманитарной интеллигенции — быть детонатором, но этот детонатор, видимо, очень отсырел и разложился за долгие годы советского тоталитаризма.

Вернемся в связи с этим к паническому выступлению «Берегова»: «Консерваторы знают, чего они хотят, — пишет он. — Про деятелей перестройки этого не скажешь,...у них нет ни стратегии, ни единодушия. ...Консерваторы при первом же крупном провале реформизма попытаются вернуть себе инициативу и «нормализовать» обстановку. Реформизм оказывается в цейтноте. Единственным выходом остается радикализация «политики перестройки». Но именно здесь особенно сказывается отсутствие нового общественного проекта».

Задумаемся, как могло случиться, что у Горбачева и его окружения нет концепции и плана реформ? При том, что в

мире накоплен большой опыт в этом отношении, опыт Югославии, Венгрии, Чехословакии, Польши и западных самоуправляющихся предприятий.

Я вижу несколько факторов. Во-первых, шовинизм, пренебрежение к странам Восточной Европы: «Чему они нас могут научить?»

Во-вторых, «реактивное мышление» — отталкивание в противоположную крайность от большевизма, идеологии, социального творчества: «Бойтесь того, кто знает как надо!» «Непредрешенчество». «История не правится разумом. Разум для нее топор».

Затем, презрение к народу, к рабочим, интеллигентский шовинизм. «Интеллигент в России — это зрячий среди слепых, ответственный среди безответственных, вменяемый субъект истории». «Массы слепы и безответственны». «Интеллигенция — истинный субъект истории». Отсюда — отсутствие интереса к социальным концепциям.

Одно из конкретных проявлений всего этого — кампания блокады в эмиграции информации и идей о самоуправлении, включая информацию о борьбе «Солидарности» за самоуправление.

И вот сейчас выпал шанс, а мы не знаем, что делать! Чехи около 10 лет дружно, терпеливо группами разрабатывали концепцию и план своей перестройки, чтобы знать, «как надо», если шанс выпадет. А чем занимались наши «социологи»?

Остается только повторить слова Дьерда Конрада: «Возможность качественной реформы советского общества представляется проблематичной».

май 1987

Илья Зильберберг

ОРГАНИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В СООТВЕТСТВИИ С ПОТРЕБНОСТЯМИ И ПРАВАМИ ЧЕЛОВЕКА

Подобно тому, как человек в повседневной своей жизни не задаётся обычно вопросом о её смысле и цели, так и производя свою каждодневную работу, он редко задумывается над её более широким смыслом и назначением. Но выдающиеся личности всегда представляются исключением в этом отношении, всегда представляется, что они видят больше и глубже нас, что через их видение и мы можем узнать больше.

Вот почему, когда однажды, ещё молодым человеком, мне случилось в неофициальной и непринуждённой обстановке беседовать с одним из выдающихся физиков нашего времени Львом Ландау, я спросил его: «А почему Вы, собственно, стали физиком, почему занимаетесь физикой?»

Не знаю, задумывался ли он раньше над этим вопросом, но ответ его был таков (передаю общий смысл): «Во-первых, это занятие даёт мне большое духовное удовлетворение, во-вторых, оно приносит пользу и другим, и в-третьих, даёт мне некоторое материальное благополучие».

Мой последующий жизненный опыт убедил меня в том, что эти три причины, три мотива, отнесённые выдающимся учёным исключительно к себе, лежат в основе любого вида деятельности (работы) каждого человека.

Степень, до которой они ощущаются и признаются самим работающим, их значимость и возможность удовлетворения в тех или иных обстоятельствах могут быть различны — по их наличию, необходимость в них являются реальностью: когда нет хотя бы одного мотива или он не удовлетворён, это явно или подозрительно ощущается работником и сказывается на его работе и его внутреннем состоянии.

Но эти мотивы проявляются в людях по-разному. Различие в самих мотивах состоит уже в том, что в первом и третьем явно присутствует личный, «эгоистичный», элемент, в то время как второй, в противоположность им, направлен на других (хотя и в этом тоже может проявляться личная потребность, «эгоизм»).

Рассмотрим первый. Люди творческого труда склонны считать его основным, чуть ли не единственным в своей работе. Люди же физического чем-то второстепенным, даже надуманным, либо идеально-недостижимым. Негативное отношение к первому мотиву в значительной степени обусловлено существующими условиями нашей жизни, при которых выполняемая работа является физическим или моральным бременем. Но несмотря на это, огромная и реальная роль этого фактора видна на примере хотя бы двух крайних явлений, которые при определённых условиях могут иметь место в нашей жизни: одно — победа творческого энтузиазма над нечеловеческими условиями труда, и второе — моральная и физическая деградация в результате лёгкой и беспцельной жизни.

Относительно третьего фактора люди тоже могут впасть в две крайности. Одни (и это будут почти наверняка люди творческого труда) могут не придавать ему никакого значения — и такие примеры хорошо известны. Другие (конечно же люди физического труда, да и подавляющее большинство людей иных занятий) считают его либо главнейшим стимулом деятельности, либо, во всяком случае, чрезвычайно важным. И он действительно очень важен — в том смысле, что, если в качестве внутреннего стимула этот фактор даже отвергается человеком, он должен быть удовлетворён как реальная жизненная потребность, иначе человек не только не может заниматься любимым делом надлежащим образом, но попросту не может существовать физически.

Второй фактор тоже имеет своих приверженцев (немногочисленных), считающих служение другим основным стимулом своей деятельности. Интересно, что наличие этого фактора в любом почти виде деятельности никем не отрицается, но вместе с тем ему отводится «теоретическая», «идеальная» роль, как некой моральной заповеди. Между тем, нет ничего более реального, чем этот фактор нашей деятельности — работа для других. Ибо нет сегодня такого вида деятельности, непосредственные результаты которой человек использовал бы исключительно для себя — они, как правило, предназначены исключительно для других. Даже плод духовного вдохновения, рождённый в одиночестве и тиши, даже «продукт» домашнего хобби редкий человек не захочет представить другим — чтобы услышать оценку, одобрение, получить моральную или даже материальную поддержку. С другой стороны, ни один человек

сегодня не мог бы представить себе возможность, даже теоретическую, обойтись без помощи других (если же, подобно Робинзону Крузо, он оказался бы выброшенным на необитаемый остров, то в борьбе за жизнь он неизбежно использовал бы усвоенные им знания и опыт человечества). Другими словами, каждый человек сегодня пользуется результатом труда другого и каждый работающий работает для других.

Таким образом, три реальные фактора любой деятельности моральное удовлетворение, работа для других и материальное обеспечение должны быть осознаны каждым работающим, должны найти соответствующее место и удовлетворение в любом виде деятельности. Это должно быть положено в основу любого предприятия, если его руководители и работники хотят, чтобы оно максимально основывалось на реальности и чтобы они сами увидели смысл, необходимость и пользу своей деятельности.

Возможность практической реализации этих факторов на каком-либо предприятии зависит, разумеется, от доброй воли и способностей его работников и от конкретных возможностей и обстоятельств. Однако изложенные выше соображения могут быть конкретизированы в той мере, в какой они являются пригодными для любого вообще предприятия, и здесь будет сделана попытка такой конкретизации.

Итак, чем же является производственное предприятие (промышленное, финансовое и т. п.) с точки зрения трёх приведённых факторов, т. е. с точки зрения реальности?

Это прежде всего группа людей, объединившихся для совместной деятельности, в которой они могут реализовать свои творческие и физические возможности на благо других людей и общества в целом и которая даёт им материальные средства для достойного человека существования.

В определённом смысле эта группа людей — экипаж корабля или самолёта, каждый член которого выполняет конкретную задачу, от которой зависит успех общей миссии, а в некоторых случаях и жизнь экипажа.

В определённом смысле это семья, где естественная забота о её благополучии в целом органически включает в себя заботу о благополучии каждого, взаимопомощь и жертвенность.

Но группа людей, собравшихся для совместной деятельности — это нечто большее, чем экипаж корабля и даже чем семья. Члены этой группы оказались вместе не в результате административных или генеалогических факторов. Их взаимоотношения — следствие дисциплинарных требований или родственных чувств. Их деятельность не определяется уставом или традицией, в основе её лежат не оперативные и не семейные интересы.

Люди, составившие эту группу, сделали это *свободно* -- по собственной воле и выбору. Они сделали это, потому что считают, что *так* они могут лучше выявить свои возможности и проявить свои способности, *так* они могут приносить максимальную пользу другим, *так* они лучше всего могут удовлетворить свои материальные потребности.

Им свойственны внутренняя дисциплина и соблюдение принятых норм и правил, они идут в ногу с современными достижениями в области управления, технологии и финансов и заботятся о прибыльности предприятия, их деятельность основана на сотрудничестве и обеспечивает им личное благополучие -- но все эти и другие подобные аспекты деятельности современного человека у этих людей покоятся на осознании и добровольном принятии тех реальных и вместе с тем высоких принципов, которые выдвинуты нашим временем.

Ни один из этих принципов не действует отдельно, сам по себе, поэтому и мероприятия, реализующие один принцип, будут иметь отношение и к другим, а в отдельных случаях просто невозможно будет отнести то или иное мероприятие к какому-нибудь одному принципу только.

И всё же, работая над созданием или улучшением производственного предприятия, следует не только чётко представлять себе принципы, которые собирают вместе его работников и вызывают к жизни его самое, но исходя из них, изыскивать средства и разрабатывать конкретные мероприятия, которые могут реализовать эти принципы наилучшим образом.

Итак, эти принципы суть:

1. *Приемлемые условия труда*, которые включают условия для творческо-производственной работы, соответствующие административно-производственные отношения сотрудников и т. п., то есть комплекс условий, благодаря которым работник чувствует удовлетворение от выполняемой работы.

2. *Возможность работы для других*, то есть получение удовлетворения не только от процесса работы, но и от её результатов, ощущение её пользы и необходимости для других.

3. *Возможность работы для себя*, то есть получение справедливого вознаграждения за приносимую другим пользу, обеспечивающего работнику и его семье достойное человека существование.

Условия труда

Идеальной или, скажем, оптимальной является такая ситуация, при которой человек, выявивший свои склонности и интересы,

работает в соответствии с ними в условиях, позволяющих его способностям проявляться наилучшим образом.

С точки зрения предприятия первый фактор является внешним, зависящим от самого человека и от тех социальных условий, в которых человек пытается найти себя и своё место в обществе. Социальные условия настоящего времени не способствуют решению этой проблемы, и поэтому род и место работы большинства людей сегодня определяется не внутренними побуждениями, а тем, что мы называем «жизненные обстоятельства» или «случай». Но такое положение вещей является реальностью сегодняшнего дня, и если невозможно быстро изменить его, то можно хотя бы исправить, улучшить, оздоровить.

И вот тут в полной мере должен проявиться второй фактор, то есть те условия работы на предприятии, в которых оказывается человек. Эти условия (и соответствующие мероприятия) должны включать следующее:

а) Каждый работник должен пользоваться полной самостоятельностью и независимостью (с соответствующей ответственностью) в объёме выполняемой им работы. Когда скоро объём работы определён (как — об этом будет сказано ниже), работник сам, в соответствии со своими способностями и пониманием своей роли в общем процессе, планирует и организует свою работу. Никто, ни руководитель и ни коллектив работников, не имеет права административно вмешиваться в эту его деятельность. Но это не означает, разумеется, что его работа и её результаты бесконтрольны; они должны обсуждаться, могут критиковаться, и работник даже может быть отстранён от выполняемой им работы.

б) Каждый работник должен хорошо знать смежные участки работы, то есть те, от которых непосредственно зависит его работа и которые непосредственно зависят от его работы. Эти участки составляют в своей совокупности промежуточную производственную единицу, границы которой определяются производственной целесообразностью. Работники этой единицы вместе с непосредственным руководителем совместно обсуждают работу своей единицы, устанавливают объём работы каждого входящего в неё, согласовывают и «стыкуют» свои задачи.

в) Каждый работник должен быть знаком со всем технологическим процессом своего предприятия в целом, начиная с поставки сырья и кончая выходом готовых изделий. Степень ознакомления устанавливается администрацией, ею же организуется сам процесс ознакомления, но он обязательно должен охватывать всё предприятие (если даже некоторые его подразделения находятся в разных местах), должен проходить в рабочее время и за счёт фондов предприятия (он — часть общего производственного процесса).

Благодаря непосредственному участию в промежуточном производственном процессе, включающем его работу, и знакомству со всем процессом в целом, работник видит, как органично входит его работа в этот процесс. Но он сам и его работа входят не мёртвой деталью, а живой клеткой, живущей самостоятельно и дающей жизнь другим и целому. Дисциплина, план, согласованность являются для работника не отвлечёнными понятиями или прихотью администрации, а необходимыми «физиологическими» функциями производственного предприятия-организма.

г Кроме обсуждения работы своей производственной единицы, каждый работник непосредственно (или в отдельных случаях через своего представителя) участвует в производственных совещаниях более крупных подразделений, вплоть до общего собрания всего предприятия. На этих совещаниях, которые должны проводиться регулярно, соответствующий руководитель сообщает о проделанной работе, о текущих делах, о планах на будущее и о мерах по их осуществлению. На совещаниях могут обсуждаться любые производственные вопросы, от техники безопасности и питания до финансовой политики и конкурентоспособности предприятия. Предложения по этим вопросам, независимо от количества поддерживающих их работников, должны быть зафиксированы в протоколах совещания. Но эти, как и подаваемые другим путём, предложения не имеют силу обязательного решения для соответствующего руководителя. Ибо он, на время выполнения им своей работы, защищён, как и рядовой работник предприятия, от вмешательства в неё «внешних» — по отношению к его способностям и воле сил. Благодаря участию в таких совещаниях работник находится в курсе текущих дел предприятия и политики руководства, может лучше согласовывать свою работу с ними и в определённых пределах влиять на них.

д В результате вышеизложенных и других мероприятий работник не только приобретает и ощущает самостоятельность и осознаёт важность своей работы, но и вырабатывает в себе подобное отношение к работе других. Другие — выше- и нижестоящие работники — больше для него не начальники и подчинённые, а — коллеги, сотрудники, товарищи по работе, делающие общее дело. Функции их различны, но лишь потому, что различны их способности и интересы, то есть их индивидуальности. Но ведь только благодаря этому различию и возможно существование многосложного предприятия, да и всего нашего общества в современной его форме, когда вклад индивидуума обогащает и общество и его членов. Этот реальный факт становится живым, практическим ощущением работника предприятия. Отсюда его

заинтересованность в успехе работы другого, желание способствовать ему, желание сотрудничества, то есть стремление к созданию и осуществлению таких производственных отношений, которые по сути своей могут быть названы братскими.

е. Итак, работники такого предприятия по сути своей, а не по названию, являются не начальниками и подчинёнными, а сотрудниками с различными функциями. Но поскольку руководство и организация составляют неотъемлемую часть современного производственного процесса, то, соответственно, и некоторые из работников предприятия являются руководителями и организаторами. И в качестве таковых они ответственны за руководимый и организуемый ими участок работы со всеми входящими в него работниками. А это означает, что хотя руководитель не может вмешиваться в творческо-производственную деятельность своего работника, он обязан контролировать его и в случае необходимости может остановить его работу и даже признать его самого некомпетентным.

ж. Если мы подвергнем анализу недостатки какого-либо современного предприятия, входящего в промышленно-экономическую область единого социального организма, то увидим, что эти недостатки происходят не только оттого, что те или иные принципы и мероприятия не нашли своего места на этом предприятии, но и потому, что там имеют место явления, которых быть не должно. С точки зрения производственно-экономической, на которой, собственно, и базируется предприятие, оно в своей деятельности должно руководствоваться исключительно соображениями, направленными на укрепление этой своей основы. Но поскольку предприятие — это не самоусовершенствующаяся машина, а живой организм, клетки которого — люди, то жизнеспособность предприятия полностью зависит от деятельности этих клеток-людей. И поскольку люди, как известно, существа сложные, они имеют различные интересы в различных жизненных сферах.

Предприятие, где человек работает, — лишь одна из таких сфер, но оно занимает такое особое место в современной жизни, что с ним оказались так или иначе связаны интересы человека, не включённые непосредственно в производственный процесс. Раскрытие индивидуальных способностей человека и удовлетворение его творческих потребностей связаны со всем устройством социальной жизни. Современное предприятие может очень мало предложить человеку в этом отношении, и в п.п. а — г говорилось о том, как можно было бы изменить это положение.

Другие важнейшие интересы человека, связанные с его материальными потребностями и правовым статусом, наоборот, так сильно внедрены сегодня в жизнь предприятия, что их

проявление зачастую наносит тяжёлые удары по тем производственно-экономическим основам, на которых зиждется благополучие самого работника.

Об удовлетворении материальных потребностей человека речь будет идти в разделе «Работа для себя», здесь же уместно рассмотреть правовой аспект работы человека на предприятии.

и Если взять понятие «права человека» даже в самой общей форме, не углубляясь в него, то и в этом случае очевидно, что оно никак не может возникнуть из производственно-экономического процесса. Действительно, этот процесс состоит исключительно в производстве товаров, и, ничем не ограниченный, он подчиняет этой цели всё попадающее в его орбиту, в том числе человека со всеми его интересами. История промышленного развития свидетельствует о том, что этот факт не только был замечен, но энергично использовался и даже поощрялся руководителями производства. А это значит, что тем самым игнорировались и попирались коренные интересы человека, лежащие вне производственного процесса, как такового. Порочное положение усугублялось тем, что руководитель производства зачастую использовал это в своих личных интересах, в ущерб интересам своих работников и всего общества. Он игнорировал творческие запросы и человеческое достоинство своих работников; он использовал производственный процесс для получения прав, не вытекающих из него, и распространял их на другие области жизни — за счёт прав других; он присваивал себе материальные средства, принадлежащие его работникам и другим членам общества.

К этому положению привело развитие капитализма. Оно многими признано порочным, и немало делается для его изменения. К сожалению, почти всё, что делается или предлагается для устранения вызванных развитием капитализма разрушительных явлений, тоже вызывает такие же явления, хотя их исходные точки в обоих случаях и совершенно различны. Капиталист, имеющий неограниченную власть и единолично решающий все вопросы, убивает творческую индивидуальность работника и превращает его в придаток к машине, в бездушный субъект производственного процесса. Работник останется таковым и в том случае, если диктатора-капиталиста заменит диктатор-коллектив. Если для капиталиста главным является прибыль, власть, которым он подчиняет производственный процесс и интересы других членов общества, если в погоне за этой прибылью и властью он зачастую разрушает и сам процесс, и те устои общества, благодаря которым существует, то те же самое делают сегодня те коллективы работников, которые забастовками и другими подобными действиями добиваются удовлетворения своих материально-правовых

требований. С той лишь разницей, что в последнем случае насильственное разрушение производственных процессов и устоев общества происходит более сознательно и очевидно. (Подобные явления затрагиваются здесь не с целью анализа или критики, а лишь ввиду их непосредственной связи с производственным процессом, как таковым).

к. Поскольку в природе производственного процесса не содержится субстрата человеческих прав, то и добывание их посредством его самого или путём его нарушения является алогичным и антисоциальным и не может увенчаться прочными результатами. Права человека, включая и связанные с производственным процессом, рождаются в иной, чем производственная, сфере жизни и сознания человека.

Но родившись из правосознания, эти охраняющие человека права следуют за ним повсюду. Они приходят и на производство, но не для формального присутствия или подчинения производственному процессу, а для защиты человека, чтобы предотвратить поглощение, утилизацию, обезличивание его производственным процессом или теми, кто им управляет. Этим на производственный процесс сознательно накладывается ограничение извне, подобно другим ограничениям, связанным, к примеру, с техникой безопасности, заражением окружающей среды и т. п., так же как изнутри он естественно ограничен природными ресурсами, оборудованием, способностями работников и пр.

л. Производственные отношения сотрудников предприятия, как и всё, что подпадает под понятие «права человека» и определяет условия его труда, должны разрабатываться и контролироваться внешним Правовым Органом (о Правовом Органе см. Приложение). Эти установления, сведённые в Трудовой кодекс, не должны противоречить существующему в государстве трудовому законодательству, в остальном же они соответствуют лишь уровню правосознания их разработчиков (и общества в целом).

м. В случае конфликта, подпадающего под действие Трудового кодекса, любой сотрудник, включая руководителя предприятия, должен иметь право обратиться в Арбитраж (об Арбитраже см. Приложение).

н. Кроме административно-производственных мероприятий, о которых говорилось выше, на предприятии желательно (или обязательно) проводить лекции, беседы, занятия, не имеющие непосредственного отношения к данному производству, но касающиеся общечеловеческих и социальных проблем.

о. Каждый работник, поступающий на предприятие, подписывает с руководителем предприятия контракт на определённый срок. В этом контракте оговорен статус предприятия и его сотрудников

(Трудовой кодекс входит в него составной частью), а также условия труда данного сотрудника. Эти условия не могут быть изменены до истечения срока контракта без обоюдного согласия сторон. Срок действия контракта между работником и руководителем не может превышать срока действия контракта между руководителем предприятия и Инициативным Советом об Инициативном Совете см. Приложение).

р/ Между руководителем предприятия и Инициативным Советом заключается контракт на определённый срок, на который руководитель становится полноправным владельцем предприятия. Руководитель предприятия, как и руководители отдельных его подразделений и как каждый рядовой его работник, должен иметь полную самостоятельность и независимость в своей деятельности — разумеется, с полной ответственностью за неё. Для руководителя предприятия ощущение и получение такой независимости и ответственности возможны лишь при таком его статусе, который соответствует владению предприятием на весь срок руководства им. В контракте оговорены статус предприятия и его сотрудников, статус самого руководителя, условия его труда и владения предприятием, а также условия прекращения владения до истечения срока контракта. Эти условия не могут быть изменены без согласия сторон, а статус предприятия — и без согласия всех сотрудников предприятия.

Работа для других

а Мероприятия, оговорённые в п. н/ раздела «Условия труда», должны включать такие, которые раскрывали бы работникам один из важнейших аспектов современной экономической реальности, а именно, взаимозависимость людей в современном обществе, где каждый работает для другого и пользуется результатами труда другого.

б Каждый работник должен быть знаком не только со всем производственным процессом предприятия, но и с тем, что происходит с готовым изделием после выхода с предприятия вплоть до его потребления и затем в процессе использования. Мероприятия, обеспечивающие работнику такие знания, организуются руководством предприятия и проводятся за счёт предприятия.

в Предприятие, в лице своего руководства и работников, не должно ограничиваться ролью наблюдателя той части экономического процесса, которая связана с потреблением его изделий. Фактически, производство и потребление составляют единый процесс, цикл, в котором товар совершает кругооборот, проходя

через ряд состояний. Поэтому и участники этого цикла производители, потребители и посредники — должны находиться в тесном сотрудничестве, чтобы иметь возможность регулировать этот процесс, обеспечивая его жизнеспособность. Такое сотрудничество можно было бы проводить в рамках Ассоциации, куда вошли бы представители трёх вышеназванных категорий (об Ассоциации см. Приложение).

г/ Предприятие тоже является потребителем — сырья, полуфабрикатов или готовых изделий, поэтому с их поставщиками и изготовителями должны быть налажены те же отношения, что и с потребителями изделий предприятия.

Работа для себя

а/ Вопрос о материальном вознаграждении работника является вопросом об обеспечении ему и его семье достойного человека существования, то есть вопросом о праве человека на такое существование. И поскольку вопрос о вознаграждении — правовой вопрос, его принципы должны определяться не личным произволом и не интересами производства, а тем же Правовым Органом, которым разрабатываются другие права работников (см. пункт л. раздела «Условия труда»).

б/ Отсюда следует, что прежде всего понятие «достойное человека существование» должно получить законодательно-правовую расшифровку и основание.

в Абсолютная величина вознаграждения, так же как и цена на товар, не может и не должна быть установлена законодательно. Но силу закона должен получить принцип, в соответствии с которым не основные человеческие нужды зависят от рентабельности производства, а наоборот, условия производства подчиняются основным потребностям человека. Удовлетворение этих основных потребностей работников с одной стороны, и служение на благо общества, с другой, (т. е. «Работа для себя» и «Работа для других») — вот два принципа и стимула, на которых предприятие должно основываться экономически. Осуществление этих принципов экономически является критерием оценки рентабельности предприятия и способности его руководства.

г/ Принцип «Работа для себя» может считаться экономически осуществлённым в том случае, если получаемое работником вознаграждение за произведённый им продукт труда обеспечивает его нужды («Достойное человека существование») на всё время изготовления им следующего продукта (при непрерывном производстве, каковым является современное массовое производство, на всё время работы на данном предприятии).

д) Вознаграждение, получаемое современным работником, имеет две формы: непосредственную, в виде регулярных денежных выплат, и косвенную, в основном в виде различных социальных услуг и обеспечений. При разработке положений о вознаграждении на данном предприятии их необходимо согласовать с действующей в стране системой социального обеспечения, равно как и с системой налогообложения и т. п.

е) Современный работник, получающий вознаграждение, озабочен лишь его величиной и в какой-то степени формой. Он не осознаёт, что существующие между ним и работодателем разногласия по этому вопросу обусловлены непониманием ими истинной природы вознаграждения и несоответствием ей его современных форм. Общепринятым является взгляд на вознаграждение как на зарплату (повременную или сдельную), которая выплачивается работнику за его труд либо владельцем, либо руководителем предприятия. Другими словами, какое-либо лицо или группа лиц от своего имени или от имени организации или даже государства нанимает работников для выполнения определённых работ, за что работникам выплачивается заранее оговоренная сумма.

ж) Не обсуждая правомерность такого положения вещей, можно со всей определённой сказать, что оно не соответствует природе рассматриваемого предприятия и не должно иметь места на нём. Действительно, на предприятии нет нанимателей и наёмных рабочих, а есть сотрудники, делающие общее дело. Поскольку дело является общим не на словах, а фактически, в соответствии с духом и буквой заложенных в само предприятие принципов, то и доход от него является общим в том смысле, что не может ставить его сотрудников в неравное положение дающих и берущих. Все они отдают свои силы и способности предприятию и через него обществу. Все они берут из доходов предприятия и посредством него от общества.

и) Но как вклад их не может быть равным, так равным не может быть и получаемое ими.

Каждый работник, включая руководителя, получает долю (процент) от доходов предприятия, пропорциональную своему вкладу. Чем больше вклад работника в предприятие, тем большую пользу он приносит ему, сотрудникам, всему обществу, и, значит, тем большей должна быть его доля в общем доходе.

к) Подобная форма вознаграждения является не только справедливой и соответствующей реальности, но и обуславливает прямую заинтересованность сотрудника в успехе предприятия, в улучшении собственной работы и в успешности работы других сотрудников.

л/ Доля сотрудников в общем доходе — с учётом пп. а/ и б/ — оговаривается в индивидуальных контрактах (см. пп. п/ и р/ раздела «Условия труда») и не может быть изменена до истечения срока контракта без обоюдного согласия сторон.

ПРИЛОЖЕНИЕ*

Большинство мероприятий, о которых говорилось выше, выходит за рамки самого Предприятия. Это значит, что их осуществление либо может как-то повлиять на существующие институты и порядок вещей, либо само будет зависеть от них. И чтобы это Предприятие могло существовать, надо, чтобы оно — инородное тело — прижилось в социальном организме. Даже в случае широкого одобрения такого Предприятия и признания лежащих в его основе принципов оздоровляющими и заслуживающими внедрения в масштабах всего общества, даже в этом случае было бы нереальным сегодня рассчитывать на какие-либо значительные изменения в структуре общества или хотя бы на приспособление некоторых его элементов к Предприятию. Но реальным и необходимым является создание неких промежуточных между Предприятием и социальным организмом элементов, которые, с одной стороны, давали бы Предприятию то, что оно не может получить от современного общества, т. е. приспосабливали бы общество к Предприятию, а с другой — не давали бы ему получать что-либо за счёт общества, т. е. приспосабливали Предприятие к обществу. Ниже будут рассмотрены некоторые из таких элементов.

Инициативный Совет

В принципе такое предприятие может быть создано — вновь или на базе уже существующего — любой группой людей, имеющей на то возможности, способности и желание. Под созданием предприятия в данном случае надо понимать не только организацию производственного процесса, но и обеспечение его такой

* В настоящих записках рассматриваются лишь общие принципы, а не средства и методы их осуществления — идёт ли речь о Предприятии, Инициативном Совете или же о сборе необходимых денежных средств и т. п. Последние не рассматриваются не потому, что имеют второстепенное значение, а потому, что зависят от конкретных условий и людей, которые будут этим заниматься.

общественной микроструктурой, которая позволила бы осуществить вышеизложенные принципы в максимальной полноте. Такая структура должна быть вызвана к жизни не производственными силами, которые неизбежно подчинили бы её себе, а инициативой, свободной от всяких вообще интересов, кроме одного — благо всего общества.

Такая инициатива может исходить от группы лиц, составивших Инициативный Совет, который не входит ни в какую организацию и не зависит ни от какой организации, будь то частная, общественная или государственная. Эта внешняя экономическая, политическая и т. п. независимость Совета должна подкрепляться личными качествами его членов, что в совокупности своей должно вызывать доверие к его действиям и намерениям.

Разумеется, каждый член Совета имеет те или иные личные интересы в различных жизненных сферах и так или иначе связан с различными организациями. Но это должны быть такие интересы и связи, и это должны быть такие личности, чтобы воля и интересы самого Совета были направлены на благо всего общества, понимаемое, как благо отдельных его членов. Только при таких условиях Инициативный Совет сможет выполнить своё назначение, ограниченное в данном случае рамками одного предприятия.

Назначение Инициативного Совета состоит в обеспечении создания и успешного функционирования промышленного предприятия, основанного на изложенных выше принципах. Решение этой задачи включает осуществление следующих основных положений:

а Инициативный Совет получает в своё распоряжение материальные средства (в виде денег или оборудования, имущества и т. п.), предназначенные для создания вышеназванного предприятия.

б Инициативный Совет заказывает Правовому Органу разработку на основе вышеназванных принципов правовой основы Предприятия: статус его работников, Трудовой кодекс, а также проекты трудовых соглашений (договоров, контрактов) — см. пп. 1, 2, 3 раздела «Условия труда» и пп. а и л раздела «Работа для себя». Эти положения не разрабатываются самим Инициативным Советом не только из-за его юридической некомпетентности (члены Совета подбираются не по профессиональным, а по совершенно другим признакам); Инициативный Совет не должен связывать предприятие экономической, правовой или какой-нибудь иной формой зависимости или как-либо навязывать ему свою волю.

в Инициативный Совет должен найти такое лицо (или группу лиц), которое по мнению Совета могло бы, основываясь на данных принципах, возглавить и успешно вести промышленное предприятие.

г/ Инициативный Совет заключает с этим лицом долгосрочный контракт. В соответствии с контрактом данное лицо становится на данный срок полноправным Владельцем Предприятия, которое им либо получено от Инициативного Совета, если последний имеет его в своём распоряжении, либо приобретено или создано им самим на полученные от Инициативного Совета средства.

д/ Инициативный Совет надзирает за Предприятием и в момент его становления, и в течение всего периода его существования. Форма надзора должна быть оговорена заранее между Владельцем и Инициативным Советом и ни в коем случае не должна иметь характер вмешательства в деятельность Предприятия.

е Если, однако, деятельность Предприятия или его Владельца принимает, по мнению Инициативного Совета, антиобщественный характер или как-либо иначе противоречит принятым принципам, Инициативный Совет может лишать Владельца его статуса в порядке, оговорённом заранее контрактом между Инициативным Советом и Владельцем.

ж Если предприятие по какой-либо причине лишилось Владельца, оно снова поступает в распоряжение Инициативного Совета, который должен позаботиться о передаче его новому Владельцу.

и/ Инициативный Совет является как инициатором создания названных в этом Приложении и других необходимых Предприятию организаций, так и координатором их усилий. Но эта инициатива не должна означать вмешательства в деятельность организаций, а координация связывания их взаимозависимостью. Более того, эти функции Инициативного Совета, как и он сам, должны быть аннулированы, как только самой жизнью общества будут рождены соответствующие организации и сложены отношения между ними.

к/ За свою деятельность и на покрытие связанных с ней расходов Инициативный Совет должен получать определённый, оговорённый заранее с Владельцем, процент от дохода Предприятия.

Правовой Орган

В принципе таким органом мог бы быть один из существующих ныне правовых институтов, если только он отвечает следующим основным требованиям:

1. Соответствующий, с точки зрения Инициативного Совета, уровень правосознания.

2. Готовность взять на себя разработку, на основе данных принципов, соответствующих правовых положений, а также

заниматься другими юридическими вопросами, связанными с данным проектом.

3. Независимость, по крайней мере в рамках деятельности по данному проекту, от каких-либо иных организаций или интересов.

Возможно, лучшим или даже единственным решением было бы не использование уже существующего института, а создание специального Правового Органа. Его численный состав (это может быть и один человек) или формальный статус (может и не быть никакого) не имеют значения с точки зрения настоящего проекта. Но его деятельность без сомнения должна быть в рамках существующих законов, а разрабатываемые им правовые положения не должны противоречить им. В то же время эти положения должны иметь юридическую силу по отношению к Предприятию. Но обо всём этом лучше всего может судить и позаботиться сам Правовой Орган.

Деятельность Правового Органа состоит в следующем:

а Разработка по заказу Инициативного Совета как тех положений, о которых говорилось в п. б раздела «Инициативный Совет», так и тех, которые из них вытекают.

б Разработка новых или изменение старых правовых положений, наблюдение за деятельностью Предприятия с точки зрения её соответствия этим положениям и информирование Инициативного Совета о правовых нарушениях на Предприятии.

в Разработка правового статуса названных в этом Приложении и других, могущих возникнуть в связи с данным проектом, организаций, включая сам Правовой Орган и Инициативный Совет.

г Оказание юридической помощи Предприятию и нуждающимся в ней организациям см. выше п. в и ведение юридических дел как между Предприятием и Инициативным Советом, так и, если необходимо, между этими организациями и «внешними» институтами, включая государство.

Деятельность Правового Органа ни в коем случае не должна иметь характер вмешательства в работу Предприятия, Инициативного Совета или других организаций. За свои услуги Предприятию и другим организациям Правовой Орган получает вознаграждение от этих организаций.

Арбитраж

Было бы нереальным предполагать, что если люди основывают свою совместную деятельность даже на добровольно принятых и лучших с их точки зрения законоположениях, это исключает возможность конфликтов между ними. Поэтому в случае

возникновения конфликта, работники Предприятия должны иметь возможность обратиться за помощью в соответствующий орган.

В случае подпадания конфликта под действующее в стране законодательство, им будет заниматься соответствующий орган. Однако, такой орган может оказаться неспособным разрешить конфликт, относящийся к разработанным Правовым Органом правовым положениям по той же причине, по какой существующие юридические организации могут оказаться неспособными разработать такие положения. Для разрешения таких конфликтов может потребоваться специальный орган — Арбитраж. Арбитраж в своей деятельности должен быть так же независим и руководствоваться теми же интересами, что и Инициативный Совет (при всём различии стоящих перед ними задач).

Члены Арбитража должны отвечать тем же требованиям, что и члены Инициативного Совета (возможно, это могли бы быть одни и те же люди). Они не обязаны быть профессиональными юристами, необходимую юридическую помощь они могут получить от Правового Органа. Но они должны хорошо знать и понимать принципы, на основе которых разработаны правовые положения и организовано Предприятие. И главное, в каждом работнике они должны видеть человеческую индивидуальность, чтобы решать связанные с ним проблемы не только на основе безличных, хотя и справедливых, законоположений, но принимая во внимание его индивидуальные особенности и интересы. Только таким путём могут быть защищены права и интересы отдельной человеческой личности — а значит, и общества в целом.

Статус и деятельность Арбитража не должны противоречить существующему в стране законодательству (об этом должен позаботиться Правовой Орган). Арбитраж в качестве такового должен быть признан работниками Предприятия, а его решения должны считаться окончательными. Чтобы работник предприятия имел большую свободу в выборе арбитра, Арбитраж может состоять из нескольких равноправных «судей», либо можно иметь несколько Арбитражей. За свои услуги работникам Предприятия Арбитраж получает от Предприятия соответствующее вознаграждение.

Ассоциация

Предприятие, как и каждый человек, является одновременно и производителем и потребителем в широком смысле этого слова. Чтобы иметь возможность давать, необходимо получать, а чтобы получать, надо и давать.

Благодаря Организациям, о которых говорилось выше, Предприятие *получает* получает возможность существовать в социальном организме. А для того, чтобы успешно функционировать, оно нуждается и в другого рода помощи и поддержке.

Но начав функционировать, он начинает *давать* давать свою продукцию потребителям, обществу. И как при становлении Предприятия необходимо было думать о приспособлении, адаптации его в существующем обществе, чтобы оно могло жить в нём и использовать его возможности наилучшим образом, так теперь следует задуматься о том, как сделать работу Предприятия максимально полезной и оздоровляющей для общества.

Эффективной мерой в этом отношении представляется создание Ассоциации производителей, потребителей и посредников, о которой шла речь в п. в раздела «Работа для других».

Ассоциация ни в коем случае не мыслится как исключительно наблюдательный или дискуссионный орган. Это должен быть рабочий орган с определёнными функциями, и решения его должны касаться таких серьёзных вопросов, как качество и количество товаров, цены и т. п.

Однако, создание подобной Ассоциации, кроме значительных практических трудностей, может встретить по крайней мере два серьёзных возражения:

1. Решения Ассоциации явились бы вмешательством, иногда даже разрушительным, в деятельность Предприятия, а значит само их принятие противоречило бы интересам Предприятия.

2. Удельный вес такой Ассоциации в современной экономической структуре был бы ничтожен, поэтому её эффективность с точки зрения интересов общества будет нулевой.

Первое возражение коренится в привычном понимании интересов лиц трёх экономических категорий, составляющих Ассоциацию, как противоречивых: производитель хочет продать свой товар как можно дороже, в как можно большем количестве и затратив на него при этом минимум усилий и средств; посредник, продающий товар, хочет купить его у производителя подешевле и продать потребителю подороже; потребитель же заинтересован в том, чтобы и производитель, и посредник получили минимальную прибыль, что обусловит минимальную цену товара, а вот качество товара должно быть максимально высоким — соображение, играющее для производителя и торговца лишь подчинённую роль.

Это противоречие, которое действительно имеет сегодня место, является столь же аномальным и разрушительным, как противоречия между работниками, делающими общее дело. Производство товара является общим делом производителей,

поэтому и организация производственного процесса, о чём говорилось выше, должна основываться на этом факте. Но и потребление товара является общим делом, в котором участвуют лица трёх названных категорий и интересы которых так явно взаимозависимы.

Непонимание, вернее, нежелание понять это, а главное предпринять практические шаги, основанные на этом реальном факте, является одной из основных и непосредственных причин тех экономических и социальных кризисов, которые вот уже многие десятки лет сопровождают промышленное развитие нового времени.

Осознав общность интересов и причастность к общему делу, люди должны соединить свои усилия, чтобы успешнее делать это общее дело. В современном экономически ориентированном обществе, с чрезвычайно развитым производством, потреблением и торговлей, где каждый человек принадлежит по крайней мере к двум из этих сфер, является лишь естественным создание Ассоциаций из представителей всех трёх сфер для регулирования хаотического и зачастую разрушительного процесса.

Размеры, границы, функции и другие атрибуты Ассоциаций не могут быть установлены заранее административным путём — они, как и сами Ассоциации, должны родиться из жизни с помощью творческих человеческих усилий. Жизнь же выработает и формы взаимоотношений и сотрудничества Ассоциаций.

Но тут как раз и таится источник второго возражения: если существование Ассоциаций можно признать целесообразным или даже необходимым в рамках всего общества, то что может сделать одна Ассоциация, которая неизбежно окажется лицом к лицу с проблемами и интересами, требующими сотрудничества организаций, либо ещё не существующих, либо к сотрудничеству не склонных? Какие бы конкретные соображения или доводы ни приводились в ответ, ясно одно: преодолеть это возражение путём рассуждений невозможно, его может опровергнуть только практическая деятельность Ассоциации, если её удастся наладить.

Правильно налаженная практическая деятельность Ассоциации не только развеет естественно возникающие сомнения, но и принесёт непредвидимые пока плоды — Предприятию и обществу. Как Ассоциация будет создаваться и действовать, как займёт своё место в жизни, как сможет вступить во взаимодействие с существующими организациями или стимулировать создание новых — всё это будет зависеть от конкретных обстоятельств и участников этого процесса.

Некоторые конкретные шаги, касающиеся создания и деятельности Ассоциации, могли бы состоять в следующем:

а Инициатором создания Ассоциации должно явиться Предприятие, а также Инициативный Совет, равно как и другие организации и лица, заинтересованные в её создании или желающие способствовать этому.

б В Ассоциацию должны войти лица, представляющие интересы всех трёх сфер экономического процесса, в котором участвует Предприятие. Причём, как в той точке процесса, где происходит потребление изделий Предприятия, так и в той, где оно само выступает в роли потребителя.

в Члены Ассоциации сами (с соответствующей помощью, если необходимо) разрабатывают статус своей организации и определяют её функции, которые, разумеется, с течением времени будут пересматриваться и изменяться.

г На проводимых регулярно сессиях Ассоциации представители различных сфер знакомят друг друга со своими проблемами, анализируют текущее положение, разрабатывают политику и мероприятия, в которых стремятся органически сочетать интересы друг друга и целого, и на основании этого принимают решения и рекомендации, которые осуществляются практически представленными в Ассоциации организациями.

д Ассоциация должна стремиться привлечь к своей деятельности или к сотрудничеству другие организации, которые, возможно, и не связаны с представленными в Ассоциации непосредственными экономическими интересами, но имеют общие с ними интересы благодаря принадлежности к той же промышленной отрасли, к тем же экономическим сферам, к тому же обществу.

Другие вопросы

Деятельность Предприятия и связанных с ним организаций охватывает такой широкий диапазон проблем, что в рамках настоящих заметок невозможно не только обосновать их, но просто перечислить. И всё же представляется целесообразным отметить здесь некоторые из них:

1. Может случиться, что Предприятие, основанное на данных принципах и успешно их осуществляющее, окажется экономически нерентабельным. Такая ситуация не только возможна в масштабах всего экономического процесса она неизбежна. Более того, в здоровом социальном организме должны существовать предприятия, целесообразность деятельности которых определяется не их рентабельностью, а исключительно потребностью в их продукции, производство которой в данных экономических

условиях может оказаться нерентабельным. Это ещё один фактор в пользу самого широкого сотрудничества в обществе, которое в данном случае может признать работу предприятия необходимой и оказать ему финансовую помощь из доходов других своих производственных единиц. В случае же данного проекта, если он не получит широкой поддержки, экономическая нерентабельность Предприятия может оказаться для него роковой. Это должно быть учтено руководством Предприятия при специализации и организации производства.

2. Возможна и противоположная ситуация. Предприятие даёт доход, намного превышающий его расходы и «нормальные» потребности сотрудников. Такая возможность будет, вероятно, оговорена в контрактах работников и Владельца Предприятия с Инициативным Советом. При этом необходимо лишь не упускать из виду того факта, что получаемый Предприятием доход основан не только на труде самих работников, но и на сотрудничестве и помощи многих других лиц и организаций, всего общества. Поэтому будет только справедливо, если часть этого дохода пойдёт в помощь самому обществу или каким-то его членам (возможно, и на создание аналогичного предприятия или на погашение займов, полученных в своё время для создания данного Предприятия).

3. Право человека на достойное существование, о котором говорилось ранее, не только гарантируется защищающими его законоположениями и соответствующим материальным вознаграждением, но оно также обеспечивается услугами различных лиц или организаций. Самыми значительными из таких услуг являются лечение и обучение.

Права человека в этом отношении вполне обеспечены лишь тогда, когда он имеет возможность свободного выбора «услуги» (т.е. врача и учителя), а «услуга» (врач или учитель) имеет возможность свободной и независимой деятельности с собственным пониманием своих задач и значения. Ни одно из этих условий не выполнено в настоящее время полностью, и они могут быть выполнены только в рамках всего общества, если оно осознает необходимость этого.

Но для организаторов и исполнителей данного проекта, обеспечивающего работникам Предприятия ряд неотъемлемых человеческих прав, вполне естественным было бы стремление обеспечить и эти права. Предпосылкой такого обеспечения должно служить сознание того, что, с одной стороны, болезнь, инвалидность или старость могут коснуться или касаются каждого человека, поэтому они являются бременем всего общества, поэтому каждый человек должен иметь одинаковые возможности для получения медицинского обслуживания, независимо от его материального положения. С другой стороны, каждый человек

вносит свой вклад в общество, и общество заинтересовано в его развитии и совершенствовании. Достигнув определённого возраста, он будет получать от общества пропорционально своему вкладу, но до этого возраста каждый человек должен иметь равные возможности для получения образования, независимо от материального положения его родителей (не путать равные возможности с одинаковым образованием — получаемое образование будет зависеть от индивидуальных особенностей).

С точки зрения возможностей человека эти его права можно было бы реализовать в современном обществе, если бы определённая часть любого дохода, получаемого в конечном итоге усилиями всего общества, отчислялась в специальные лечебный и образовательный фонды, из которых каждый человек, выбрав себе врача или школу своему ребёнку, мог бы получить средства для непосредственной оплаты этих услуг. На данном Предприятии такие аналогичные фонды для его сотрудников могли бы быть созданы из его доходов при общем согласии на это всех заинтересованных лиц.

*

В заключение необходимо подчеркнуть, что настоящее Предприятие ни в коем случае не мыслится в качестве образцового, имеющего определённые привилегии и преимущества. Оно просит у общества единственной привилегии — позволить ему существовать на основе жизненной реальности, т. е. быть таким институтом социального организма, где находят удовлетворение истинные потребности человека и реализуются его права. Утвердившись, оно своим примером, своей деятельностью, посредством своих живых связей с обществом будет воздействовать на него, очищая его от наростов социальных извращений и несправедливости, прокладывая дорогу здоровым социальным силам и институтам, в которых эти силы могут творить.

1975, Англия

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

КОМАНДИРОВКА В КОНЦЛАГЕРЬ

(Интервью с Иваном Ковалевым*)

Вопрос: Иван, в одной из Ваших самиздатских работ Вы написали о себе как о журналисте в командировке. Ваша командировка охватила тюрьму, лагерь, ссылку. Как вы оцениваете результаты этой творческой командировки.

Ответ: Ну, я действительно побывал во всех тех местах, о которых Вы говорили. Много было интересного, многое совпадало с тем представлением, что я имел раньше, занимаясь этими проблемами на воле.

В.: Поразило ли Вас что-то в тюремно-лагерной системе, когда Вы увидели ее своими глазами?

О.: Одно из наиболее сильных впечатлений — это мелочность этой системы. Легко себе представить этаких картинных злодеев, которые только и делают, что мучают людей разными способами. Я видел много преследований. Часть и на себе испытал. Но что самое удивительное — до какой мелочности доходит эта система! Ну, скажем, легко можно представить, чтобы вам не давали есть, совсем. Мы слышим рассказы об этом, когда речь идет о нацистских концлагерях. Такие образы как-то согласуются с нашим представлением о тюрьме. Но когда на достаточно высоком административном уровне в лагере встает вопрос о том, сколько воды вам можно давать в ШИЗО** или сколько бумаги вам требуется для естественных потребностей — просто смешно делается. Смешно и противно, что они занимаются этим на полном серьезе.

*Беседу с недавно освобожденным из ссылки и выехавшим на Запад правозащитником, членом Московской хельсинкской группы И. Ковалевым вела редактор программы «Документы и люди» радио «Свобода» Аля Федосеева.

Иван Ковалев был арестован в 1981. Провел 5 лет в лагере строгого режима и около года в ссылке.

**ШИЗО — штрафной изолятор, карцер.

Так поступали по отношению к нам с Валерой Сендеровым, с которым мы очень долго просидели в ШИЗО.

Вообще у меня получилось так, что большую часть срока я именно в ШИЗО провел. Из-за забастовки. Мы с Валерой бастовали по разным причинам. Он требовал, чтобы ему разрешили иметь Библию при себе, нательный крест и заниматься математикой. Я добивался соблюдения правил, которые должны действовать в лагере, которые там вывешены на стенке: чтобы с людей не требовали выполнения работы, которая им непосильна, и не наказывали за то, что человек не может выполнить норму физически. Эта забастовка продолжалась ровно год, и весь этот год, точнее 13 месяцев, я был в карцере.

В.: Вы согласны с тем, о чем писал в свое время из лагеря Ваш бывший союзник Анатолий Корягин, — что условия в карцере, в штрафном изоляторе, есть условия пыточные — голодом, холодом и бессонницей?

О.: Я об этом и раньше писал, и такое заявление было сочтено криминальным на моем суде. Конечно, согласен.

В.: Вы очень много занимались самиздатом, и это было основное обвинение, как я понимаю, против Вас — самиздат, в частности «Хроника текущих событий». Не так ли?

О.: Формально такое обвинение не было выдвинуто. Но практически, конечно, это так. Один из первых материалов, которые у меня взяли на обыске, был черновик раздела именно к «Хронике», и КГБ, конечно, хорошо представлял, что я занимаюсь именно «Хроникой» и «Бюллетенем В».

Этот бюллетень появился в начале 1980 года. День рождения у него совпадает с днем рождения «Хроники» — 30 апреля.

В.: Только там был 1968 год?

О.: Да, там был 68-й, здесь — 80-й. Идея была такая: пропадает очень много материала — то, например, что изымают на обыске. Надо бы этот материал как-то сохранить. Материал о реальной жизни в стране, о которой советские газеты пишут недостаточно ясно.

В.: Чем Вы объясняете, что сегодня нет издания, подобного «Хронике» или «Бюллетеню В»?

О.: Нажим на эти издания был очень сильным. Конечно, люди занимавшиеся этим, очень устали. И нельзя требовать от них усилий больше тех, которые они могут сделать. Не было «Хроники», а информация все-таки как-то ходила по стране. Нельзя сказать, чтобы было совсем уж глухо. Был приостановлен выпуск «Хроники», и тоже можно было говорить: Ну все, конец. Нет „Хроники“. Нет „Хроники“ сейчас, но это по-моему, еще не основание для того, чтобы утверждать, что ее и не будет никогда больше.

В.: Не думаете ли Вы, что сегодня в области законодательства что-то, может быть, будет меняться?

О.: Я слышал о том, что собираются пересмотреть Уголовный кодекс очень существенно, в частности 70-ю и 190-ю статьи УК РСФСР. Но в советских условиях, во всяком случае в тех, которые мне хорошо знакомы, не так даже важна формулировка, как способ применения этой статьи. Сравнительно недавно изменилось законодательство в худшую сторону — ввели 188 ст., ч. 3, позволяющую администрации продлевать срок практически по своему усмотрению. Я говорю «практически», потому что, хотя люди и проходят через суд, суды эти достаточно формальны даже в Москве, что уж говорить о провинции, о каком-то поселке, где находится лагерь. Кроме того, с нас с Валерой Сендеровым, к сожалению, началась практика фактически бессрочного содержания в карцере. До этого я знал случаи, когда люди сидели в карцере до двух месяцев подряд, то есть четыре 15-суточных срока. И это считалось очень много, потому что условия в карцере действительно не легкие.

А вот с нас с Валерой началось — мы сидели в ШИЗО более года. Через несколько месяцев у Валеры уже была дистрофия второй степени. Забавно, когда я отвечаю здесь на вопросы и рассказываю об этом западным корреспондентам, они спрашивают: «Что, что... Что такое дистрофия?» Они просто не знают такого слова. Советским людям, наверно, не надо этого объяснять. Они знают о ленинградской, например, блокаде и о том, что многие люди страдали этим заболеванием, — когда человек не в состоянии самостоятельно передвигаться, когда у него туман в глазах.

В.: Мало кто знает о том, на каком режиме содержатся

советские политические заключенные, когда они попадают в карцер. Как часто и что им дают есть и в каких условиях они находятся?

О.: Карцер это советская модификация дореволюционной холодной. Вот раньше в холодную помещали. Теперь в ШИЗО или карцер. Не всегда и не во всяком карцере сильно холодно. Наш карцер, в 35-м пермском лагере, был достаточно благоустроен. Температура была около 18 градусов. Однако надо иметь в виду, что человек в карцере сильно истощен. Во-первых, лагерное питание само по себе не сбалансированное. Там очень мало белков. По норме так полагается. В карцере питание еще хуже, еще скуднее. Поэтому люди мерзнут и при такой температуре. К тому же там раздевают и не оставляют теплой одежды. Состоит питание в карцере в основном из хлеба. 450 грамм в первый день — это пять, шесть кусков, если хорошо нарежут, конечно. И на следующий день к этой полбуханке добавляется еще довольно жидкий супчик утром, обед, тоже небольшой, и ужин — это называется горячим питанием. Так вот, говоря о температуре, я хотел сказать, что далеко не всякий карцер столь хорош, как наш. Вот, скажем, моей жене* пришлось сидеть в карцере, где средняя температура была около 12^о, а доходила и до 9^о. Это очень холодно.

В карцере с вас снимают одежду, в которой вы ходите по зоне. Она тоже не на меху. И одевают в легкий хлопчатобумажный костюм. При этом мужчинам легче, потому что у них есть штаны и куртка. И все части тела более или менее закрыты. Дамам же полагается носить тапочки на босу ногу, а сверху нечто вроде открытого сарафана: большое декольте — прямо хоть на прием. Но с другой стороны, надо отдать справедливость гуманным порядкам — женщинам разрешается растить волосы, и они могут укрыться волосами. Мужчин стригут наголо и им укрыться волосами никак не возможно.

В.: Скажите в самое последнее время Вашего пребывания в лагере (это уже было горбачевское время), какие-то

*Жена И. Ковалева — Татьяна Осипова, член Московской хельсинкской группы. В 1980 г. арестована, провела в тюрьме, лагере и ссылке 7 лет. В 1987 г., досрочно освобождена из ссылки и выехала с мужем за границу.

новые веяния сказались? Было ли какое-то смягчение режима?

О.: Да, были новые веяния. Во-первых, изменились правила. Не сильно, но изменились. Если раньше можно было покупать в лагере — ларьке-магазинчике — дополнительно к пайке еще на 5 рублей продуктов (правда, у курящего человека почти все эти пять рублей на курево и улетают), то теперь можно покупать на целых восемь рублей.

В.: Если не лишен права покупать в ларьке?

О.: Да, конечно. С лишениями этими очень просто. Лишают этого права быстро и по малейшему поводу, или даже без такого, если это почему-нибудь нужно администрации или КГБ.

Гораздо более заметными были другие новые веяния. Например, стали в нашей зоне строить так называемую локалку: зона и так не очень велика по площади, а локалка еще более ограничивает площадь возможного свободного передвижения по зоне. Так, у нас двухэтажный кирпичный дом был обнесен колючей проволокой вдоль по периметру на расстоянии, примерно, метров 15-20.

В.: То есть, в итоге, это еще один ряд заградений?

О.: Да. При мне эта локалка была введена в действие, то есть забор только начали строить. Потом, уже освободившись, я слышал, что его достроили. Забор есть, калитка есть — замка пока нет, но замок можно повесить в любой момент. Значит, свободное передвижение ограничено вот этим участком по периметру дома — дальше нельзя выходить. Стали вырубать деревья. Они мешают обзору. Заместитель по режиму Букин посетил в качестве экскурсанта соседнюю уголовную зону, вернулся и, всплескивая ручками, сказал: «Ах, как там хорошо! Все забетонировано, ни одной травинки. Вот и мы так будем!» И это будет соответствовать правилам. Дело в том, что не все правила соблюдались. И это было хорошо, потому что давало больше свободы. А в последнее время было заметно стремление все строже соблюдать эти правила, и, как следствие, условия жизни утяжелились. Я слышал, когда уже был в ссылке, что площадь для жилья в зоне уменьшилась вдвое. И поставили кровати в два этажа. И это приближение условий

политического лагеря к условиям уголовного лагеря, скажем, такого, в котором была моя жена, получившая два года по добавке. У них тоже были кровати в два яруса, и в некоторых кроватях даже спало по две женщины (или спали попеременно). Одна на работе, а в это время другая спит в ее кровати. Потом они меняются.

В.: Получается, что даже в тюрьме лучше условия?

О.: Я бы не давал столь однозначной оценки, потому, что есть ведь и другие факторы. Например, отсутствие прогулки в тюрьме. А здесь, пожалуйста, можете гулять все свободное время после работы. А в тюрьме вас выведут на час и загонят назад.

В.: Как Вы относитесь к процессу освобождения? Кто-то его очень хорошо назвал «вялотекущий процесс освобождения». Вы уже были в ссылке и Вас освободили досрочно. Тоже по помилованию или у Вас это было иначе?

О.: К процессу освобождения я отношусь с одобрением. Сожалею, что он действительно «вялотекущ». Как мне кажется, он уже совсем или почти совсем остановился. И в особенно тяжелом положении, естественно, — заключенные лагеря особого режима.

В нашем случае было так: прокурор, который брал у нас это заявление, настаивал на том, чтобы мы писали просьбу о помиловании. Мы отказались, и он сказал: «Ну тогда идите отбывать ссылку дальше». Мы пошли. Затем, довольно скоро, их требования снизились, и в результате появился такой вариант: заявляю, что не нарушаю и не намерен нарушать советское законодательство. Желая как можно скорее с семьей выехать на постоянное жительство за границу. Поэтому прошу освободить от дальнейшего отбывания ссылки и отпустить за рубеж. Точка. Подпись. Дата.

По этому заявлению мы и выехали. С нас не требовали ни анкет, ни каких-либо обычных в этих случаях документов.

В.: Выход из гражданства как-то оформлялся или нет?

О.: Выкуп — 801 рубль с головы.

В.: То есть, обычная процедура. У Вас не было впечатления, что почему-то от Вас хотели избавиться, как и от нескольких других людей?

О.: Впечатление, что от нас хотели избавиться, было. Они явно торопились и говорили: «Вот вам неделя, и чтоб вас тут не было».

В.: Имело ли какое-либо значения давление с Запада? В Вашем случае оно было очень сильным.

О.: Я полагаю, что имело, и очень большое.

В.: Значит, они все-таки чувствительны к тому, что здесь делают в защиту политзаключенных?

О.: Конечно. Об этом можно судить хотя бы по тому, как они стараются уверить нас в обратном.

Я хотел бы коснуться вопроса о том, обязательно ли прошение о помиловании. Я знаю один, пожалуй, случай, когда человек написал просьбу о помиловании и по ней был освобожден в ходе этих последних освобождений. Остальные мне известные случаи были примерно такими же, как и наш: то есть люди не просили о помиловании, не признавали себя виновными, ни в чем не каялись, но сочли возможным вот такую формулу выражения лояльности по отношению к власти. И это был компромисс.

В.: Не правильнее ли было бы объявить амнистию и освободить всех?

О.: Я не думаю, что амнистия — это правильно. Если человек не виновен и его освобождают, то надо признать его невиновным, то есть реабилитировать.

В.: Согласна с Вами — реабилитация, конечно, самое подходящее здесь слово. Освободить, реабилитировать, извиниться и компенсировать там, где это еще возможно. Такой тенденции Вы не почувствовали?

О.: Нет. И более того, я спрашивал, например, у сотрудников КГБ. Я задавал им такой вопрос: «Как вы лично относитесь к этому процессу освобождения, к разговорам о том, что будет пересмотрен кодекс по статьям, которыми вы занимаетесь?» «С одобрением», — говорят. «Хорошо. А что в таком случае вы скажете о возможности легальной деятельности людей, ранее осужденных? Вот их отпускают. Так не есть ли это возможная для вас форма признания того, что их деятельность была законной, и того, что теперь она допустима?» Вот на этом месте меня резко перебивали и

говорили: «Нет-нет. Вы как были преступниками, так ими и считаетесь. Вот вы только помилованы. Освобождены. А если такую деятельность освобожденные будут продолжать, то их будут сажать снова. Сначала вызовут, предупредят — в последний раз, мол, строго погрозят пальчиком, а потом будут сажать ». Я думаю, нет оснований этому не верить.

В.: Малообнадеживающее заявление, скажем прямо. Значит, в таком случае надеяться на возобновление деятельности хельсинкских групп не приходится?

О.: Я думаю, что пока на возобновление этой деятельности в легальном русле, то есть — в разрешенном сверху, надеяться не стоит. Т. е. я не надеюсь. Вообще, действия властей, я считаю, в большой степени являются вынужденными. Ну просто дальше так нельзя. И если будут по-прежнему действовать причины, вынуждающие к изменениям, тогда кто знает? Может быть, ситуация изменится и так, что можно будет и «Хронике» выходить официально, и хельсинкской группе функционировать.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Роман Шпорлюк

МАРКС — ЛИСТ — ПАЛАЦКИЙ. НАЦИОНАЛИЗМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ*

В марте 1845 г. Карл Маркс начал писать критику на опубликованную четырьмя годами раньше книгу Фридриха Листа «Национальная система политической экономии». Маркс так и не закончил своего очерка и о нем не было известно вплоть до тех пор, когда его впервые опубликовали по-русски в журнале «Вопросы истории КПСС»!

Марксова критика Листа важна по двум причинам: как документ творческой биографии Маркса и как общее, программное заявление о нации и национализме. В «Критике Листа» Маркс полнее и подробнее, чем в любых других работах на эту тему, выражает свое к ним отношение.

«Критика Листа» детально представляет точку зрения Маркса на немецкий вопрос и уделяет особое внимание немецкому национализму. Из этого произведения мы узнаем, какие «конкурентоспособные» предложения мог дать Маркс, разрабатывая планы о будущем Германии. Конечно же, немецкий национализм имел собственную точку зрения на то, в каком освобождении нуждалась Германия.

Маркс воспринимал национализм как буржуазную идеологию и рассматривал Листа как представителя немецкой буржуазии, имеющего свои собственные представления о ее будущем и работающего ради их претворения в жизнь.

*Перевод с английского статьи, опубликованной в сборнике Мичиганского университета «Cross Currents: A Yearbook of Central European Culture», 1986, 5. Роман Шпорлюк историк, профессор Мичиганского университета (США).

1. «К. Маркс о книге Ф. Листа «Национальная система политической экономии», *Вопросы истории КПСС*, 1971, 12, сс. 3-27.

Согласно «Критике Листа», целью немецкой буржуазии, как ее видел Лист, была борьба за установление господства «промышленности» (Маркс под этим понимал капиталистическую промышленность или просто капитализм). По Марксу, немецкая буржуазия добивается этого «в очень неподходящий момент, когда рабское состояние большинства, возникшее вследствие этого господства, стало общеизвестным фактом».

«Критика Листа» демонстрирует, что Маркс был абсолютно безжалостным в своей оценке немецкой буржуазии. Ясно, что его комментарии на немецкую тему выявляют нечто большее, чем только его отношение к «немецкому вопросу» в какой-то конкретный момент. Определив для немецкой буржуазии место в ряду других стран Запада, Маркс провозгласил принципиальную неспособность такой отсталой страны как Германия внести свой оригинальный вклад в развитие экономической мысли.

«...немецкий буржуа выходит на сцену *post festum* ... для него так же невозможно двинуть дальше политическую экономию, исчерпывающе развитую англичанами и французами, как для них было бы, пожалуй, невозможно прибавить еще что-либо новое к развитию философии в Германии. Немецкий буржуа может прибавить к французской и английской действительности всего лишь свои иллюзии и фразы. Но если он лишен возможности дать новое развитие политической экономии, то еще более невозможным является для него двинуть дальше в области практики промышленность, которая уже почти исчерпала свое развитие на прежних основах общества».²

Таким образом Маркс а priori отбросил как реакционные все попытки немцев (включая и попытку Листа) развить экономическую теорию, которая отражала бы национальные потребности менее развитых стран в период их перехода к капитализму и в их противостоянии развитым капиталистическим странам. Он отрицал как возможность независимого теоретического вклада немецких экономистов в то, что касается принципиальных основ капиталистической политэкономии, так и вообще способность Германии стать

2. «К. Маркс о книге Листа «Национальная система политической экономии», *Вопросы истории КПСС*, 1971, №12, сс. 10-11.

капиталистической страной. Как свидетельствует его анализ условий, возникших на Западе, Маркс также считал, что переход к коммунизму будет следующим историческим шагом, но он невозможен «в одной стране». Безусловно, Маркс представлял историю как универсальный всемирный процесс, в котором лишь человечество в целом было действующим субъектом:

«Полагать, что каждый народ внутри самого себя проделывает это развитие, было бы столь же нелепо, как полагать, что каждому народу следовало бы проделать политическое развитие Франции или философское развитие Германии. То, что нации сделали как нации, они сделали для человеческого общества, вся их ценность состоит только в том, что каждая нация разработала для других наций один из тех главных аспектов (одно из тех главных определений), в рамках которых проделывает свое развитие человечество, и таким образом, после того как были разработаны: промышленность в Англии, политика во Франции, философия в Германии, они разработаны для всего мира, и их всемирно-историческое значение, как и всемирно-историческое значение этих наций, тем самым завершилось».³

Маркс не признавал возможности «национального пути к капитализму, который пытался найти Лист, и ничего не мог сказать в пользу «социализма в одной стране», поскольку капитализм и коммунизм были всемирными системами, которые можно было трактовать лишь на наднациональном уровне. Так, по мнению Маркса, было бы полной бессмыслицей спрашивать, к примеру: «На какой стадии развития пребывает Германия по сравнению с Францией или Англией и что должны делать немцы, чтобы достичь стадии экономического или политического развития Англии?»

Лист же исходил из того, что обязательно следует сравнивать уровень развития Германии с уровнем Англии и рассматривать Германию как (пользуясь современным языком) «развивающуюся страну», которая политически и экономически страдает из-за того, что участвует в «не-

3. — Там же, с. 16.

равноправном обмене» с высокоразвитой Англией. Таким образом, Лист рассматривал немецкую проблему в ее связи с проблемами других стран, находящихся на иных стадиях развития, — прежде всего, отношения Германии, с одной стороны, и Англии (в то время наиболее модернизированного государства), с другой.

Для Маркса вопрос стоял совсем по-иному. Капитализм, который Маркс всегда называл «промышленностью» (но всегда подчеркивал, что он это понимает в социально-экономическом, а не техническом смысле), был, по его мнению, эксплуататором, а вовсе не Англия:

«Промышленная тирания Англии над миром есть господство промышленности над миром. Англия господствует над нами потому, что над нами господствует промышленность. Мы можем ликвидировать господство Англии в области конкуренции только в том случае, если преодолеем конкуренцию в пределах своей страны. Англия имеет власть над нами потому, что мы сделали властью над собой промышленность».⁴

Национальность, так же как и религия, была для Маркса ложной формой сознания, которая мешала человеку развивать свой подлинный человеческий потенциал. Маркс считал, и это особенно четко прослеживается в его работе «К еврейскому вопросу», что, хотя свобода религии лучше, чем религиозное угнетение или дискриминация, предоставление религиозной свободы не является достаточным решением проблемы религиозной веры. Не считал он также, что достаточным является «политическая эмансипация от религии», т.е. создание секуляризованного государства: вместо использования религиозной свободы, писал он, человека нужно освободить «от религиозных концепций, освободить от религии». Как сказал Дэвид Маклеллан, «для Маркса вопрос еврейской эмансипации превратился в вопрос о том, какие специфические *социальные* элементы следует преодолеть, чтобы устранить иудаизм».⁵

4. Там же, с. 18.

5. D. Mc Lellan. «Marx before Marxism», London, Macmillan, 1980, cc. 134. 138-139.

Так же, как одна лишь «политическая революция» и политическая эмансипация не освободят евреев от иудаизма, так и создание единой Германии, полагал Маркс, не освободит немцев от «немецкости», т.е. от национальности.

Подход Маркса и Энгельса к религии и национальности вполне соответствует их политической концепции. Центральным пунктом марксистской исторической и социальной теории было утверждение, что политика, в том числе и демократическая политика, должна включать в себя принуждение и господство. Подлинная свобода превратит *гражданина*, то есть члена политического сообщества, в *человека*. Успех коммунистической революции, говорил Энгельс, был бы равнозначен введению демократической конституции.⁶ Но он мог бы добавить: а после этого демократия будет устранена или будут «преодолены» ее границы. Поэтому нет парадокса (не имею в виду макиавеллиевские выверты) в том, что Маркс и Энгельс одновременно провозглашали освобождение нации в результате коммунистической революции и предсказывали исчезновение наций вследствие «освобождения».

В связи с отношением Маркса к государству и нации возникают два вопроса. Первый — о взгляде Маркса на роль политических и этнических факторов в современном обществе, в экономике, политике, культуре и их взаимоотношениях. Второй — о его идее эмансипации как освобождении от национальных, политических и религиозных оков.

Общепризнано, что Марксу не удалось разработать политическую теорию, основанную на его общей историко-социальной теории. У Маркса часто не хватает разъяснений того, в чем, собственно, заключалось его представление о национальности. Он так и не нашел времени, чтобы представить свою точку зрения на эти понятия в рамках своего общего мировоззрения. В 1845 г. он как раз собирался писать книгу об этих проблемах, но все, что у нас есть, — это

6. В «Festival of Nations» Энгельс заявил, что демократия в наши дни -- это коммунизм (см. K. Marx, F. Engels, «Collected Works», London, 1975, T. 4, c. 666).

черновик содержания книги, которую он планировал написать.⁷

*

После 1848 г. Маркс пересмотрел свое предыдущее отрицательное отношение к возможности объединения Германии в условиях капитализма. Он вместе с Энгельсом поддерживал национальное дело «исторических» или «великих» наций, таких как венгры, поляки и, конечно, немцы, — каждая из этих наций хотела создать свою великую национальную державу. Эта их цель вполне соответствовала «стратегической» оценке Марксом перспектив пролетарской революции: великие державы могли бы облегчить пролетариату достижение его классовой цели.

Но становилось все более очевидным, что Маркс и Энгельс поддерживают немецкие претензии к чехам и датчанам скорее из-за преимуществ немцев над «малыми» народами, чем потому, что Германия находится накануне коммунистической революции (фактически в работах Маркса, а тем более Энгельса, 1848-49 гг. много высказываний, которые можно трактовать как проявление крайнего немецкого национализма). Подобным же образом они поддерживали претензии венгерского и польского национальных движений к другим, «меньшим», народам. Как Маркс, так и Энгельс занимали последовательно враждебную позицию по отношению к национальным устремлениям так называемых «неисторических» народов, которые по той или иной причине препятствовали удовлетворению немецких или венгерских требований.

Антиславянские настроения особенно откровенно проявлял Энгельс — в 1848-49 гг., когда в ходе развития революционных событий рухнула его надежда на революционный потенциал Германии и Венгрии.

Некоторые из заявлений, сделанных Энгельсом в то время, напоминают скорее расизм, чем «научный социа-

7. «Draft Plan for a Work an Modern State», K. Marx, F. Engels, «Collected Works», T. 4, c. 666.

лизм». Ян Камминз приводит, например, замечание Энгельса о том, как немцы и венгры сотрут «с лица земли даже имя этих упрямых маленьких наций». Энгельс предрекал:

«В ближайшей мировой войне с лица земли исчезнут не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы. И это тоже будет прогрессом.»⁸

Как Маркс, так и Энгельс ясно высказывались в пользу больших цивилизованных государств, даже тех, что были созданы за счет завоевания чужих территорий. Вот как писал Энгельс в статье о немецко-датском конфликте 1848 г.:

«По тому же праву, по которому французы забрали Фландрию, Лотарингию и Эльзас и раньше или позже завладеют Бельгией, — по тому же праву Германия забирает Шлезвиг; это право цивилизации по отношению к варварству, прогресса по отношению к застою... это право исторического развития.»⁹

С презрением высказывается Энгельс о «реакционных» швейцарцах. Он приветствовал централизацию ранее автономных и изолированных коммун, осуществленную буржуазией, и считал, что пролетариат пойдет еще дальше этим путем.¹⁰ Говоря о последствиях индустриализации в Габсбургской монархии, Энгельс допускал, что железная дорога разрушит «гранитные стены, за которыми каждая провинция сохраняла свои национальные особенности и замкнутую местную жизнь».¹¹ Он также полагал, что паровая машина уничтожит империю Габсбургов — сделает то, чего не могли сделать ни нашествие Наполеона, ни французская революция. Он предсказывал исчезновение чехов вследствие широкого применения паровых машин. Чехи и иные славянские народы особо рассматривались Энгельсом в

8. Ф. Энгельс, «Борьба в Венгрии», К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., Изд. II, Т. 6, с. 186.

9. Ф. Энгельс, «Датско-прусское перемирие», К. М., Ф. Э., Соч. Изд. II, Т. 5, с. 422.

10. Ф. Энгельс, «Гражданская война в Швейцарии», К. М., Ф. Э., Соч. Изд. II, Т. 4., сс. 349-356.

11. Ф. Энгельс, «Начало конца Австрии», К. М., Ф. Э., Соч., Изд. II, Т. 4, с. 475.

серии его статей, опубликованных однако под именем Маркса в «Нью-Йорк дейли трибьюн» (1852 г.), которые позднее стали известными под названием «Революция и контрреволюция в Германии».

Хотя тон статей революционного периода, возможно, объясняется эмоциональной возбужденностью автора в связи с происходившими тогда событиями, работа «Революция и контрреволюция в Германии» демонстрирует якобы «непредвзятую» интерпретацию взаимоотношений между немцами и их восточными соседями. Эта интерпретация имеет разительное сходство с концептуальной формулой Листа, которую тот использовал, описывая взаимоотношения между «Европой» и «Азией» и предсказывая их будущее, хотя Энгельс прибегал обычно к более грубому языку, к ругательствам, которые начисто отсутствуют у Листа. Германия, по Энгельсу, представляет «город», высокую культуру, науку, промышленность, тогда как славян он отождествляет с отсталостью и утверждает, что их способ жизни должен исчезнуть в результате контактов с высшей немецкой культурой. Согласно Энгельсу, «славяне, в частности западные славяне — поляки и чехи — по преимуществу земледельцы; торговля и промышленность никогда не были у них в большом почете». Рост населения, городов, «производство всех видов промышленной продукции» на их землях — все это результат деятельности немецких иммигрантов. Энгельс утверждал, что торговый обмен является монополией евреев, более близких немцам, чем славяне. С точки зрения Энгельса, значение немецких элементов на славянских землях все более усиливается потому, что там считали необходимым «ввозить из Германии почти все элементы духовной культуры. Вслед за немецким купцом и ремесленником на славянской земле осели немецкий пастор, немецкий школьный учитель и немецкий ученый».

И, наконец, железная поступь завоевательных армий или осторожные, тщательно обдуманые захватнические акты дипломатии не только следовали за медленным, но верным процессом денационализации, происходившим под

влиянием социального развития, но зачастую опережали этот процесс».¹²

Энгельс осуждал применение силы против Польши, энергично поддерживал польскую независимость, он даже говорил, что немцы должны вернуть полякам все, что они получили в результате «грабежа» Польши. Но он также напоминал, что во время германской революции 1848 г. возник вопрос:

«... неужели нужно было уступить целые области, населенные преимущественно немцами, и большие города, целиком немецкие, — уступить народу, который до сих пор не дал ни одного доказательства своей способности выйти из состояния феодализма, основанного на закреплении сельского населения?»¹³

Тогда как в отношении Польши Энгельс не отрицал безоговорочно законности такого «вопроса» и в то же время поддерживал право поляков не только на независимость, но и на огромные территории «на Востоке», в отношении Чехии у него не было сомнений. Он отмечал, что Чехия населена «двумя миллионами немцев и тремя миллионами славян, говорящих по-чешски», которым есть о чем вспомнить из своей великой истории, почти целиком связанной с прошлым господствующим положением чехов. Но он считал, что чехи сникли «со времени гуситских войн в XV веке». Их страну разделили на королевство Чехию и княжество Моравию, тогда как словаки составляют часть Венгрии. Моравы и словаки потеряли всякие остатки национальных чувств и жизнеспособности, хотя и сохранили, в основном, свой язык, а Чехия не просто окружена германскими государствами — немцы в большом числе поселились прямо в ней, особенно в Праге. «Капитал, торговля, промышленность и духовная культура повсюду в немецких руках».

«Профессор Палацкий, главный борец за чешскую национальность, — это всего лишь свихнувшийся ученый немец; он даже до сих пор не умеет правильно и без иностранного акцента говорить по-чешски. Но, как это часто

12. — «Революция и контрреволюция в Германии», К. М., Ф. Э., Соч., II изд., Т. 8, с. 52.

13. — Там же, с. 53.

бывает, умирающая чешская национальность — умирающая, судя по всем известным из истории последних четырех столетий фактам, — в 1848 г. сделала последнее усилие вернуть себе свою былую жизнеспособность, и крушение этой попытки должно, независимо от всех революционных соображений, доказать, что Богемия может впредь существовать лишь в качестве составной части Германии, даже если бы часть ее жителей в течение веков все еще продолжала говорить не на немецком языке».¹⁴

Чешский (и хорватский) национализм был, по мнению Энгельса, продуктом деятельности «кучки славянских дилетантов исторической науки», которые инспирировали «это нелепое, это антиисторическое движение» за возрождение славянских народов,

«...поставившее себе целью ни много, ни мало, как подчинить цивилизованный Запад варварскому Востоку, город — деревне, торговлю, промышленность, духовную культуру — примитивному земледелию славян-крепостных. Но за этой нелепой теорией стояла грозная действительность в лице *Российской империи...*»¹⁵

В целом, Энгельс отрицал, что славяне Германии (эта «Германия» охватывала и чешские земли) способны на национальное существование. Подобно валлонцам в Англии или бретонцам во Франции, они обречены на растворение в большой, цивилизованной нации. Вопреки очевидной безнадежности их дела, «эти вымирающие национальности — чехи, каринтийцы, далматинцы и т.д. попытались использовать общее замешательство 1848 г. для восстановления своего политического status quo, существовавшего в 800 г. нашей эры. История истекшего тысячелетия должна показать им, что такое движение вспять невозможно.» Им следовало понять, что «естественная и неизбежная участь этих умирающих наций состоит в том, чтобы дать завершиться этому процессу разложения и поглощения более сильными соседями».¹⁶

14. Там же, сс. 54-55.

15. Там же, с. 56.

16. Там же, с. 84.

Так писал Энгельс, но Маркс публиковал это как свое собственное. Существуют к тому же и иные доказательства того, что он мыслил точно так же, как Энгельс. Действительно, несколькими годами позже, в 1858 г., в письме к Энгельсу он охарактеризовал национальные движения славян, в том числе чешское, крайне негативно:

«Среди славян есть исключительно сильные движения, особенно в Чехии, — движения, которые являются на самом деле контрреволюционными, хотя и добавляют фермент в наше движение».¹⁷

Таким образом, можно сделать вывод, что для национальных движений восточноевропейских народов в схеме исторического прогресса Маркса не нашлось места. В лучшем случае они способствовали действию общего «фермента», но сами по себе не содержали ничего «прогрессивного», так же как в 1845 г. не было для Маркса ничего заслуживающего одобрения, и в немецком национализме. Не удержал Маркса от негативных выводов и тот, им самим признанный, факт, что эти национальные движения («сильные движения») имели успех среди народных масс.

Целый ряд исследователей (марксистов и немарксистов) показали, что Маркс и Энгельс в этом вопросе ошибаются и что нельзя быть хорошим марксистом, осуждая национальные движения малых народов. Появились блестящие «марксистские» работы, объясняющие почему чешское, украинское и другие национальные движения были на самом деле «прогрессивными» с точки зрения общей марксистской исторической схемы.¹⁸ Однако, факт остается фактом: ни Маркс, ни Энгельс так и не пересмотрели своих взглядов на происхождение и значение славянских и иных разновидностей национализма в Восточной Европе. Их нескрываемое презрение к «селу» как воплощению варварства («идиотизм сельской жизни») наверняка обуславливало их ненависть ко всякому движению, которое с симпатией —

17. — см. Shlomo Avineri, «Karl Marks on Colonialism and Modernisation», Doubleday, 1969, pp. 463-64.

18. — см., в частности: R. Rosdolsky, «Friedrich Engels und das Problem der geschichtslosen Völker», IV, 1964, Z. 87-282.

иногда даже идеализируя — относилось к сельской жизни, сельской культуре и языку, как это делало национальное движение. Будучи нечувствительными к еврейским проблемам (отождествляя иудаизм с определенного рода экономической практикой и отрицая самостоятельную ценность еврейской жизни в современном мире), Маркс и Энгельс были столь же нечувствительны и к другим аспектам жизни XIX века, в том числе и к национальному сознанию, которое могло побудить даже такого человека как бывший друг и наставник Маркса Мозес Гесс принять сионизм, оставаясь в то же время социалистом. С другой стороны это же национальное сознание способствовало тому, что известный современник Маркса Бенджамин Дизраели с гордостью подчеркивал свое религиозное и национальное еврейское происхождение, оставаясь при этом выдающимся английским «буржуазным» государственным деятелем. Но мировоззрение, повлиявшее на Гесса и Дизраели, с точки зрения Маркса было абсолютно бессмысленным.¹⁹ Маркс не готов был признать, что в национальном характере, национальных традициях или национальной общности было что-то такое, что требовало бы *политического* подхода и соответствующей реакции и было бы независимо от классовых отношений. (Это не мешало ему называть отдельных людей «типичными немцами» или утверждать еще что-либо подобное — в случаях, когда эти высказывания не имели политического содержания).²⁰ Очень характерно, что Маркс не решился признать, что в будущей коммунистической цивилизации, хотя там и не будет наций как

19. см. Isaiah Berlin, «The Life and Opinions of Moses Hess», «Benjamin Disraeli, Karl Marx and the Search for Identity» в кн. «Against the Current», New-York, Viking, 1979.

20. Брюс Мазлиш в «The Meaning of Karl Marx» (New-York, Oxford University Press, 1984, сс. 148-149), говоря о Марксе как немецком националисте, приводит марксово замечание о том, что «Капитал» был «триумфом немецкой науки, чем-то, что может признать немецкий индивид, потому что это не столько его заслуга, сколько заслуга нации». Хотя в этом смысле трудно все же назвать Маркса националистом, безусловны основания для упреков, сделанных Мозесом Гессом и чешскими националистами, которые утверждали, что в рамках интернационализма (по Марксу) такие большие нации, как немецкая, находились сверху по сравнению с несчастными неудачниками, т. е. «неисторическими народами».

действующих общностей, «исторические» нации сохранятся, пусть только как наследие докоммунистической эпохи, тогда как угнетенные «неисторические» народы, не сумевшие завоевать независимость до прихода коммунизма, полностью исчезнут с исторической сцены. Такая конкретная перспектива не очень уж была приятна социалистам «неисторических» наций, для которых коммунизм в иных его аспектах был убедительным учением. По марксистскому сценарию чехи, к примеру, навсегда должны были остаться под немецким господством.²¹

Давний друг Маркса Мозес Гесс поставил вопрос о будущем нации в том, что касается евреев. Как пишет Шломо Авинери, Гесс спросил:

«Во имя каких принципов свободы или социализма евреи должны будут отказаться от своей идентичности, тогда как все прочие подобные же (т. е. относительно большие) общности смогут продолжать свое национальное существование?»

Согласно Авинери, предложение Гесса о «создании еврейской общности в Палестине» было неотъемлемой частью его общего мировоззрения. Гесс был убежден, что она никак не противоречит принципам социализма, а наоборот является «реализацией освободительной миссии социализма по отношению к специфическим особенностям существования еврейского народа».²²

*

Результаты революции 1848-49 гг. были разочаровывающими не только для Маркса и Энгельса — они помешали реализации устремлений немецких, итальянских, польских и венгерских националистов. Германия не стала объединенным национальным государством, та же неудача постигла и Италию. Поляки не смогли избавиться от иноземного ига. Венгрия вновь попала под власть Габсбургов. Более того — помимо борьбы против сил реакции и

21. См. Josef Chlebouchyк «Ruch robotniczy a kwestia narodowa w monarchii Habsburgow», «Z pola walki», 1968, с. 103.

абсолютизма и соревнования, преимущественно теоретического, с коммунизмом, националисты-революционеры Германии, Венгрии и Польши столкнулись в 1848-49 гг. с угрозой совсем с иной стороны: представители так называемых «неисторических» народов — чехи, словаки, хорваты и украинцы — выдвинули требования признать их автономию и провозгласили, что они не желают оставаться частью германской, польской или венгерской наций. Как раз миф о международной солидарности народов пал жертвою революционных событий: немцы и поляки боролись за Познань, немцы и датчане — за Шлезвиг, чехи и немцы имели столкновения в Праге, а поляки и украинцы — в Галиции, венгры убедились, что они сражаются не только против Вены, но фактически против всех народов своего исторического королевства святого Стефана.

Поражение национализма в 1848 г. оказалось, однако, временным.

В течение двух десятилетий Италия и Германия стали едиными государствами, хотя и не в тех границах, о которых мечтали их национальные лидеры. Венгрия добилась фактической независимости во внутренних делах в рамках Габсбургской монархии (1867 г.). После 1867 г. австрийские поляки тоже стали «государственной нацией», получив широкую автономию в Галиции и пользуясь значительным влиянием в Вене. С упадком Оттоманской империи балканские народы один за другим становились независимыми — к 1914 г. Греция, Сербия, Черногория, Болгария, Румыния и Албания уже были независимыми государствами.

Уже в 30-е годы XIX в. в империи Романовых монархия должна была добавить принцип «народности» к двум другим («православию и самодержавию»), на которых она раньше держалась. Это была дань, пусть неискренняя, новым идеям национализма. В России утвердились две противоположные концепции, которые бросили вызов существовавшему тогда государственному устройству: «западники», желающие превратить русский народ в современную нацию с конституционным и правовым устройством, и «славянофилы», видевшие суть России в специфически русских исторических и религиозных ценностях. Эти идеи, по мере своего распространения среди просвещенных слоев русского об-

щества, сталкивались с непониманием или даже враждебностью со стороны государственно-бюрократического аппарата. Отношения между «государством» и «обществом» оставались сложными и противоречивыми вплоть до конца царизма в 1917 г.

Что касается других народов империи, то поляки оставались непримиримыми оппозиционерами российскому государству, на рубеже столетий к их оппозиции присоединились финны, латыши, литовцы, армяне, евреи, украинцы, эстонцы, татары и грузины, которые требовали признания их самостоятельными культурными и политическими общностями и которые страдали как от царского гнета, так и от русского национализма. Эти народы не требовали отделения от России (поляки были исключением), но протестовали против дискриминации и добивались уважения к своей национальной, религиозной и культурной идентичности.

Как показывает даже этот простой перечень разнообразных национальных проблем Австрийской империи, Балкан и России, среди народов, в полный голос заявивших о себе после 1848 г., были и те, кому Лист не предсказывал никакой будущности в своей «Национальной системе», написанной еще до 48-го года. А Маркс и Энгельс, как мы видим, не предвидели для них ничего хорошего и *после* 1848 г.

И тем не менее эти народы (которых враги иногда называли «неисторическими» или «крестьянскими» нациями), а точнее — их интеллектуальная элита, выступали с собственными представлениями о истории и защищали свои культурные, политические и социально-экономические устремления. В 1848 г. свои представления о положении вещей сформулировал чешский историк Франтишек Палацкий, которого Энгельс презрительно назвал «ученым немцем, сошедшим с ума» (очевидно, образованный чех, *не желавший* быть немцем, должен быть сумасшедшим). Хотя Палацкий выступал прежде всего в поддержку чехов, желавших быть независимой от немцев нацией (немцы любых убеждений, включая Листа и Маркса, считали Чехию частью Германии), его позиция имела более широкое значение, она подходила и другим нациям, которых считали «неисторическими».

Национальную философию Палацкого представляют два документа. Первый из них — его письмо президенту франкфуртского «Комитета пятидесяти» от 11 апреля 1848 г. Второй — это «Манифест» Первого славянского конгресса, обращенный к «народам Европы» и изданный за подписью Палацкого 12 июня 1848 г. (Создается впечатление, что единственным международным форумом периода революции, который действительно имел последствия, был международный форум националистов).

В письме во Франкфурт Палацкий отказался брать участие в работе Комитета, заданием которого было подготовить выборы в немецкий парламент. Он выдвинул три причины. Две из них были политические и поэтому интересуют нас меньше, чем национальные идеи Палацкого, хотя они стоят того, чтобы на них обратить внимание. Палацкий считал, что объединение Германии, как его понимали немецкие националисты того времени, означало бы ликвидацию Австрии. Но он считал, что дальнейшее существование Австрии необходимо небольшим народам Центральной и Восточной Европы в связи с угрозой иной альтернативы — распространением российской гегемонии, *универсальной монархии*, которая, согласно Палацкому, представляет собой «безграничное и невыразимое зло, несчастье без конца и без краю». Одновременно Палацкий подчеркивал, что он не является врагом русских: «Напротив, я с удовольствием и симпатией слежу за каждым шагом вперед, что делает эта великая нация в пределах своих естественных границ по дороге цивилизации». Но из любви к родному народу и «уважения к человеческому добру» он отбрасывал «малейшую возможность универсальной российской монархии... не потому, что эта монархия будет русской, а потому, что она будет универсальной».²³ Во-вторых, Палацкий считал, что «невозможно добиться» республики в Германии, а если бы это даже удалось — республика будет нестабильной.²⁴

Однако главная причина его отказа принимать участие в

23. -- «Letter sent by Frantisek Palacky to Frankfurt», Slavonic and East European Review, v. 26. 1948.67, p. 310.

24. Там же, с. 308.

работе Франкфуртского комитета основывалась на его теории национальности. Рассмотрев историю взаимоотношений между Чешским королевством и Германской (Священной Римской) империей, Палацкий обращает внимание на различие между политическими взаимоотношениями властителей, с одной стороны, и правами и обязанностями нации (которую он рассматривает как нечто отличное и независимое от политической формы), с другой:

«Я — чех славянского происхождения, и все мои скромные силы и возможности навсегда посвятил служению моему народу. Этот народ небольшой — это правда, но с прадавних времен это была отдельная нация, которая всегда полагалась на собственные силы. Ее властители с давних времен были членами федерации германских княжеств, но народ никогда не считал себя частью немецкой нации и на протяжении всех веков никто другой не считал его такой частью...

...Права нации являются на самом деле естественными правами. Ни одна нация на свете не имеет права требовать, чтобы ее соседи приносили себя в жертву ради ее блага, ни одна нация не обязана отказываться от себя или жертвовать собой ради своих соседей. В природе нет господствующих или поработанных наций».

Он добавил, что любое государство, в границах которого живут разные народы, может быть стабильным лишь при условии, что оно гарантирует равноправие этих народов.²⁶

Эти же идеи развиваются в «Манифесте Первого славянского конгресса народов Европы». В «Манифесте» сказано, что в отличие от славян, более устремленных к свободе, чем к завоеваниям и господству, романские и германские национальные государства в течение столетий поддерживали свою независимость «силой меча», поработая одновременно свои собственные народы. Славянские народы стали жертвой насильственных акций романских и германских народов, но с началом эры свободы они будут добиваться свободы так же и для себя. Конгресс приветствовал социальные и политические изменения, происходящие в странах Европы:

25. Там же, с. 304.

26. Там же, с. 306.

«...мы, славяне, с отвращением относимся к любому господству, мы не признаем никаких привилегий и пре-рогатив, а также всякую политическую дифференциацию классов: мы требуем безусловного равенства перед законом, равенства прав и обязанностей для всех. Там, где хотя бы один раб рождается среди миллионов, — там нет свободы. Да, *свобода, равенство и братство* для всех живущих в государстве — таков наш лозунг сегодня, как и тысячу лет назад».²⁷

Поддерживая требование прав человека, Конгресс одновременно требовал признания подобных же прав для нации:

«Для нас, не менее священным понятием, чем человек, который пользуется своими естественными правами, является нация со всеми ее духовными потребностями и интересами».

Авторы «Манифеста» понимали, что между народами, вследствие разницы в их историческом развитии, существуют серьезные различия, но они подчеркивали:

«Способность этих (менее счастливых) народов к развитию ничем не ограничена. Природа не устанавливала какой-либо разницы между народами в том смысле, что одна нация является благородной, а другие нет; она не призывала какую-либо нацию господствовать над другими и не предназначала какой-либо нации быть лишь средством в руках других. Равные права на самые благороднейшие достижения человечества — это Божий закон, который никому не дано безнаказанно нарушать».²⁸

Вдохновленный идеями Гердера и Руссо, Палацкий пытался создать таким образом историческую и философскую основу для эмансипации народов, права которых не признавали такие немецкие националисты, как Лист, или такие общественные деятели, как Маркс и Энгельс. Эти националисты, так же как и основоположники марксизма, поддерживали «исторические народы», опираясь на такой критерий как *политическая* история. Согласно их учениям, крестьяне, говорящие на народных диалектах, могут

27. «Manifesto of the First Slavonic Congress of the Nations of Europe», Slavonic...Review, v. 26, 1948, 67, с. 310.

28. Там же.

присоединиться к высшей цивилизации, приняв за литературный язык язык какой-нибудь развитой нации и отождествив себя с одной из «политических» наций, а не создавать «новые нации» на основе «сельских диалектов».

Находящийся в полном противоречии с политическими программами и культурными устремлениями «исторических народов» национализм народов «отсталых», возникший в виде культурного и академического движения накануне 1848 г., в том же 1848 г. приобрел политический характер и стал появляться на политической сцене Центральной и Восточной Европы как все более и более крепнущая сила вскоре после 1848 г. Эти народы были в общем разочарованы событиями 1848 г., но их дальнейшее развитие облегчило то, чего удалось все же добиться в ходе революции 1848 года, — освобождение крестьян, ликвидация крепостного права. Включение крестьян в «общество», из которого оно было в течение столетий исключено, создало необходимые предпосылки для превращения ранее «академических» и «культурных» движений интеллигенции во всенародное, массовое дело. Национальные революции во время Первой мировой войны, которые привели к возникновению целого ряда независимых государств, так же, как и освобождение бывших колониальных народов после Второй мировой войны, — все это фактически было продолжением процесса, начатого в 1848 г., и того направления в культурном развитии, что стало развиваться еще раньше и связано с именами Палацкого, Руссо, Гердера.²⁹

От автора

В предлагаемую вниманию читателя статью вошли части из книги автора, которая должна выйти по-английски в 1988 г. под названием «Communism and Nationalism: The Competing Ideologies of Karl Marx and Friedrich List».

В этой книге предпринята попытка пересмотреть

29. — См. R. Szporluk, «War by Other Means», «Slavic Review», v. 44, april 1985, 1, pp. 20-26.

традиционный взгляд на историю национализма (в западной интерпретации этого понятия, которому скорее соответствует русское выражение «национальное движение») и доказать, что национальные движения XIX в. там, где они успешно конкурировали с марксизмом, имели свою собственную экономическую программу, а не только занимались общей культурой, языком или политикой. Таким образом, национальные движения того времени, приняв как основную реальность современности промышленную революцию, которая началась в Англии и Шотландии в XVIII в., могли соревноваться с марксизмом на его почве — в области экономики. Понимаемый таким образом национализм выдвинул программу строительства национальной экономической системы, индустриализации под национальным флагом. Фридрих Лист создал наиболее удачную, по мнению автора, «национальную экономическую программу», потому что он учел факт индустриализации, урбанизации мира и сделал из этого «национальные» выводы, сформулировав программу строительства новейшей экономики и общественного устройства. Учение Листа очень скоро приняли венгры, испанцы, ирландцы, еще в конце XIX в. его читали русские (С. Витте), японцы, индийцы и др. Статья, здесь опубликованная, описывает реакцию молодого Маркса на тезисы Листа. Во второй ее части речь идет о Франтишке Палацком (1798-1876), чья концепция нации была противоположной не только марксизму, но и национальной теории Листа. Лист считал, что только большие (по числу населения и экономическому потенциалу) народы имеют право на самостоятельное существование. Палацкий провозгласил право также и малых народов на свободную жизнь. (Здесь об этом не говорится, но, по мнению автора, чехи в дальнейшем фактически приняли точку зрения Листа на то, что национальное движение должно сконцентрировать свое внимание на экономике. И потому в XIX веке чехи создавали промышленные предприятия, банки, торговые школы, кооперативы и т.д. и таким образом могли соревноваться с немецким национализмом и одновременно привлекать широкие массы к участию в национальном деле).

Мыкола Хвелевий

КАМО ГРЯДЕШИ

*(Отрывки из памфлетов)**

От автора

...Нас больше всего тревожила идея азиатского ренессанса и выяснения двух психологических категорий: Европы и «Просвіти». Первые два письма — это наш ответ одному из просвитян, которого, обобщая, мы называем просто «енко». Третье письмо — наш ответ тов. Пилипенко, руководителю организации «Ілуг». Не все здесь будет понятно, но пусть простят читатели: письма написаны как ответы на скорую руку, а переделать их как раз сейчас у нас нет возможности. В то же время в них поставлено много актуальных вопросов. Поэтому надеемся, что наши памфлеты будут первым азбучным абзацем к теории нового искусства. Сам теоретик должен еще прийти — и мы его ждем. Он будет романтиком витаизма: агитатором и пропагандистом наших принципов.

О «сатане в бочке» или о графоманах, спекулянтах и иных «просвитянах».

(Первое письмо к литературной молодежи)

... Нет и не было примеров в истории литературы, чтобы какое-то поколение успело высказаться за 5-6 лет: писатель

* Перевод с украинского отрывков из памфлетов М. Хвелевого «Камо грядеши» (Из-ство «Книгоспілка», 1925 г.). По-украински отрывки напечатаны в антологии Ю. Лавриненко «Розстріляне відродження». Мюнхен, 1959.

Мыкола Хвелевий (1893-1933) — известный писатель и общественный деятель украинского культурного возрождения 1920-х годов. Покончил с собой 13 мая 1933 г.

— не американская машинка, а произведения его — не полтавские галушки. Поэтому «тезис» о втором поколении пригодится лишь темным особам, желающим использовать его в своих целях.

... Если взять наши принципиальные расхождения, то можно говорить только об одном. Фигурально это будет так:

— Зеров или Гаркун-Задунайский?

— Европа или «просвіта»?

... Мы, «олимпийцы», с полной ответственностью за будущее нового искусства заявляем:

— Для пролетарской художественной литературы : вне всякого сомнения полезнее — гиперболизируя — в миллион раз советский интеллигент Зеров, вооруженный высшей математикой искусства, чем сотни «просвитян», понимающих в этом искусстве, как «свинья в апельсинах», которые на седьмом году революции вдруг стали большими революционерами, чем сам Ленин, и теперь выступают по разным советским журналам с «красными» фразами под фамилиями какого-нибудь «ца» или «енко».

Такой кардинальный, воистину принципиальный вопрос ставим мы литературной «молодежи», и на него она должна ответить. Если не нам, то самой себе.

... Ахиллесовой пятой украинской пролетарской литературы является не столько недостаток соответствующей критической литературы и критики, сколько недостаток самой литературы, которую стоило бы критиковать... И правда: о чем писать? Десяток-два грамотных рассказов и 50-100 талантливых стихов? И все это за несколько лет? Очевидно, жалобы на то, что на мои произведения, мол, не обращают внимания, — лишь жалкий лепет того или иного сорта. Мысль у критика рождается, когда он в произведении тоже видит мысль, а не бездарные узоры. Правда, из истории литературы мы знаем и случаи, когда замалчивали будущих корифеев, но также правда, что таких корифеев мы насчитываем единицы, и они, кстати, ничего не имеют общего с «просвитянской» графоманией.

... Никогда не было столько возможностей для развития украинской пролетарской литературы и вообще литературы, как сейчас у нас, в республике Коммун. Но никогда не было и такой бесшабашной свистопляски в той же украинской

литературе, как в наши дни. Стоит какому-нибудь «енко» получить членский билет от писательской организации, как он уже считает себя — в художественном разрезе — абсолютно непогрешимым. А если он называет свою вещь «Нечаевская коммуна» или «У тракторов», то это произведение отныне превращается в святую «плащаницу». Нужно большое гражданское мужество, чтобы выбросить эту бездарную «Нечаевскую коммуно» в редакционную корзину; нужно иметь за собой солидный революционный стаж, чтобы сделать критический «двойной нельсон» такому произведению. Ведь подумайте: «енко» красный, «енко» стал настолько красным, что даже открыл Америку: революцию делали не дегенераты; до того красным, что даже начал под фамилией «ца» «коммунизировать» массы в советских журналах. «Енко» не трожь! Он теперь в моде.

И, конечно, в «сатанинской» свистопляске теряется действительно талантливая молодежь. Часть ее, вместо того, что бы поучиться, попадает под влияние «енко» и становится «квалифицированными писателями», заполняя рынок красной графоманией; часть, ошеломленная и сбитая с панталыку «оргинальными» статьями разных безграмотных «цев» и прочих «енко», сидит где-то в закутке и выжидает. А в результате «юная» молодежь за несколько лет не дала ни одной путной книжки, — это теперь, когда столько возможностей, это теперь, когда идет пора возрождения, когда мы стоим накануне небывалого развития молодой литературы!

Итак, выводы.

Первый:

— Нужно срочно на неотступный вопрос «Европа или просвита?» ответить: Европа.

Второй:

— «Юной» молодежи нужно учиться и учиться... Подлинно художественная молодежь со своими произведениями не спешит... «Юная» молодежь должна уважать художественную литературу и знать, что звание художника к чему-то обязывает, что заслужить его не так легко: для этого необходимо приобрести большой жизненный опыт и хорошо знать старое искусство.

Третий:

— Нужно срочно «отшить» или по крайней мере поставить на свое место разных писак, которые, умея сляк-так сделать репортерскую заметку, суют свой нос в искусство и — более того — пытаются руководить им. Тогда ясно станет, что так называемое «массовое искусство» — это продукт упорной работы многих поколений, а вовсе не красная халтура.

Четвертый:

— Нужно уже знать, что первая фаланга (а не поколение) пролетарских писателей появилась на переломе двух эпох, в расцвете романтической поры, когда умирало старое общество и рождалось новое. Поэтому не «енко» («енко» на этом только спекулируют), а настоящему молодняку типы (и люди вообще) наших произведений не всегда будут близки. Но из этого не следует делать похабных выводов, а нужно заглянуть в свое нутро и честно сказать: — Так, его люди мне чужды. Но я вижу, что «олимпиец» не только любил революцию, но и любил пролетарское искусство. Полюблю ж и я его. Пройду и я тем радостным путем ошибок: лишь тот не ошибается, кто живет «на шармачка».

Пятый:

— Новое искусство создают рабочие и крестьяне. Только при условии: они должны быть интеллектуально развитыми, талантливыми, гениальными людьми. Кто этого не понимает тот — дурак. А кто понимает и молчит — тот спекулянт.

Шестой, последний:

— Молодежь должна быть этически чистоплотной. Савченковщина не только вредит молодой литературе, а и создает позорную свистопляску. Не нужно расшифровывать псевдонимов тех авторов, которые этого не хотят. Не нужно лазить по столам «олимпийцев» с фотографическими аппаратами, чтобы сфотографировать надписи на этом столе и таким образом приобрести еще один «документ». Не нужно заглядывать в чужие редакционные портфели. Не нужно... и т.д. и т.д.

Вот наши советы и выводы для «юной» молодежи. Мы верим, что она, идущая создать могучий ренессанс, пойдет наконец тем путем, что указывает история.

О Копернике из Фрауенбурга или азбука азиатского ренессанса в искусстве

(Второе письмо к литературной молодежи)

...Что ж такое «искусство вообще?» — спрашивают «олимпийцы», начиная свое второе письмо... «Искусство вообще» — это архиспецифическая область человеческой деятельности, которая пытается удовлетворить одну из потребностей духа человека, а именно — любовь к прекрасному... Еще в 1921 г. один из «олимпийцев», как раз Хвелевый, как «донквизадо», провозгласил поход против пролеткультизма. Это было тогда, когда пролеткульт был, так сказать, хозяином положения, божком. ...И напостовцы, и лэфовцы, и пролеткультовцы, и октябристско-платформовцы, и панфутуристы и им же имя — легион: все они исходят из основоного предназначения искусства «как метода строительства жизни»... За «методом строительства жизни» прячется не столько безоглядный утилитаризм, писаревщина в красной маске, ликвидаторские настроения по отношению к искусству, ревизионизм плехановской эстетики, немецкое «просветительство», сколько постулат рантье новой формации...

...«Художником вообще» может быть только исключительно яркая индивидуальность, которая имеет не только немалый жизненный опыт, но и в силу фрейдовских предпосылок, направила свою творческую деятельность по предназначенному ей слепой природой пути.

... Художником нужно родиться (*nascuntur poetae.*), так как никакая «октябрьская» платформа в этом случае никак не спасет. (Какой ужас! Правда, товарищи «хапы», «лапы», «мапы»?).

Мы прекрасно понимаем, что наша позиция очень невыгодна. С одной стороны, так называемый «октябристский» пролеткульт так закармлил молодежь своей вкусной кашей, что она уже заговорила про «собачью идеологию» (напостовский Лелевич) и окончательно запутала социальную роль арифметики с идиотской абстракцией, пытаясь втиснуть в 2 x 2 какую-то классовость. С другой стороны — и это мы прекрасно понимаем — демагогия и спекуляция

«енко» для молодежи слишком уж удобны: она не заставляет много думать и к тому же с кинематографической скоростью выдает ярлычки «квалификации». Остается только сесть на вишню, зажмурить глаза и бойко напевать, как соловей ранней весной... пока не подойдет фортуна и не заберет в клетку, предназначенную для неудачников.

Мы все это понимаем. Но мы помним и совет Чехова: Когда ребенок родится, его следует прежде всего выпороть, наказывая: не пиши стихов и рассказов, а то будешь лодырем.

У нас достаточно гражданского мужества откровенно сказать это, и мы верим, что наша горькая правда в конце концов, не завтра, так послезавтра, придется больше по вкусу «юной» молодежи, чем «просветяньские» прописные истины.

... Настоящие художники как художники всегда опережали свой класс и никогда не шли с ним наравне. Иная, простите за выражение, теория не только профанирует пролетарское искусство, но и является глубоко консервативным фактором в развитии общества. Не нужно путать понятий: одно дело — ликбез, другое — искусство. Наш пролетариат еще до сих пор с большим удовольствием смотрит халтурную «сатану в бочке», чем курбасовскую постановку.

... Один из признаков искусства — это его неудержимое влияние на развитой интеллект. Поэтому, когда наш ликбез сделает свое дело в среде нашего пролетариата, тогда это пролетарское искусство, о котором мы сейчас будем говорить, воистину будет творить чудеса, воистину станет мощным фактором в развитии человечества и поведет его к ненавистным просветянину «тихим озерам загорной Коммуны», где человека встретит «воплощенный прообраз той чудесной Марии, что стоит на грани неведомых веков».

... Итак, грядет могучий азиатский ренессанс в искусстве, и его предтечами являемся мы, «олимпийцы». Как в свое время Петрарка, Микеланджело, Рафаэль и т. д. из итальянского угла запалили Европу огнем возрождения, так новые художники из когда-то угнетенных азиатских стран, новые художники-коммунары, идущие за нами, взойдут на гору Геликон, поставят там светильник Ренессанса, и он, под дальний гул баррикадных боев, всполохнет багряно-голубым пятиугольником над темной европейской ночью.

Когда пушки говорят — музы молчат. Это так. Но революция, как показывает действительность, не имеет перманентного характера. Эпоха гражданских войн началась, но в ней будут немалые передышки то в одной, то в другой стране.

... Говорить о пролеткульте, о пролетарской культуре — говорить абсурд, потому что классовая культура, т. е. сумма всего созданного усилиями хозяина положения, имеет консервативные тенденции: она убеждает класс в вечности, нескончаемости его диктатуры. Искусство же, будучи чуткой, настроенной идеологической надстройкой, освобождается от этих тенденций. Для пролетарского искусства принцип бесклассовости, безусловно, более понятен, чем для иных областей творческой деятельности. Более того: принимая во внимание, что даже в буржуазном художественном творчестве были элементы общечеловеческого стремления к освобождению, искусство всегда — прогрессивное явление.

... Говоря об азиатском ренессансе, мы имеем в виду неслыханный расцвет искусства у таких народов как Китай, Индия и т.д. Мы понимаем его как великое духовное возрождение азиатско-отсталых стран. Он должен прийти, этот азиатский ренессанс, ибо идеи коммунизма бродят призраком не столько по Европе, сколько по Азии, ибо Азия, понимая, что только коммунизм освободит ее от экономического рабства; использует искусство как боевой фактор. Итак, грядет новый Рамаян. Азиатский ренессанс — это кульминационная точка эпохи переходного периода. И опираться на азиатскую экономическую отсталость нечего.

... Но представляем ли мы пролетарское искусство как единый художественный монолит? Отвечаем: «нет»! Оно зависит от тех же законов, что и буржуазное. Школы, направления — это его этапы, по которым оно будет идти к вершинам своего совершенства. Эпоха европейского возрождения захватила больше столетия. Великий азиатский ренессанс протянется на несколько столетий... За это время должны появиться не одна школа и не одно направление. А потому болтовня об «абсолютном» реализме пролетарского искусства, на наш взгляд, совершенно необоснована. Для

азиатского ренессанса будут характерны несколько периодов. Для периодов будет характерно то или иное художественное направление. Пролетарское искусство пройдет этапы: романтизма, реализма и т. д. Это — замкнутый круг законов художественного развития.

И когда теперь мы спрашиваем себя, какое направление должно характеризовать и характеризует наш период переходной эпохи, то отвечаем: — романтика витаизма (vita — жизнь).

Ныне наш период бросает все силы на борьбу с ликвидаторскими настроениями по отношению к искусству. Сегодня наш лозунг: «vita!». Мы прекрасно понимаем, что пролеткультовский лэфовский (он же «прафовский») псевдоклассицизм независимо от себя играет роль идеолога нового рантье. И мы беремся за клинок романтической шпаги. Как в свое время французские парнасцы, первые реалисты и т. д. Готье, Леконт де Лиль, Бодлер, Флобер пошли походом против разных Ожье, что так реально воспевали канареечного буржуа, так и мы, «олимпийцы», не можем молчать, когда видим вокруг себя бездарных, симптоматических «енко».

... Романтику витаизма создают не «енко», а коммунары. Она, как и всякое искусство, для развитых интеллектов. Это сумма нового созерцания, нового мироощущения, новых сложных вибраций. Это искусство первого периода азиатского ренессанса. С Украины оно должно переброситься во все части света и сыграть там не домашнюю роль, а общечеловеческую.

... Но тут же мы предупреждаем: — если мы придаем своему искусству боевое значение, то это вовсе не означает, что мы понимаем под этим поток рифмованной «боевой» графомании, что пронесся недавно по нашей территории. Чтобы творить настоящее боевое искусство, нужно чувствовать свою эпоху, нужно знать, что она больна. Мы, например, одну «Бурю» Тычины или одну «Коммуну» Иогансона не променяем на все возы стихов, что скрипят по большому тракту в город. Мы, например, одну искреннюю новеллу не променяем на все просвитянские мешки рассказов.

Мы, «олимпийцы», не только ощущаем запах наших дней, но и анализируем всю сложность переходного

периода. Наш лозунг — бей и себя и других «свиньей». Будируй общество, не дай ему заснуть. Наш лозунг — выяви двойственность человека нашего времени, покажи свое подлинное «я». Это тебе даст возможность идти дальше, потому что, если ты не просвитель, то будешь протестовать против того строя, который воспитал тебя, а именно — против капитализма. Но тут нас упрекнет с ядовитой иронией один из «енко».

— Какой же ты революционер, если в тебе «кололось „я“»?

Отвечаем с удовольствием и как раз о «если»:

— Если ты просвительская колода, то конечно, без топора еще век пролежишь. А если ты человек, то «бытие определяет твоё сознание». Тебя, как говорит известный и неплохой марксист, «не спасет и архипролетарское происхождение». Если ты революционер — ты не раз расколешь своё «я». А если ты обыватель и служишь, допустим, в каком-нибудь департаменте, то хотя ты объективно и имеешь тенденцию быть царем природы, но субъективно ты — гоголевский герой. Дело только в том, быть ли тебе Акакием Акакиевичем или держимордой. Тут есть выбор.

Такая, как видите, сложная ситуация, что касается пролетарского искусства.

... Что такое Европа?

Европа — это опыт многих веков. Это не та Европа, которую Шпенглер объявил «на закате», не та, что гниет, к которой вся наша ненависть. Это Европа грандиозной цивилизации, Европа Гете, Дарвина, Байрона, Ньютона, Маркса и т.д., и т.д. Это та Европа, без которой не обойдутся первые фаланги азиатского ренессанса. И если Зеров знает эту Европу (а он ее знает), то мы ему протягиваем руку.

Так мы смотрим на Европу. Так мы смотрим на просвиту. Что же тогда — Европа или просвита? — Для искусства — только — Европа.

*Про демагогическую водичку или настоящий
адрес украинской вороницы, свободная конкуренция,
ВУАН и т.д.*

(Третье письмо к украинской молодежи)

... Воистину демагогия! Но Вам, Сергей Владимирович (оппонент Хвылевого Пилипенко — ред.) не к лицу оперировать ею. Вы же прекрасно знаете, что Мопассан аж 30 лет ходил к Флоберу и лишь на 31-ом рискнул выступить с первым произведением. Почему же Вы не учите этому молодежь? Вы ж прекрасно понимаете, что вся та «массовая литература», которую Вы печатаете, и близко к искусству не лежала. Зачем же Вы науськиваете эту молодежь на Хвылевого? Зачем же Вы ее держите в темноте и не скажете ей, что одних только работ Ленина для художника очень и очень мало. Почему Вы не посоветуете ей обратиться к Зерову, который натолкнет ее на таких реакционеров как Вико, проф. Вишнер и т.д.?

... В последнем письме к Хвылевому Мыкола Зеров, принимая поданную нами идею азиатского ренессанса, говорит так:

— Я люблю всех сторонников «циклических теорий». Вера в цикличность знаменуется пафосом, трагизмом, эмоционально насыщена и потому захватывает.

Именно эту цикличность мы и предлагаем. Именно она и породит те «великие мысли и чувства», о которых говорит Воронский. Его же «бесконечный прогресс» ведет нас к «катафалку искусства», к панфутуризму, к ликвидаторским настроениям. Буржуазный цикл себя исчерпал и вошел в столкновения, и не Воронскому вывести его на радостный путь горения. В той же брошюре «Искусство как познание жизни» он слишком перегибает палку объективизма. Этим только и можно пояснить, что для Воронского немецкий экспрессионизм «упадочное» течение. Для нас не так: это тоже предтеча азиатского ренессанса. Ибо экспрессионизм — не дадаизм, не унанимизм Жюль-Роменовского, узенького «преображенного града», это тоже попытка дать циклическую теорию. И только потому, что он возник до прихода эры городских столкновений, теория не вошла в действительность

и дала лишь блестящую плеяду художников с эдшмидтовской волей и жадной жизни.

Итак, только циклическая теория имеет перспективы. Это не шпенглеровская теория целой системы — это циклическая теория одного искусства... Именно с юго-восточной республики коммун, именно из Советской Украины и пойдет то новое искусство, которого так ждет Европа.

... наш маэстро (Пилипенко — ред.) патетично доносит: «24 мая отозвалась на голос тов. Хвылевого цитадель украинского старого слова и украинских старых мыслей ВУАН и устроила диспут».

— Ну, и что из этого? Что это доказывает? Очевидно, только актуальность этого дела.

— Но подождите, — кричит маэстро. — «Устами Зерова фаланга попутчиков вот чего требует»:

— «Нужно допустить свободную конкуренцию в литературе, нужно прекратить протекционизм пролетарским организациям, потому что все это способствует карьеризму и спекуляции».

Вот видите, — говорит наш оппонент, — «политические рожки уже высунулись из сумы, даже пояснять совсем не приходится».

Разве? А вот мы думаем совсем наоборот, нужно и пояснить немного, так как «Олимп» тоже подписывается под утверждениями Зерова.

... «Мне кажется (пишет Н. Бухарин), что лучший способ погубить пролетарскую литературу, сторонником которой я являюсь, самый лучший способ перекрыть ей свет — это отречься от принципов свободной анархической конкуренции.

... Если же мы, наоборот, примем точку зрения, что литературой должна руководить государственная власть и она будет пользоваться разного рода привилегиями, то, безо всякого сомнения, мы таким образом перекроем свет пролетарской литературе.»

Теперь понятно, почему мы соглашаемся с Зеровым? Мы не хотим «перекрыть свет пролетарской литературе». Субсидии и протекционизм нужны рабселькоровским организациям, а не художественным. Об этом мы уже давно говорили. Меценатство в искусстве мы мыслим как помощь отдельным

индивидуальностям. Покровительство группе возможно только тогда, когда это группа состоит из испытанных художников.

... Тут кстати еще несколько слов о Европе: даже наши друзья еще не понимают нас — когда мы говорим о Европе, то мы имеем в виду не только ее технику. Голой техники нам мало: есть что-то более серьезное, чем она. И вот: мы понимаем Европу также и как психологическую категорию, которая изгоняет человечество из «просвиты» на большую дорогу прогресса.

... Итак, Зеровых мы должны использовать не только по линии техники, но и в направлении психологии. Уже один тот, на первый взгляд незначительный, факт, что они так упорно «против течения» переводят римлян, дает нам право видеть в них настоящих европейцев. Зеровы почувствовали запах нашей эпохи и познали, что новое искусство должно обратиться к образцам античной культуры. Азиатский ренессанс — это эпоха европейского возрождения плюс несравненное, бодрое и радостное греко-римское искусство. Не удивительно, что даже в буржуазной Франции возник недавно неоклассицизм. Для романтики витаизма неоклассицизм так же нужен, как и сама вера в правду великого азиатского ренессанса.

... Нужно ли резюмировать? Мы думаем, не надо. Но мы и в этом письме обращаемся к юной молодежи: Камо грядеши? Библейская мудрость говорит: если идут двое слепых, то оба попадут в яму. Воистину, не за художественным авторитетом тов. Пилипенко идти молодым художникам: их ожидает разочарование. С «Олимпом» совсем не то: — мы отбрасываем малороссийщину, «просвитянщину» и прочую бесперспективную узость и зовем к неведомым горизонтам прекрасного азиатского ренессанса. Мы зовем творить то искусство, которого так ждет Европа! Мы знаем: — тяжек наш путь и большой груз берем мы на себя. Зато — это радостный путь пьянящей борьбы, путь, убегающий в будущее за багряным конем нашей гениальной революции.

Скажите же, юные:

— Камо грядеши?

ЕВРАЗИЙСКИЙ РЕНЕССАНС И ПОШЕХОНСКИЕ СОСНЫ*

«Крик среди полуночи на глухой околице» — я не знал слов, лучше характеризующих наш литературный спор этого года, а точнее — письма Хвылевого, что дали тому повод¹. Можно сказать и иначе — как сказал на диспуте Могилянский: «В комнате, где было так душно, дышать становилось трудно, вдруг открыли окна, и легкие сразу почувствовали свежий воздух». Правда, между первым и вторым определением разницы по сути нет. Но что самое интересное: так чувствуем не только Могилянский и я, которого Ю. Якович любезно, хотя и безосновательно, относит к литературной правой (в наших безнадежно запутанных отношениях литературных «правая, левая где сторона?»). Так чувствуют и иные люди — те, что причисляют себя к самым левым из левых. В статье Гадзинского, напечатанной в 9-м номере «Життя й Революції», читатель может встретить те же слова («Спасите! задыхаемся! свежего воздуха!»), сказанные уже от имени «более живых элементов» современной литературы.

Нельзя не назвать это явление знаменательным. Это означает (хотя всё еще говорят и, наверняка, будут говорить о том, что Хвылевый впадает в ересь и, «в унисон с правыми», демонстрирует неверие в «творческие силы рабоче-крестьянского молодняка», что Хвылевый считает, «будто писателем может быть лишь гений» и потому: «тысячеголовые сопливцы, не суйтесь в литературу!») лишь то, что в этих его статьях должны ощутить все, кто только мыслит и чувствует:

*Перевод с украинского статьи Мыколы Зерова из журнала «Життя й Революція», № 11, 1926 г., сс. 67-72.

Мыкола Зеров (1890-1937?) — выдающийся украинский поэт-неоклассик, переводчик античной поэзии, эссеист и литературный критик. Арестован в 1935 г., погиб в Соловецком концлагере.

1. М. Хвылевый. «Камо грядешин». Харьков, 1925 г.

это их волнения и тревоги за будущее нашей литературы. И нужно в нылу борьбы окончательно подавить в себе способность ориентации и чувство справедливости, чтобы назвать маловеком писателя, перед глазами которого стоит, порожденная событиями революции, выношенная в возбужденном сознании активного ее работника, картина культурного ренессанса. Что ж это за маловеком, если он открывает такие широкие перспективы и с такой тоской протягивает к ним руки: «Приходи, наступи, новое возрождение!..» И даже, если бы на Хвyleвoгo и находили порой минуты сомнений и колебаний, то, думаю, мои оппоненты милостиво согласятся со мной, что это и есть то испытание, в котором всегда закаляется убеждение, и что во сто крат выше стоит человек, в котором вечная тревога мысли рождает иногда сомнения, чем те люди, плоские и уверенные, что выучили катехизис и тем самым раз и навсегда избавили себя от угрозы сомнения и поиска.

Но вышеупомянутые нападкИ на Хвyleвoгo теряют под собой всякую почву еще и потому, что все его сомнения аж никак не расшатывают основных устоев наших революционных литературных объединений — их веры в культурнотворческий потенциал новых общественных групп, что уже пришли и должны еще развернуться. Радостный и светлый горизонт культурно-исторических видений Хвyleвoгo лишь временно затуманен одним обстоятельством — справятся ли нынешние литературные объединения, при нынешних методах их работы, с безгранично сложными задачами, которые они должны решать? сможем ли вообще мы, люди переходной эпохи, не изменив условий литературной жизни, взять тот тон, которого требует наша роль и наша ответственность? «Глубокими бороздами» ложатся года, разрушено многое из нажитого и много чего из необходимого поросло травой забвения. Рушится старая школа: культурный сосняк, посаженный возле нее, разросся в настоящую тайгу и закрыл вид даже на чумацкий путь Сагайдак, «до уезда 60, до станции 80», и в учительском жилище самогонный аппарат, и все ж таки этот глухой путь выходит где-то на широкую дорогу истории. Неизменной остается «старая истина земли — солнце встает на востоке». И целина таит в себе великие силы, нужно лишь знать, как эти силы пробудить к жизни...

Из подобных соображений исходит и Хвылевый. Мы должны широко и основательно познакомиться с культурными достижениями других народов, со всем, что может расширить и оплодотворить наш собственный опыт. Мы должны усвоить высшую культуру нашего времени не только в последних ее проявлениях, а и в ее основах, так как без понимания основы мы останемся «вечными учениками», которые никогда не смогут сравняться с учителями. Вот что говорит сам инициатор дискуссии импрессионистским своим намеком на Европу и более поздними к своему лозунгу комментариями.

Этот же вопрос встал и на киевском диспуте 24 мая 1925 года. Тогда как одни боялись, что лозунги Хвылевого (тогда еще не проясненные второй его статьей) наша примитивность поймет как призыв к поверхностному подражанию Европе, а другие, вооружившись молодецким задором, собирались ту Европу завоевать, — я попытался показать, что Европа у Хвылевого «фигурирует как символ почтенной культурной „традиции“ и как стимул к повышению „нашей собственной квалификации“». Эту мысль потом подтвердили и развили последующие статьи Хвылевого...

Значит, не будем чураться и старой Европы, и буржуазной и даже феодальной. Не будем бояться ее психологической заразы (кто знает, может пролетарию лучше уж заразиться классовой ограниченностью западноевропейского буржуа, чем вялостью русского «кающегося дворянина»), будем осваивать источники европейской культуры, ибо должны их знать, чтобы не остаться навсегда провинциалами. И на обращенное к юной молодежи «Камо грядеши» Хвылевого ответим: «Ad fontes!». То есть, пойдём к первоисточникам, дойдем до корня.

Разумеется, требование знать источники безмерно усложняет учение... Изучая великих мастеров, всегда проникаешься ощущением собственной своей малости («Poeta semper tūo», говорил Франко, когда вырос как художник и, наверняка, забыл свою юношескую фразу о «дураке» Флобере) — а это благодатное ощущение в большой мере ослабляет ту самовлюбленность, которой страдают чаще всего «непризнанные гении». Матюша Тобилевича в «Суете» считает себя гением, может, только потому, что ни

разу не видел человека, который бы выучил до конца «Гуси» Крылова...

... Смешно, но мне, например, довелось раз услышать, что Зеров «разложил» Хвелевого, писателя самостоятельной и затаенной мысли, — неважно, что все мысли Хвелевого выросли в нем и отстоялись в формулах еще тогда, когда ни Зеров Хвелевого, ни Хвелевый Зерова не знали.

Но пора подводить итоги. Такие простые они и так давно сформулированы. Думаю, что для развития нашей литературы нужны три вещи:

1). Освоение великого опыта, т. е. хорошее литературное образование писателя и упорная систематическая работа с переводами. 2). Уяснение нашей украинской традиции и переоценка нашего литературного наследия (эту тему я еще надеюсь затеть в другой раз) и 3). Художественная взыскательность, повышение технических требований к начинающим писателям.

Революция открыла широкие перспективы для украинского культурного развития. После 1917 г. не удавалась ни одна попытка загнать его в более тесные пределы. И теперь, когда лозунг украинизации звучит полным звуком, новые общественные силы, призванные ликвидацией старого строя к общему руководству, должны наше культурное творчество поставить в такие условия, чтобы раз навсегда отошли в прошлое старые, такие точные слова Семенко:

Взагалі! — чого я прибув сюди, в Київ?

Місто досить нудне...

І не знати, чи це ти в парк попав,

Чи десь в селі між чумаків...

Нема нічого більш прекрасного,

Як сьогоднішній день.

Я не дожену його тут.

Кожного дня я зостаюсь ззаду

Тут, між своїми.

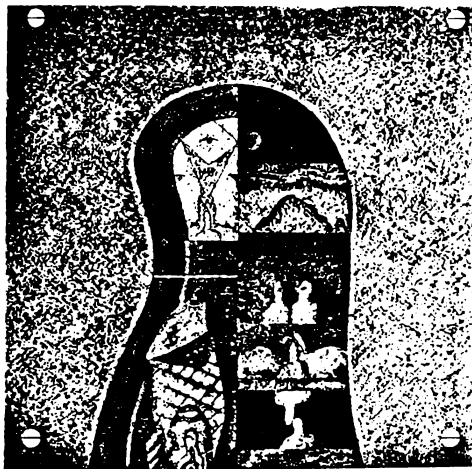
Это было точно и сильно в 1918-1919 гг., когда и у соседей была пауза в культурном творчестве. Насколько ж уместнее это теперь, когда у русских, например, — о поляках не говорю из-за нехватки хорошей информации — так широко развернулась книжная продукция, театр, музыка и т.д. И так

досадно, когда подумаешь, что нам трудно с ними равняться. И не только потому, что у нас меньше людей и запасов, а и потому, что у нас еще не создана соответствующая культурная атмосфера. На самом деле: солнце встает на востоке и нельзя не верить, что мы вышли на широкий путь истории, а тем временем повсюду — следы застарелой «малороссийщины», провинциальности — и — «галици свою річ говаряхуть» (черта запустения: провинциальный город, закрытые ставни, тихо, — и только галки кричат). И ровным шумом тужит «несибирская тайга», что выросла из культурного когда-то сосняка:

«Ох, вы сосны мои — азиатский край».

1926 г.

*Новая книга
«Сучасности»:*

ЕММА АНДІЄВСЬКА

ВІГЛІ

ИСТОРИЯ

Михайло Грушевский

ОБЫЧНАЯ СХЕМА «РУССКОЙ» ИСТОРИИ И ВОПРОС РАЦИОНАЛЬНОГО УПОРЯДОЧЕНИЯ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОГО СЛАВЯНСТВА*

Начатое организационным съездом русских филологов дело рационального упорядочения истории славянства в задуманной Славянской энциклопедии дает мне повод поставить вопрос о схеме истории восточного славянства. Я не раз уже обращался к теме нерациональностей в обычной схеме «русской истории», теперь хотел бы обсудить этот вопрос несколько полнее.

Общепринятая схема русской истории всем известна. Она начинается с предистории Восточной Европы, обычно с неславянской колонизации, потом идет речь о расселении славян, о формировании Киевской державы; история ее доводится до второй половины XII века, потом переходит к великому княжеству Владимирскому, от него в XIV веке к княжеству Московскому, прослеживается история Московского государства, потом империи, а из истории украинско-русских и белорусских земель, что остались за пределами

* Перевод с украинского статьи, напечатанной впервые в сборнике «Статьи по славяноведению» (издание Императорской Академии Наук, Петербург, 1904, сс. 298-304). Опубликована в кн. «Найвидатніший історик України Михайло Грушевський», «Сучасність», 1986.

Михайло Грушевский (1866-1934) — выдающийся историк, общественный и политический деятель Украины, автор многотомной «Истории Украины-Руси», руководитель Украинской Центральной Рады, первый президент Украинской Народной республики. В 1924 г. вернулся из эмиграции на Украину, возглавил историческую секцию Украинской Академии Наук. В 1931 г. арестован и обвинен в «буржуазном национализме». Освобожден, но вынужден был переехать в Москву.

Московской державы, иногда берутся некоторые наиболее важные эпизоды (как государство Даниила, образование Великого княжества Литовского и уния с Польшей, церковная уния, войны Хмельницкого), иногда не берутся совсем, но в любом случае после присоединения к российской державе эти земли перестают быть предметом такой истории.

Схема эта старая, ее начало в историографической схеме московских книжников, и в основе ее лежит идея генеалогическая — генеалогия московской династии. С началом научной историографии в России эту схему положили в основу истории «Российского государства». Позже, когда основная тяжесть была перенесена на историю народа, общества, культуры, и «русская история» стала приближаться к тому, чтобы стать историей великорусского народа и его культурной жизни, сохранилась та же схема в главных своих моментах, только стали устранять отдельные эпизоды, чем дальше, тем больше. Ту же схему, в простейшей форме, приняла наука «истории русского права», сложившаяся из трех отделов — права Киевского государства, московского и имперского.

В силу таких традиций, благодаря длительному применению этой схемы, к ней привыкли, и ее недочеты, нерациональности не вызывают горечи, хотя она полна таких нерациональностей и очень серьезных. Я укажу на некоторые, не имея претензии выявить их все.

Прежде всего, очень нерационально связывать старую историю южных племен, Киевского государства, с его общественно-политическим укладом, правом и культурой, с Владимиро-Московским княжеством XIII-XIV вв. так, будто одно было продолжением другого. Это простительно было московским книжникам — для них достаточно было генеалогической преемственности, но современная наука ищет генетическую связь и не имеет права связывать «киевский период» с «владимирским периодом», как их необоснованно называют, в стадии одного и того же политического и культурного процесса. Мы знаем, что Киевское государство, право, культура были творением одной народности — украинско-русской, Владимиро-Мос-

ковское — другой, великорусской.¹ Эту разницу хотела бы стусевать Погодинская теория, заселив Поднепровье X-XII вв. великороссами и приказав им потом, в XIII-XIV вв., оттуда эмигрировать, но я сомневаюсь, что кто-нибудь захочет защищать старую историческую схему при помощи этой рискованной, всеми почти оставленной теории. Киевский период перешел не во владими́ро-московский, а в галицко-волынский XIII в., потом литовско-польский XIV-XVI вв. Владимиро-Московское государство не было ни наследником, ни продолжателем Киевского — оно выросло на собственном корне, и отношение к нему Киевского государства можно было бы скорее сравнить, к примеру, с отношением Римской державы к ее гальским провинциям, чем с преемственностью двух периодов в политической и культурной жизни Франции. Киевское правительство пересадило в великорусские земли формы общественно-политического устройства, право, культуру, выработанные исторической жизнью Киева, но на этом основании нельзя включать Киевское государство в историю великорусской народности. Этнографическая и историческая близость народности украинской к народности великорусской — не причина, чтобы их смешивать; они жили своей жизнью помимо своих исторических столкновений и встреч.

Тем временем, вследствие пристегивания Киевского государства к началу государственной и культурной жизни великорусского народа, — что же мы видим? История великорусской народности остается, собственно, без начала. История формирования великорусской народности до сих пор остается невыясненной потому, что эту историю начинают проследживать с середины XII в., и за киевским началом свое собственное начало очень неясно представляется людям, учившим «русскую историю». Не проследживается подробно из-за процесса рецепции и модификации

1. Это сознание начинает понемногу проникать в науку. Довольно ясно высказывает эту мысль составитель «Русской истории с древнейших времен», изданной московским кружком помощи самообразованию (Москва, 1898), д-р Сторожев; он специально подчеркивает, что «Русь днепровская и Русь северо-восточная — два совсем разных явления; историю их создают две самостоятельные части русской народности». Лучше сказать — две народности, чтобы избежать обольщений, связанных с теорией «единства русской народности».

на великорусской почве киевских общественно-политических форм, права, культуры; в тех же формах, какие они имели в Киеве, на Украине, их попросту включают в инвентарь великорусского народа, «Русского государства». Фикция «киевского периода» не дает возможности соответственно представить историю великорусской народности.

Потому что «киевский период» присоединяют к государственной и культурной истории великорусского народа, остается без начала и история украинско-руськой народности. Поддерживается старое представление, что история Украины, «малорусского народа» начинается только-только с XIV-XV вв., а что до того — это история «общерусская». Эта «общерусская история» опять-таки сознательно и несознательно на каждом шагу подменяется понятием истории, государственной и культурной, великорусского народа, и в результате украинско-русская народность выходит на арену истории в XIV-XVI вв. как что-то новое мол, не было ее до того или же не было у нее исторической жизни.

В конце-концов история украинско-руськой народности осталась не только без начала, а в виде каких-то кусочков, disjekta tembra, не связанных между собой органично, разделенных пробелами. Единственный выделяющийся момент, четко остающийся в памяти, — это казачество XVII века, но очень сомневаюсь, чтобы кто-то, кто учился «русской истории» по обычной схеме, мог бы связать его в своем представлении с более ранними и более поздними стадиями истории украинской народности, ощущал бы эту историю в ее органичной целостности.

Еще хуже выглядит на этой схеме народность белорусская — она пропадает совсем за историей государств Киевского и Владимиро-Московского или даже за Великим княжеством Литовским. Тем не менее, хотя она не выступает в истории нигде как элемент творческий, роль ее немаловажна — укажу хотя бы на значение ее в формировании великорусской народности, или в истории Великого княжества Литовского, где прежде всего ей, среди славянского населения этого государства, принадлежала ведущая, в отношениях с намного ниже развитыми литовскими племенами, культурная роль.

Включением в «русскую историю» Великого княжества Литовского хотели поправить односторонность и неполноту традиционной ее схемы. В истории, кажется, первым эту мысль с нажимом преподнес Устрялов, а Иловайский, Бестужев-Рюмин и др. пробовали преподавать параллельно историю «Руси западной», т. е. Великого княжества Литовского, и «Руси восточной», т. е. Московской державы. В науке истории права необходимость включения Великого княжества Литовского пропагандирует школа проф. Владимирского-Буданова, хотя она не предложила еще ни общего курса «истории русского права», куда было бы включено Великое княжество Литовское, ни особого курса права этого последнего.

Это поправка, но она сама нуждается в различных поправках. Великое княжество Литовское было телом очень гетерогенным, неоднородным. В новейшей науке легкомысленно относятся, а иногда совсем игнорируют значение литовской стихии. Наблюдение за преемственностью права старорусского с правом Великого княжества Литовского, за ролью славянского элемента в процессе создания и развития Великого княжества Литовского привело современных исследователей внутреннего устройства этого государства к крайностям, из-за чего они совсем игнорируют элемент литовский — даже не ставят вопроса о его влиянии, хотя, безусловно, мы должны считаться с таким влиянием на право и устройство Великого княжества Литовского (укажу, хотя бы лишь *exempli gratia*, на институт «коймынцев»). Помимо этого (оставим элемент литовский), — сам славянский элемент Великого княжества Литовского неоднородный: мы имеем здесь две народности — украинско-руськую и белорусскую. Украинско-руськие земли, за исключением Побужья и Пинцины, были довольно-таки механически связаны с Великим княжеством Литовским, находились в нем несколько в стороне, жили своей местной жизнью, и с Люблинской унией перешли непосредственно в состав Польши. Наоборот, белорусские земли очень тесно были связаны с Великим княжеством Литовским, оказывали на него большое влияние — в общественно-политическом устройстве, праве, культуре (и, с другой стороны сами попадали под очень сильное влияние общественно-поли-

тического и культурного процесса Великого княжества Литовского) и остались в нем до конца. Таким образом история Великого княжества Литовского намного теснее связана с историей белорусской народности, чем с украинско-русской, которая ощущала довольно значительное влияние его истории, но очень небольшое влияние оказывала сама (только опосредованно, поскольку белорусская народность передавала право и культуру, насаждаемые Киевским государством; также опосредованно, через политику литовского правительства, украинско-русская народность принимала не раз то, что шло от белорусов, — например, белорусские элементы договорного языка, принятые правительством).

Итак, включение истории Великого княжества Литовского в «русскую историю» не заменит прагматичного представления истории народностей украинско-русской и белорусской. Для исторического представления общественного и культурного процесса украинско-русской народности достаточно указать на несколько моментов из истории Великого княжества Литовского, которые имели для нее непосредственное значение.² Больше из нее вошло в историю белорусской народности, но полностью включать историю Великого княжества Литовского в «русскую историю» нет причин, если при этом иметь в виду не «историю России», т. е. историю всего того, что когда-нибудь происходило на ее территории, и всех народностей и племен, которые ее населяли (так программу истории, кажется, теперь никто не ставит, хотя ставить так можно), а историю народностей русских, или восточнославянских³. (использую иногда этот

2. В таком духе я пытался использовать историю Великого княжества Литовского в IV томе «Истории Украины-Руси», который охватывает период с середины XIV в. до 1569 г.

3. Один из наиболее выдающихся современных систематиков проф. Будонов считает предметом науки русского права право «русского народа», а не Российского государства, и потому исключает из нее национальное право нерусских народностей России и считает его интегральной частью права русских народностей, не входивших в состав Российской империи. Такую же точку зрения мы встречаем и у других исследователей, хотя она проводится не так последовательно, как у самого В. Буданова.

термин, чтобы избежать неясности и путаницы, которые вытекают из неодинакового применения слова «русский»).

Вообще, история государственных организаций играет все еще слишком большую роль в представлении «русской истории» или истории восточного славянства. В теории давно признано, что основная тяжесть должна быть перенесена с истории государства на историю народа, общественности. Политическая, государственная жизнь, разумеется, — фактор важный, но рядом с ним существуют и другие факторы — экономический, культурный, имеющие иногда меньшее, иногда большее значение, чем фактор политический, но которые ни в коем случае не должны оставаться в тени. Из руських или восточнославянских племен государство имело наибольшее значение, было наиболее тесно связано с жизнью народа у народности великорусской (хотя и здесь за пределами национального, Владимиро-Московского государства мы видим такие важные явления, как новгородско-псковская вечевая жизнь). Украинско-руськая народность ряд столетий живет без национального государства, под влиянием разных государственных организаций, — это влияние на ее национальную жизнь необходимо будет определить, — но политический фактор в ее истории сходит в период этих безгосударственных столетий к подчиненной роли при факторах экономических, культурных, национальных. То же можно сказать и о народности белорусской. Для последней великорусское национальное государство становится историческим фактором по сути только с 1772 г. На историю Украины она начинает оказывать влияние столетием раньше, но только одним краем. Исключительное, особенное значение, которое имеет история великорусского государства в современной схеме «русской истории» имеет собственно следствием подмену понятия истории «русского народа» (в смысле руських, восточнославянских народностей) понятием истории великорусского народа.

Вообще, в том, что называется «русской историей», я вижу комбинацию или, точнее, конкуренцию нескольких понятий: истории Российского государства (формирования и развития государственной организации на ее территории), истории России (т. е. того, что было на ее территории),

истории «русских народностей» и, наконец, истории великорусского народа (его государственной и культурной жизни). Каждое из этих понятий, если быть последовательным, может быть вполне оправданным предметом научного представления, но при такой комбинации различных понятий, полного представления, последовательного проведения не получает ни одно из них. Больше всего входит в схему «русской истории» элементов из понятий истории Российского государства и великорусского народа. С относительно небольшими изменениями и купюрами она может быть переделана в последовательно и полно проводимую историю великорусского народа. «Честь и место» истории этой наибольшей из славянских народностей, но уважение к ее первенству и важной исторической роли не исключает потребности в столь же полном и последовательном представлении истории других восточнославянских народностей — украинско-руської и белорусской. Историю восточного славянства не заменит история великорусского народа, его государственной и культурной жизни, и никакие мотивы не дадут права игнорировать историю белорусской и, еще меньше, украинско-руської народностей, или заменить их повыдерганными и подшитыми к истории великорусского народа кусками, как это практикуется теперь. В конце концов, как только «русская история» будет искренно и последовательно реформирована в историю великорусского народа, его государственной и культурной жизни, так и история украинско-руської и белорусской народностей, я уверен, сами собой окажутся на очереди и займут соответственное место рядом с великорусской. Но для этого прежде всего необходимо распрощаться с фикцией, что «русская история», подменяемая на каждом шагу великорусской, — это история «общерусская».

Такой взгляд удерживается еще довольно прочно, хотя, по-моему, он (там, где не прислуживает политике) является пережитком старомосковской историографической схемы — пережитком, который в какой-то мере приспособлен к новейшим историческим требованиям, но в своей основе остается нерациональным. История великорусская (в такую превращается «русская история с XII—XIII вв.), с украинско-

руським (киевским) началом, пришитым к ней, — это всего лишь уродливая, неестественная комбинация, а не какая-то «общерусская» история. По сути «общерусской» истории и не может быть, как нет и «общерусской» народности. Может быть история всех «русских» народностей, если кому-то охота их так называть, или же история восточного славянства. Она и должна занять место нынешней «русской истории».

Я не имею намерения в деталях излагать схему такой новой конструкции истории восточного славянства. Пятнадцать лет я специально занимаюсь историей украинско-руської народности и разрабатываю ее схему как в общих курсах, так и в более специальных исследованиях. По этой схеме составляю я свою историю Украины-Руси, и в таком же виде представляю себе историю «русских» народностей. Не вижу трудностей, чтобы подобным же образом была создана история белорусской народности, даже если бы она оказалась намного меньшей, чем история украинско-русская. История великорусской народности почти готова — нужно только разработать ее собственное начало, вместо пришитого к ней теперь киевского начала, и очистить от разных эпизодов из истории Украины и Белоруссии — это уже и так почти сделано историками великорусского народа и его общественности.

Наиболее рациональным кажется мне представление истории каждой народности отдельно, в ее генетической преемственности от начала и до наших дней. Это не исключает возможности представления синхронного, подобно тому, как составляются истории всемирные, в интересах освещения материала, в педагогических, так сказать, целях.

Это детали, и они меня интересуют мало. Главные принципы: нужно преодолеть нынешний эклектичный характер «русской истории», сшивание в одно эпизодов из истории разных народностей и последовательно изложить историю восточнославянских народностей, поставив историю государственной жизни на соответствующее место в один ряд с другими историческими факторами. Думаю, что и сторонники нынешней исторической схемы «русской истории» признают, что она не идеальна и что в своих замечаниях я

исходил из ее действительных недостатков. Понравятся ли им принципы, которые я хотел бы положить в основу ее реконструкции, — это уже другой вопрос.

Во Львове, 9. IX. 1903

Новая книга:

НЕУСТОЙЧИВОЕ РАВНОВЕСИЕ:
ВОСЕМЬ РУССКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ
ТЕКСТОВ

Томас Венцлова

NEW HAVEN
YALE CENTER FOR INTERNATIONAL AND AREA STUDIES
1986

«ИСКОННЫЕ НАЧАЛА» И «ТРЕБОВАНИЯ ЖИЗНИ» В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОЕ*

Всякий, кто читал журналы, газеты или даже правительственные распоряжения за последнее время, конечно, заметил, что в них ведется жаркий спор об очень важном предмете. Должен русский государственный строй развиваться или не должен? Если должен, то следует ли развивать государственные порядки в духе «исконных начал» или же в духе «требований жизни»?

Те, кто стояли за сохранение «исконных начал», называли себя настоящими «русскими людьми» и настойчиво утверждали, что русские государственные порядки менять нельзя, потому что без них «Русь уже не будет Русью». Они уверяли, что русская форма политического устройства — есть что-то совсем особое, никогда и нигде небывалое; что она самым тесным образом связана с русской историей и с русским народным духом, а потому и должна остаться неизменяемой на вечные времена. Уверения этих людей теперь уже опровергнуты не рассуждениями, а самим делом. Закон 6-го августа 1905 года о «Государственной Думе» ввел в русские порядки такую большую и важную перемену, что теперь уже нельзя говорить, будто в этих порядках ничего менять нельзя. И в манифесте, изданном при этом законе, объяснено, что жизнь непременно потребует и дальнейших перемен, которые Государь не преминет ввести, как только в них окажется надобность.

И действительно, это мнение, будто русская политическая форма должна оставаться вечной и неизменной,

*Павел Миллюков (1859-1943) — известный русский общественный и государственный деятель, лидер кадетской партии. Во Временном правительстве занимал пост министра иностранных дел. После гражданской войны эмигрировал. «Исконные начала...» были впервые опубликованы в Ростове в 1905 г.

придуманно очень давно, лет 60-70 тому назад, и теперь уже совсем устарело. В то время науки о политических формах и об их развитии еще почти не было; правда, и тогда можно было прочесть у писателей прежних времен совсем обратное: например, греческий философ Аристотель или итальянский писатель Вико уже давно утверждали, что нигде, ни в каком обществе политическая форма устройства не может считаться неизменной. Она всегда меняется, как только меняется состав общества, или влияние переходит от одного класса к другому. В наше время наука о составе общества и о переменах в нем (так называемая «социология») сделала такие большие успехи, что в неподвижность и в неизменность государственных форм никто больше не верит. Но тогда, три четверти века тому назад, было иначе. Тогда думали, что в государственной форме отражается «дух народа» и что у каждого народа должен быть свой особый «дух», и вся история народа только в том состоит, что его коренной исконный «дух» находит себе свою особенную форму. Поэтому и выходило, что каждый народ прикован к своим исконным «началам» и не может от них оторваться — как не может отделаться от своего «духа». Теперь так не думают. Конечно, у каждого народа есть что-нибудь свое, особое, непохожее на другие народы. Но есть у всех народов очень много и одинакового. У народов бывает так же, как и у отдельных людей. Иван не похож на Петра, но и Иван и Петр, наверное, каждый день ложатся спать и встают, едят и пьют; оба в свое время бывают молоды, потом женятся, потом стареют и умирают. И если мы все перечислим, что у всех людей так же, как и у всех народов бывает одинаково, то, может быть, окажется, что этого одинакового у них гораздо больше, чем различного, непохожего.

Таким образом и перемены в политическом устройстве как раз оказываются — в главных чертах — довольно сходны у всех просвещенных народов. Социология показала, что всякое человеческое общество непременно проходит через три ступени в своем развитии. Первая ступень — это быт племенной, в которой государства еще нет, и люди связаны между собой кровной связью — родством либо настоящим, либо придуманным. На второй ступени является уже государственная связь, но она еще очень некрепка, и вместо

целого большого государства, — общество раздроблено на множество маленьких, в которых господствуют крупные собственники, завладевшие общинными и племенными землями и вооружившие своих слуг, чтобы вместе с ними защищать своих подданных и нападать на чужих. Эта вторая ступень называется феодальным бытом. На третьей ступени один самый сильный или самый ловкий хищник уничтожает или покоряет остальных и подчиняет своей власти все население одного языка и одной веры, создавая таким образом единую нацию и организуя постоянное войско для защиты государства. Эту третью ступень и можно назвать военно-национальным государством. Конечно, и это — не последняя ступень. Мало-помалу военная деятельность такого государства ослабевает, уступая место мирному развитию промышленности. Свободное развитие производительных сил требует и внутренней безопасности, не мирится с произволом и насилием и перестраивает все внутреннее устройство государства на твердой основе закона и права. Таким образом военно-национальное государство превращается в промышленно-правое.

Конечно, и Россия переживала те же ступени политического роста, как и все другие цивилизованные государства. Был и в ней племенной быт, но так давно, что о нем осталась только смутная память у историков. Был и феодальный быт, когда государственная власть была раздроблена между многими владельцами, которые скорее чувствовали себя большими помещиками, чем государями. Потом, наконец, четыреста лет с небольшим тому назад, Россия объединилась в руках одного владельца — московского князя, который с этих пор стал признавать себя государем и самодержцем* «всей Руси». Эта последняя политическая форма, стало быть, вовсе не была ни исконной, ни неизменной, и нет никаких причин думать, что на ней остановится политическое развитие России. Как и повсюду, наше военно-национальное государство постепенно превратится, и даже на наших глазах,

* «Самодержец» — слово, взятое с греческого языка («автократ»). Так называли себя византийские императоры, а по их примеру также некоторые цари южных славян — болгар и сербов. Заезжие оттуда архиереи приложили то же название и к московским князьям.

в промышленно-правовое. Учреждение Государственной Думы 6 августа 1905 года — есть большой шаг от одного к другому.

Понятно, что все эти перемены в России происходили не точка в точку так, как в других государствах. Но и в каждом другом государстве они тоже совершались непохоже на все другие государства. Так что и здесь наше государство не составляет какого-нибудь исключения из всех других. У нас главная разница была та, что не было таких крупных земельных владельцев, которые в других местах захватили все права государей и долго мешали разным частям нации слиться в одно государство. Другими словами, у нас феодальный быт был слабее. Произошло же это потому, что еще в племенном быту старейшины племен не успели расхватать общинных и племенных земель. Когда пришли на Русь первые князья, старейшины еще были слабы, и племена прямо подчинились князьям. И все крестьянские земли прямо считались княжеской собственностью; а когда понадобилось князьям составлять себе войска, они стали раздавать эти земли своим военным служащим, вместо жалованья. Таким образом и те крупные владельцы, которые потом появились на Руси, уже зависели от князя, были у него на службе. Тех немногих, которые были сильны и независимы, московские (особенно Иван III и Иван IV Грозный) князья смирили силой и земли у них насильно отняли. Поэтому им было легче основать национально-военное государство: гораздо легче, чем, например, литовским князьям, или польским королям, которые никак не могли справиться с крупными владельцами в своих владениях и принуждены были просить их помощи всякий раз, как нужны были их солдаты и деньги. Вот почему военно-национальное государство, основанное в России московскими великими князьями, оказалось сильнее, чем оно было в других местах. Оно выросло, и укрепилось на более продолжительное время. Но это не значит, конечно, чтобы военно-национальное государство всегда существовало на Руси и что оно должно было сохраниться на вечные времена. Напротив, русская форма в себе самой носила зародыш слабости. В сущности, она была сильна, главным образом, слабостью своих противников. Справившись с

ними очень легко, она не позаботилась принять мер, чтобы укрепить себя на случай будущих опасностей. Власть и сила все равно находились в руках московских князей: о чем же было еще заботиться?

В Западной Европе представители военно-национального государства рассуждали совсем иначе. Врагов у них было много — и враги не дремали. Поэтому мало было захватить власть: нужно было сберечь ее, а для этого надо было еще доказать, что они имеют право на эту власть. Надо было закрепить веру в это право: надо было, чтобы это право вошло в привычку и сделалось преданием. В этом помогли властителям европейских военно-национальных государств их адвокаты и судьи. Они припомнили, что по римским законам государь стоит выше всякого закона, что он сам живой закон — и поэтому неограничен. А римский закон всеми почитался и уважался, как самый умный; что скажет этот закон, считалось твердым и незыблемым. Поэтому и власть западных государей получила в римском законе твердую опору.

Московские государи ни о какой законной основе для своей власти не думали, пока им не пришлось столкнуться с западными государями. Они знали, что свою власть получили по наследству от «прародителей», и этого казалось им довольно. Только когда пришли к Ивану III послы от римского папы и от германского императора и наперерыв стали ему предлагать сделать его королем — таким же как был его сосед, король польский и литовский, в Москве стали думать, как бы повысить положение и титул московского великого князя. Дело в том, что как раз тогда Иван III предъявил права на «всю Русь», а половина ее была в руках у Литвы. Отставать от Литовского государя да и от самого цесаря германского было неловко. В Москве тогда адвокатов и юристов не было; единственными образованными людьми были архиереи — и то не свои, а заезжие с православного юга: греки и южные славяне. Как раз тогда взяли турки Константинополь и завсевали сербов и болгар. Все надежды были теперь на Москву; и приезжие архиереи охотно перенесли на московского князя все те великолепные титулы, которыми они привыкли величать своих прежних государей: византийского императора и царей сербских и болгарских.

Заезжие архиереи придумали, что теперь Москва будет «вторым Константинополем и третьим Римом», и решили, что московские князья происходят не от кого иного, как от римского кесаря Августа.

Сочинен был подробный рассказ о том, как один византийский император послал одному русскому князю царские украшения — прямо из Константинополя в Киев. В то время историю знали плохо и выдумка вышла не совсем удачно: император, про которого говорилось в рассказе (Константин Мономах), на самом деле умер, когда русскому князю (Владимиру Мономаху) было всего два года. Однако, рассказ пошел в ход. От константинопольского патриарха потребовали даже, чтобы он его подтвердил соборной грамотой; а когда тот прислал грамоту, не совсем подходящую к московской выдумке, — эту грамоту в Москве немножко подчистили и дело было сделано. Правда, выдумка московских архиереев не могла иметь такой крепкой законной силы, какую имели ссылки европейских адвокатов на римский закон, но эту разницу в Москве плохо понимали. Иначе, конечно, вместо того, чтобы выдумывать сказку, москвичи могли бы закрепить за собою законные права на византийский престол, которые тогда находились почти в их руках. Иван III женат был на наследнице последнего византийского императора, а прямой законный наследник готов был за дешевую цену отказаться от своих прав. Но в Москве деньги ценились дороже каких-то формальных прав на власть. Законный византийский титул был куплен французским королем Карлом VIII, а москвичи удовлетворились подложной византийской грамотой, в подлинности которой можно усомниться. Понятно, на такой документ ссылаться было неудобно. Хотя архиерейский рассказ и был вычеканен на царском троне, который и теперь стоит в Успенском соборе в Москве, а византийские украшения употреблены были при царском венчании, — однако же юридического оправдания новый царский титул, принятый московскими князьями в 1547 году, так и не получил. После торжественного венчания на царство, как и до него, московская власть продолжала опираться не столько на какое-нибудь новое право, сколько на прежнее — происхождение от «прародителей». И, конечно, это было

прочное право; но только оно не определяло как раз того, что московскому князю было всего нужнее. Конечно, власть его была получена по наследству, но какова она была? Каков был размер этой наследственной власти? По римскому закону, конечно, власть государя была неограничена, — но в Москве римского закона не знали. За отсутствием твердой опоры в законе, оставалась другая твердая опора, — в религии. Московские архиереи не были юристами, но зато они были тверды в вере, и поэтому царскую власть они основали на религиозном начале. Нового тут ничего не надо было придумывать, так как уже византийский император признавался помазанником Божиим и верховным покровителем церкви. Духовенство первое признало царя заместителем Божиим на земле. Даже самые ошибки государя, по этому учению, должны были переноситься покорно как Божие наказание за грехи. Однако, и в этом религиозном освящении власти была одна слабая сторона. Правило «нести власть, аще не от Бога» освящало собственно всякую власть: оно давало святость не лицу, а месту, учреждению все равно, кто бы ни занимал его. Когда 250 лет тому назад в Англии парламент вступил в спор с королем, то парламент тоже был властью и тоже считал, что его власть точно так же происходит от Бога, как и власть короля. Значит, религиозное доказательство не создавало никакого права для лица, а только поддерживало всякий существующий порядок и власть. Один писатель смутного времени обвинял тогдашних русских людей, что они «измалодушествовались», присягая без разбора всякому самозванцу, который захватывал престол и становился «предержавшей властью». Но эти люди только в точности повиновались религиозному требованию, не рассуждая, по какому праву то или другое лицо получило в свои руки власть: все равно всякая власть была от Бога и требовала повиновения.

Итак, одного религиозного освящения было мало для верховной власти; надо было найти для неё какое-нибудь законное право. Особенно нужно стало это с тех пор, как появился Петр Великий и произвел свои реформы. Многие русские люди считали, что реформы Петра были против веры, и никак не хотели поверить, чтобы такие реформы могли исходить от помазанника Божия. Они, напротив,

утверждали, что на русском престоле воссел Антихрист. Таким образом, сила веры в религиозную святость царской власти очень ослабела. В то же время Петр так круто отрезал себя от всего прошлого и так решительно отказался следовать примерам старины, что и основывать свою власть на обычаях «прародителей» он уже не хотел. Он и назвал себя совсем новым титулом «императора», подражая этим не византийскому старому титулу, которого уже 250 лет не существовало, а самому высокому титулу в тогдашней Европе: титулу германского (австрийского) императора. Для нового звания приходилось придумать и новые доказательства. И это было тем нужнее и тем легче, что никаких старых доказательств в русском законе не было.

Новые права придумал для Петра знаменитый Феофан Прокопович. Он написал по приказанию Царя книжку «Правда воли монаршей», в которой доказывал, что император имеет право сам изменять порядок наследования престола. Петру это понадобилось, чтобы устранить от престола своего сына Алексея, который был против его реформ. Феофан Прокопович ссылался в доказательство на «законы естественные», то есть такие законы, которым основа положена в самой природе человеческой, и которые «сами собой крепки», потому что «не может здравый разум человеческий иначе рассуждати». В то время самые знаменитые юристы в Европе ссылались уже не на римские законы, про которые прежде говорили, что их писал сам разум, они ссылались на самый разум, по которому в основе всякого права должны лежать «естественные законы». Прокопович взял свои рассуждения прямо от этих европейских юристов.

По законам естественным выходило, что «единственная цель установления какой-бы то ни было формы правления есть всенародная польза». Народ поэтому сам выбирает ту форму, какая для него полезнее. Всякий образ правления, и сама наследственная монархия происходят от первоначального соглашения в том или другом народе. При этом, от народа зависит решить, передает ли он свою «общую волю» только тому государю, которого выбирает или также и его наследникам. Когда умрет выбранный государь или когда прекратится династия «тогда воля, бывшим монархом

отданная, возвращается к народу». Однако же, Прокопович не думал, что народным избранием ограничивается Божья воля и воля монарха. Божья воля двигает и самим народным решением, а свою собственную волю народ передает монарху всецело при самом выборе, и уже после выбора «не оставляет самому себе никакой свободы». «Может монарх - государь законно повелевати народу, не только все, что к знатной пользе отечества своего потребно, но и все, что ему ни понравится: только бы народу не вредно и воле Божией не противно было. Сему же всемогуществу его основание есть вышеупомянутое, что народ правительской воли своей совлекая перед ним, и всю власть над собой отдал ему. И сюда надлежат всякие обряды гражданские и церковные, перемены обычаев, употребление платья, домов строения, чины и церемонии в пиروваниях, свадьбах, погребениях и прочая, и прочая, и прочая». Последними словами Прокопович хотел показать, что Петр Великий имел полное и законное право вмешиваться во все мелочи частной жизни своих подданных. Петр и в самом деле делал это, чтобы провести свои реформы в самые нравы. Но, конечно, такое вмешательство Петра было чересчур тяжело и неприятно для частных людей. Никто не мог быть уверен при этом ни в своей личной безопасности, ни в целостности и неприкосновенности своего имущества, ни в праве распоряжаться собой, как хотел. Даже московские государи до Петра на такие права не претендовали. А теперь, когда «единственной целью» правления поставлена была «всенародная польза», и когда судить о том, что полезно, призван был здравый разум, а полезным считалось то, что служило удовлетворению «естественных прав» человека, — теперь уже странно было ограничивать народную волю одним только выбором властителя, с предоставлением ему права делать «все, что ему ни понравится». Поэтому другие защитники «естественных прав» решили, что народ не может всецело «совлекаться» своей «правительской волей», напротив, народная воля должна быть сохранена за народом, а властителю следует дать только поручение исполнять то, что решит народная воля. Решение народной воли должно быть законом; постановляется это решение или прямо на народном сходе, или — когда народа слишком много и

собраться всем в одном месте нельзя, — то на собрании народных представителей. Такие взгляды мы находим у английского писателя Локка, у французского писателя Руссо и у многих других. И у нас в России эти взгляды сделались известными уже после Петра и Прокоповича при Императрице Екатерине II.

Известно, что Екатерина II действительно созвала в начале своего царствования народных представителей, чтобы с их помощью составить новые законы. Но ей не хотелось делиться властью с этими представителями: издавать законы она все-таки хотела сама, а народные представители должны были давать ей только советы. Народные представители оказались, однако, не такими послушными и желали иметь больше самостоятельности и независимости, чем хотела дать им Екатерина. Императрица скоро их распустила по домам по случаю войны с турками и больше не собирала. Мыслей, которые высказали народные депутаты, ей хватило на все ее царствование, но хороших законов издать все-таки не удалось, так как без народных представителей нельзя отделить закона от частной воли государя, и частной воли нельзя отделить от каприза и произвола. Несмотря на все благие намерения Екатерины, в России в конце ее царствования царил полный произвол, слабые были отданы на жертву сильным, одно сословие — дворянское — усилилось в ущерб всем прочим. А между тем, после реформ Петра уже появилось в России много образованных людей, которые понимали, что России прежде всего нужна законность, а законность нельзя водворить без издания законов народными представителями. Екатерина была дружна со многими образованными людьми и в России и за границей, пока они соглашались с ней, что все нужные реформы она может ввести сама, собственной властью; но когда в Европе перестали полагаться на добрую волю «просвещенных монархов», а стали возлагать надежды на волю самого народа, то Екатерина стала не доверять образованным людям. Особенно она стала подозревать их, когда во Франции началась революция и народные представители стали стремиться к полному народовластию. Против многих просвещенных людей в России начались тогда гонения.

Однако Екатерина уже не смотрела на свою власть так, как смотрели государи Московского времени, и готова была переделать государственное устройство в новом духе, только постепенно, не сразу. Внук Екатерины Александр I был еще смелее ее и при самом вступлении на престол решил было открыто признать в России «естественные права граждан» и созвать народных представителей, чтобы они издавали законы. Ни для него, ни для Екатерины русский политический строй не представлялся чем-то неизменным и вечным; напротив, они были убеждены, что дух времени требует перемен. Знаменитый министр Александра Сперанский рассуждал об этом следующим образом (в предисловии к приготовленной им конституции в 1809 году):

«В каждой эпохе образ правления должен быть соразмерен той степени гражданского образования, на коей стоит государство. Каждый раз, когда образ правления отстает от этой степени или предвывает ее, он ниспровергается с большим или меньшим потрясением... Итак, время есть первое начало и источник всех политических обновлений. Никакое правительство, с духом времени не сообразное, против всемогущего действия времени устоять не может. Посему первый и главный вопрос, который в самом преддверии всех политических перемен разрешить должно, есть благовременность их начинания.» Сто лет тому назад Сперанский находил, что политическая перемена в России «благовременна», потому что государство наше стоит ныне во второй эпохе феодальной системы (Сперанский разумел под этим военно-национальное государство, см. выше) т. е. в эпохе самодержавия, и без сомнения имеет «прямое направление к свободе». Несомненность этого «правления к свободе» была ясна для Сперанского по следующим признакам:

1) Перемена в предметах народного уважения. Как было и в других государствах, когда феодальная система приближалась к падению (например, перед французской революцией), чины и почести перестают цениться. Когда разум начинает распознавать цену свободы, он отмечает с пренебрежением все детские игрушки, коими забавлялся во младенчестве.

2) Ослабление власти. Если физическая власть осталась в

прежнем положении, то нравственная власть правительства, без сомнения, ослабела... С горестью, но с достоверностью можно сказать, что в настоящем положении все меры правительства, требующие не физического, но нравственного повиновения, бессильны... Одна есть истинная тому причина: образ мыслей настоящего времени в совершенной противоположности с образом правления.

3) Невозможность частичных исправлений. Все исправления частичные — все, так сказать, пристройки к настоящей системе были бы весьма непрочны. Пусть составят из кого угодно министерство, распределят иначе части управления, усилят полицейские и финансовые установления или сделают их просвещеннее; пусть издадут даже новые гражданские законы: все эти перемены, основанные исключительно на личных качествах исполнителя, ни силы, ни твердости иметь не могут... Как можно исправить гражданские законы, не установив твердых основных законов государственных? К чему издавать отдельные законы, когда они каждый день могут быть разбиты о первый камень самовластия?

4) Общее недовольство и склонность к критике всех правительственных действий... Неужели в самом деле можно объяснить это недовольство тем, что сахар дорог?... Как можно объяснять его иначе, как не совершенным изменением взглядов, глухим, но сильным желанием другого порядка вещей?

«По сим признакам», заключал Сперанский, можно, кажется, с достоверностью заключить, что настоящая система правления не свойственна уже более состоянию общественного духа и что настало время переменить ее и основать новый порядок вещей. «В самом деле, какое противоречие: желать наук, торговли, промышленности и не допускать самых естественных их последствий; желать, чтобы разум был свободен, а воля в цепях; чтобы страсти двигались и переменялись, а предмет страстей — свобода — оставался бы недостижимым; чтобы народ обогащался и не пользовался бы лучшим плодом своего обогащения — свободой. Нет примера в истории, чтобы народ просвещенный и коммерческий мог долго оставаться в рабстве. И сколько бедствия, сколько крови можно было бы сберечь, если бы правители держав, точнее наблюдая движение

общественного духа, сообразовались с ним в началах политических систем, и не народ приспособляли к правлению, а правление — к состоянию народа».

Эти золотые слова Сперанского сказаны были более ста лет тому назад. К несчастью, правители не пошли той дорогой, которую указывал Сперанский. Они пошли, напротив, по тому самому пути, от которого Сперанский предостерегал. Они «не правление приспособляли к состоянию народа, а народ к правлению». Сколько бедствий и крови было потрачено на выполнение этой безнадежной задачи, известно каждому.

Поворот на этот несчастный путь совершился очень скоро после того, как Сперанский предложил Императору Александру I свой проект конституции. В 1814 году Александр I посетил Англию. Тогда он еще был сторонником политической свободы и с одушевлением говорил английским либералам, что в России необходимо образовать оппозицию (то есть партию недовольных правительством), чтобы затем ввести парламентскую форму правления*. Через два года, в 1816 году, отправлялся в Англию младший брат Царя, Николай, и его снабдили особым наставлением, в котором ему советовали не верить, будто такую самородную вещь, как английская конституция, можно пересадить в Россию — в совсем другой климат и обстановку. Откуда же такая перемена во взглядах петербургского правительства?

Дело в том, что в эти самые годы появилась в России оппозиция — та самая, которая через десять лет привела к заговору декабристов. Общественное недовольство так испугало правительство, что вместо того, чтобы послушать Сперанского и уступить общественным желаниям, правительство начало преследовать людей, желавших политических перемен. И так как этих людей становилось чем дальше, тем больше, то и преследования приходилось все

*) Парламентская форма правления есть такая, при которой власть в государстве поочередно переходит от одной партии к другой. Когда одна партия владеет правлением, другая находится в оппозиции и критикует действие правительственной. Поэтому для парламентского правления нужны сильные партии в стране.

более усиливать. Недовольство в свою очередь усиливалось от преследований, а преследования опять-таки возрастали с возрастанием недовольства, и так получался какой-то заколдованный круг, из которого, казалось, не было выхода.

В это-то время и была придумана для защиты старины та теория, что русский политический строй неразрывно связан с русской национальностью, что в нем отразился народный дух и потому изменить его нельзя. Собственно, этот взгляд придуман был небольшой кучкой молодых людей, которые в самом деле верили в особую силу русского народного духа, и думали, что, сохранивши этот свой особый дух, русский народ покажет себя всему миру, и весь мир от России научится чему-то великому и важному. Эти молодые писатели называли себя славянофилами. Правительство не доверяло им и считало их фантазерами, оно даже боялось их, как людей беспокойных, когда они говорили, что народ сам, собственными силами может что-то сделать. Но когда они утверждали, что у русского народа свой особый дух, совсем непохожий на дух других народов, что поэтому заимствовать у других народов нам нечего, а следует хранить неизменными свои исконные начала жизни, — то это совпадало с желанием правительства сохранить старые порядки. Славянофилы ценили в старине дух, а не форму, а власти именно хотели сохранить форму. Славянофилы заботились особенно о народе — как хранители духа, а власти особенно оберегали государство, в котором славянофилы уже ровно ничего духовного не видели. Таким образом, правительство взяло у славянофилов только одну внешнюю оболочку их учения — только тот взгляд, что старина должна быть сохранена, и стало охранять старое, во что-бы то ни стало. Казалось бы, если «исконные начала» жизненны и неизменны, то и охранять их нечего: они сохраняются сами собой. Но то, что охраняла власть, было уже мертво и гнило: и потому приходилось напрягать все силы, не останавливаясь даже перед крайним насильем, чтобы только как-нибудь уберечь старые формы от окончательного разрушения. Но жизнь, чем дальше, тем больше вырастала из старых форм. Противоположность между исконными началами и требованиями жизни становилась все ярче, все сильнее; и попытки охранить исконные

начала от изменений, каких требовала жизнь, вызвали только ожесточение, которое постоянно возрастало. Защитники исконных начал потеряли уважение и доверие к себе; мало-помалу они теряли и силу, и действия их возбуждали только одно негодование. Ясно было, что рано или поздно все равно придется уступить; но чем позднее, тем придется уступить больше.

Особенно сильно общественное негодование возбуждено было после неудачного исхода Крымской войны. Все раздражение против правительственной системы, которое копилось в течение всего царствования Императора Николая I, тут вылилось наружу. Общество больше не хотело позволять, чтобы за него все дела решали чиновники в канцеляриях; оно хотело само ведать свои дела, само заботиться о своих интересах. Правительству пришлось уступить и ввести целый ряд важных реформ. Тогда введены были, между прочим, и земские учреждения, в которых местное население решало свои местные дела через своих выборных людей. Но общество хотело получить еще больше: хотело, чтобы и дела всего государства тоже решались выборными депутатами от всего народа. Настроение общества было в те годы настолько единодушное и решительное, что правительство готово было уступить и в этом. Весной 1863 года статс-секретарь Валуев представил государю записку, в которой утверждал, что «правительству трудно будет постоянно отклонять просьбы» об участии общества в делах законодательства. «Если же трудно их отклонить окончательно, то не лучше ли предупредить?» — спрашивал он. Осенью того же 1863 года Валуев представил подробный план, как допустить выборных к обсуждению законов. По этому плану выборные — или, как они тут назывались, «государственные гласные» — посылались не всем населением, а губернскими земскими собраниями и думами больших городов. Они должны были составить особый «съезд» при Государственном Совете. Съезд этот обсуждал только те дела, которые передавались ему из Государственного Совета, и окончательное решение тоже принадлежало Государственному Совету. Съезд же мог только посылать 16 своих членов в то заседание Совета, в котором дела окончательно рассматривались: и эти члены —

для каждого дела разные — имели право голоса при решении. Однако и такой план — как он ни был скромен — не был приведен в исполнение. Дело в том, что в том же 1863 году русское общество раскололось на партии: одни находили, что подобная реформа только послужит на пользу дворян, и не хотели никакой политической реформы; другие были рады отказаться от реформы потому, что стояли за сохранение старого порядка; одним было слишком мало такой реформы, другим слишком много. Правительство воспользовалось этой разногласицей и решило: никаких уступок не делать. Оно не только не доделало дела, не дополнило местных земских собраний всероссийским собранием представителей от земств, но скоро начало теснить и самые земства. Так шло дело до 1880 года. В это время начались в России новые волнения. Тогда, чтобы «успокоить умы, до крайности возбужденные безуспешностью усилий правительства к обузданию крамолы», правительство решило опять поднять вопрос о допущении выборных представителей к обсуждению законов. Для этой цели назначена была особая комиссия под председательством Великого Князя Константина Николаевича. Проект, который предлагал великий князь, был еще умереннее Валуевского. Число выборных от земских собраний и дум в «совещательное собрание гласных», вместо 180-200, как предлагал Валуев, должно было составлять только 46; и тех предлагалось разбить на отделения и созывать не сразу, а «по мере надобности», на такой срок и для таких дел, как точно будет указано всякий раз правительством. Государственный Совет должен был передавать им для «предварительного рассмотрения», главным образом, такие дела, которые «требовали ближайшего соображения с местными потребностями». К окончательному рассмотрению дела в Совете допускался только один «гласный — тот, который докладывал дело в совещательном собрании». И такое участие выборных в законодательстве казалось, однако, все еще опасным, и дело опять было отложено. В следующем году, 1881, поднял его опять граф Лорис-Меликов, так как «возбуждение умов» не проходило, а усиливалось. Лорис-Меликов еще больше ослабил проект великого князя: по его плану проекты законов должны были составляться в особых

«подготовительных комиссиях» из чиновников, а затем те же чиновники с правом голоса входили в общую комиссию выборных людей от земских собраний и дум и после обсуждения в общей комиссии эти проекты представлялись министром в Государственный Совет — тем же порядком, как было прежде. Таким образом, работа общей комиссии «имела значение исключительно совещательное и ни в чем не изменяло существующего порядка» издания законов. Понятно, что в таком виде реформа не могла бы удовлетворить никого, но даже и в таком виде она не была осуществлена. После 1881 года наступила такая же перемена в общественном настроении, как после 1863, и правительство опять нашло ненужным вводить реформы.

Прошло еще четверть века, и снова наступило в России время, во многом напоминающее время после крымской войны. Разница однако же та, что теперь русский народ несравненно развитее и сознательнее, чем был тогда; а потому и гораздо больше людей понимают теперь, чем тогда, в чем корень зла и как поправить дело. Не только множество частных лиц, но много всяких общественных собраний, земских, городских и иных — принимали решения, печатали их и посылали в совет министров, указывая, что именно нужно сделать, чтобы вывести Россию на правильный и широкий путь спокойного развития. Положение дел теперь гораздо серьезнее, чем оно было в 1863 и в 1880 годах; и правительство теперь, еще более чем тогда, не могло пренебречь общественным настроением. Министр Булыгин внес в совет министров проект, несколько более смелый, чем проекты Лорис-Меликова или Великого Князя Константина Николаевича, — и даже более смелый, чем проект Валуева. Совет министров сделал в этом проекте еще некоторые поправки и теперь проект этот утвержден и стал законом 6-го августа 1905 года. Вместо «совещательного собрания» 46-ти гласных или «съезда» 180-200 государственных гласных при Государственном Совете, мы теперь получили Государственную Думу более чем из 500 народных представителей. Формально это учреждение все еще действует через «Государственный Совет», но на деле оно уже теперь переросло Совет и представляет учреждение более самостоятельное. Дума уже не просто подает советы по вопросам,

требующим «соображения с местными потребностями», и не просто «предварительно обсуждает» проекты законов, с тем, чтобы защищать и свои мнения перед собранием Государственного Совета. Она сама постановляет свои решения, и в некоторых случаях от ее решения зависит, будет или не будет издан закон. Наконец, народные представители выбираются, хотя еще и очень неправильно, но от населения, а не от земских собраний и городских дум. Они собираются не по мере нужды, на короткие сроки, а действуют постоянно и если их даже распускают до срока, то сейчас же должны быть назначены новые выборы. Все это показывает, что в новом законе страна получила больше уступок, чем правительство соглашалось дать ей когда-либо прежде. Но это еще далеко не все, чего хочет население. Дума все-таки связана очень сильно Государственным Советом. Решение ее большинства, хотя и имеет гораздо больше силы, чем прежде, но все же еще может столкнуться с решением Государственного Совета и даже с мнением министра. Чиновникам, таким образом, все еще дано более власти, чем представителям народа. Но, что всего важнее, выборы в народные представители производятся, а, например, рабочие и почти все люди, живущие личным трудом, а не капиталом и не землей, вовсе не участвуют в выборах. Право выбирать не всякому дано равное, а сообразно с количеством земли и капитала, которым владеют разные части населения; и выбирают не все вместе, а люди, владеющие капиталами, отдельно от людей, владеющих землей, а владеющие землей на праве частной собственности — отдельно от тех, кто владеет надельными землями. Далее, население выбирает своих представителей не прямо, а через особых поверенных или выборщиков; и при том крестьянские выборщики от волостей еще должны выбрать других выборщиков от уезда, а те уже выбирают в губернском собрании депутата в Думу. При таком порядке никак нельзя угадать, кто в конце концов попадает в Думу и будет-ли тот, кто попадает, правильно выражать желания населения. Понятно, что депутатам, которые таким способом будут выбраны в Думу, будет даже трудно решить, настоящие ли они представители народа и могут ли они заниматься обсуждением всяких законов от имени всего народа. Правильнее будет им заняться прежде

всего улучшением устройства самой Думы, а потом уже приступить к изданию законов. Для Думы же нужно, чтобы она была совсем независима от чиновников Государственного Совета и чтобы выборы в нее производились от всего населения, прямо и равно всеми голосами.

Как видим, требования жизни и потребности времени все еще не совсем приняты в расчет при учреждении Государственной Думы. И, однако, исконных начал уже и теперь не удалось уберечь от требований жизни. Россия пошла в развитии своего государственного строя тем же самым путем, которым шли и будут идти все просвещенные государства. Мы видели, что «исконные начала» этому нисколько не мешали, так как на деле не были ни «исконными», ни «началами», т. е. неизменными основами. «Исконными началами» они были только в воображении небольшой кучки писателей, которые мечтали сберечь старый «дух» русского народа, — а также в словах и в бумажных выражениях другой небольшой кучки — чиновников, которая надеялась сберечь старые формы русского государства. Народ сам не думал ни о своем «духе», ни о формах, — потому что он только теперь начинает думать о себе и о том, что его окружает. Старые мечты о «народном духе», как мы сказали в начале, теперь совершенно устарели. Старые бумажные выражения все еще существуют на бумаге. Но на деле спор между «исконными началами» и «требованиями жизни» бесповоротно решен. Он решен тем, что на Руси появился с 6-го августа «народный представитель». Там, где народ имеет своих законных представителей, где через своих представителей он участвует в издании законов своей страны, в назначении налогов, в проверке государственных приходов и расходов и в надзоре за правильностью и законностью действий всех чиновников, начиная с министров, там жители страны суть «граждане», а не бесправные обыватели. Чтобы правильно выбирать своих представителей, они должны знать, что делается в Думе, какие законы принимаются Думой и какие нужны народу. Другими словами, граждане должны интересоваться политикой, сговариваться между собой о своих нуждах, составлять между собой постоянные союзы для защиты своих интересов. Они должны читать газеты и сами писать в

газеты обо всем, что им нужно. В такой большой стране как Россия иначе нельзя сговориться, узнать друг про друга, а по одиночке каждый действует в темноте и не может знать, много ли людей думают и действуют так же, как он. Поэтому-то во всякой стране, где есть народные представители, непременно должна быть и свобода собираться, и свобода писать и говорить, и свобода составлять союзы. Все это есть «требования жизни» — и нет таких «исконных начал», которые могли бы помешать всему этому осуществиться на деле.

ИЗ АРХИВОВ II МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ДОНЕСЕНИЕ О СОБЫТИЯХ В СССР № 106

Шеф полиции безопасности и СД

Берлин, 7 октября 1941

48 заверенных копий

36-я копия

I ...

II. *Экзекуции и прочие массовые акции*

Прежде всего из-за экономического положения евреев при большевистском режиме, из-за их доноительства и сотрудничества с НКВД, а также в связи с серией взрывов и последовавшими затем большими пожарами в Киеве, население было чрезвычайно сильно возбуждено против евреев. К тому же доказано, что евреи участвовали в поджогах. Поэтому население ожидало от немецких властей соответствующих акций возмездия. Учитывая это, всем евреям г. Киева было предложено, по согласованию с комендантом города, собраться в понедельник 29. 9. к 8 часам утра в определенном месте. Призывы были развешены сотрудниками вновь созданной украинской милиции по всему городу. Одновременно устно распространялись слухи, что всех киевских евреев должны переселять. Совместными действиями штабных частей, двух команд полицейского полка «Зюд» и зондеркоманды 4-а 29 и 30 сентября 33 771 еврей экзекутировали. Золото, ценные вещи, белье и одежда были собраны и распределены частично через НСФ** среди фольксдойчей, частично через городское управление комиссариата среди нуждающегося населения. Акция прошла без осложнений. Проведенные против евреев «акции по переселению» были восприняты населением с одобрением. О том, что на самом деле евреи были ликвидированы, вряд ли известно; на основании имеющегося опыта следует предпо-

* Из книги «Ausgewählte Dokumente zur Geschichte des Nationalsozialismus 1933-1945», Verlag «Neue Gesellschaft GmbH», Bielefeld, 1961.

**НСФ — нацистская организация содействия народному благосостоянию (фольксвольфарт).

ложить, что акция едва ли встретила бы сопротивление. Проведенная акция была одобрена также вермахтом. С до сих пор не схваченными и постепенно возвращающимися в город бежавшими евреями каждый раз поступают соответствующим образом.

Одновременно могут быть схвачены и ликвидированы сотрудники НКВД, политические комиссары и партийные руководители.

Люди Бандеры, благодаря успешным проведенным арестам членов находившихся под Киевом групп, потеряли ударную силу; их деятельность до сих пор проявлялась лишь в распространении листовок и плакатов. Три раза уже проводились аресты, и сейчас намечаются новые*.

Части управления, зондеркоманда 4-а, прибывшая в Киев оперативная группа 5 сразу же установили связь с компетентными органами. При их помощи осуществлялась координация совместных действий и проводилось ежедневное обсуждение срочных проблем.

О деятельности оперативной группы имеется достаточное количество материалов и по мере необходимости будут отдельно представлены соответствующие отчеты.

III. Житомир. Акция против евреев

После того, как зондеркоманда 4-а совместно с полевой комендатурой сконцентрировала еврейское население Житомира на определенной, строго ограниченной территории, сразу же наступило видимое спокойствие, например — на рынках и т. д. В то же время значительно уменьшилось распространение злостных слухов — это свидетельствует, что после концентрации евреев в одном месте коммунистическая пропаганда в большой мере лишилась необходимой почвы. Отчеты последующих дней показали, однако, что просто сконцентрировать всех евреев в определенном месте, без сооружения гетто, недостаточно, т.к. вскоре вновь возникли прежние осложнения. В различные служебные инстанции стали поступать жалобы на наглое поведение евреев. Легко можно было убедиться, что устная пропаганда

*Документ свидетельствует, что Организация украинских националистов («люди Бандеры») уже летом-осенью 1941 г. боролась против немецко-фашистской оккупации Украины (ред.).

среди украинцев, утверждающая, что Красная Армия скоро вновь захватит занятые районы, исходит из еврейских кварталов. В местных милиционерах, как ночью, так и днем, стреляют из засады. Далее было установлено, что евреи меняют свое имущество на деньги и покидают город, пробираясь на Западную Украину, т. е. в районы с гражданским управлением.

Все это было известно, однако евреев лишь в редких случаях задерживали, т.к. у них было достаточно много возможностей избежать ареста. Поэтому 10. 9. 41 было проведено совещание по этому вопросу совместно с полевой комендатурой, на котором было принято постановление окончательно решить вопрос с евреями Житомира путем их ликвидации, т. к. все принимаемые до сих пор предупредительные и специальные меры не дали удовлетворительных результатов.

19. 9. 41, в 4 часа утра, еврейский квартал был очищен. Накануне вечером он был оцеплен 60-ю украинскими милиционерами. Эвакуация евреев была осуществлена на 12 автомобилях, часть которых была предоставлена полевой комендатурой или городским управлением Житомира. После того, как эвакуация была закончена и были сделаны при помощи 150 пленных необходимые приготовления, 3 145 евреев были зарегистрированы и экзекутированы.

25-30 тонн белья, одежды, обуви, посуды и пр., конфискованные во время акции, были переданы в распоряжение уполномоченного НСФ Житомира Босса. Конфискованные ценности и золото направлены в распоряжение зондеркоманды 4-а.

МЕМОРАНДУМ ЕПИСКОПА ЧИЧЕСТЕРСКОГО О БЕСЕДЕ С ПАСТОРом ШОНФЕЛЬДОМ И ДИТРИХОМ БОНХОФФЕРОМ

июнь 1942 г.

1

В конце мая 1942 г. два немецких пастора* прибыли из Берлина в Стокгольм, чтобы там встретиться с епископом

*Д-р Шонфельд и пастор Бонхоффер.

Чичестерским. Они прибыли независимо друг от друга, и один из них провел в Стокгольме 48 часов. Епископ беседовал с каждым из них отдельно и с обоими вместе в течение 4 дней. Оба приехавших епископу хорошо известны; они связаны совместной работой в экуменическом движении, во Всемирном Совете церквей, участием в различных формах церковного сопротивления. Один из них живет в Швейцарии, однако постоянно посещает Германию. Другой живет в Берлине и является одним из лидеров Исповедующей церкви (Bekennende Kirche) * ; гестапо запретило ему выступать с речами и проповедями.

Их целью было:

А. Информировать о сильном, хорошо организованном движении сопротивления внутри Германии, в планы которого входит уничтожение всего гитлеровского режима (включая Гимmlера, Геринга, Геббельса, руководителей гестапо, СС и СА) и создание нового немецкого правительства, состоящего из:

1. Представителей антинацистских сил в армии и государственном аппарате.

2. Бывших руководителей профсоюзов.

3. Представителей протестантской и католической церквей.

Оно обязуется проводить политику:

а) отказа от агрессии;

б) немедленной отмены Нюрнбергских законов и совместной работы с целью добиться международного решения еврейских проблем;

в) всеобщего вывода немецких вооруженных сил с оккупированных и захваченных территорий;

г) прекращения помощи Японии и поддержки союзников ради скорейшего окончания войны на Дальнем Востоке;

д) сотрудничества с союзниками в деле восстановления разрушенных войной районов.

Б. Выяснить вопрос о том, будут ли готовы союзники, при условии уничтожения нацизма, вести переговоры о мире с таким немецким правительством, которое стремится:

* Возникшее в 1934 г. внутри протестантской церкви движение сопротивления нацизму и пронацистски настроенным «немецким христианам»

1. Установить систему правовой и социальной справедливости в Германии — союзном государстве с широкой автономией отдельных земель.

2. Добиваться многосторонней экономической взаимосвязи между различными народами Европы, важной как сама по себе, так и в качестве действенной гарантии против милитаризма.

3. Содействовать созданию представительной Федерации свободных народов или государств, куда должны войти также свободный польский и свободный чешский народы.

4. Участвовать в организации европейской армии для контроля положения в Европе, находящейся под центральным управлением. В эту армию могли бы войти и немецкие вооруженные силы.

II. Взгляды оппозиционеров.

Оппозиция начала создаваться относительно давно и окончательно сформировалась к началу войны. Война привела к ситуации, когда возник давно ожидаемый повод. Окончательно оформилась оппозиция осенью 1941 г., а в декабре 1941-го представился случай многим офицерам отказаться от продолжения войны в России. Однако никто не взял на себя руководства. Последняя речь Гитлера, в которой он совершенно откровенно заявил о своих претензиях стоять выше закона, еще раз четко продемонстрировала немецкому народу абсолютную незаконность режима.

Оппозиция возлагает надежды на силу немецкой армии и готова продолжать войну до конца в случае, если союзники откажутся вести переговоры с новым правительством освобожденной от Гитлера Германии после уничтожения гитлеровского режима, но она полагает, что продолжение войны в нынешних или еще больших масштабах в этом случае будет означать, что миллионы людей будут обречены на гибель, особенно на захваченных территориях. Она считает также, что война до окончательного исхода была бы самоубийственной для Европы. Отсюда вытекает стремление оппозиционеров сначала уничтожить Гитлера и его режим, а затем добиваться мирного урегулирования, в

результате которого народы Европы вступят в экономическую взаимосвязь и будут созданы европейские вооруженные силы, способные предотвратить агрессию. Хотя у оппозиции по отношению к России есть особые опасения, она все же надеется (основываясь на впечатлении немецких офицеров о некоторых высших русских офицерах) на возможность достижения соглашения.

III. Организация оппозиции

В оппозиции участвуют служащие государства, государственной полиции, бывшие руководители профсоюзов и высшие офицеры армии. Она имеет связи в военных учреждениях всех больших городов, с генералами — командующими частями и прочими чиновниками высокого ранга, находящимися на ключевых постах, в кругах генералитета. У оппозиции есть вооруженные связные на радиостанциях, на больших фабриках, в управлении снабжения сухопутных войск и в управлении газификации. Нет возможности привести точное число оппозиционеров. Главное, что повсюду ключевые посты находятся в руках оппозиции, а именно в Германии такие посты имеют колоссальное значение.

Были приведены имена следующих людей, связанных с движением сопротивления:

Генерал-полковник Бек — начальник Генерального штаба накануне чехословацкого кризиса 1938 г., 60 лет.

Генерал-полковник фон Хаммерштейн — начальник Генерального штаба до Бека.

Герделер — экс-комиссар по ценам, обер-бургомистр Лейпцига, руководитель «Гражданского фронта».

Лейшнер — бывший президент Объединенных профсоюзов.

Кайзер — руководитель католических профсоюзов.

Все вышеназванные лица, должно быть, являются убежденными христианами. Наиболее важные позиции у Бека и Герделера.

Можно было бы привести и имена людей, чье мировоззрение не является столь выражено христианским. Например, Шахт. Большинство фельдмаршалов заслужи-

вает доверия оппозиции, в особенности — фон Клюге, фон Бок, Кюхлер и, вероятно, Вицлебен.

Был задан вопрос: будет ли Англия поддерживать монархию в Германии? В этом случае следует иметь в виду принца Луи-Фердинанда. Не было сказано, однако, является ли он членом оппозиции или нет. Он был — после героической смерти старшего сына кронпринца — по приказу Гитлера привезен из Соединенных Штатов. Он работал в качестве простого рабочего в мастерских Форда, сейчас он живет в имении в Восточной Пруссии. Он — христианин, имеет искренние устремления и известен обоим пасторам.

Руководители протестантской и католической церквей также находятся в связи с движением сопротивления, в частности — епископ (протестантский) Вурм из Вюртемберга и епископ фон Прейсинг из Берлина (спикер католических епископов). (Следует упомянуть, что многие члены оппозиции не только глубоко сожалеют о преступлениях, совершенных от имени Германии, но даже заявляют: «Христиане не должны избегать покаяния и бояться хаоса, если все это возложено на них Богом»).

IV. Методы деятельности оппозиции

Оппозиция знает об угрозе восстания Гимmlера и его товарищей против Гитлера внутри нацистской партии. Хотя государственный переворот Гимmlера мог бы быть полезен оппозиции, она все же полагает необходимым уничтожить Гитлера, Гимmlера и весь режим. План оппозиции включает проведение освободительных акций на родине и на всех оккупированных землях. Все акции по возможности должны быть проведены одновременно. После этого должно быть создано новое правительство. Оппозиция считает необходимым установить действенный полицейский контроль по всей Германии и на захваченных и оккупированных землях для обеспечения безопасности новой власти. Очевидно, помощь союзных армий в деле установления и поддержания порядка является необходимой и желательной. Было бы желательно привлечь для установления порядка, если это возможно, наряду с армиями союзников, вооруженные силы нейтральных государств.

V. Вопросы оппозиционеров к правительствам союзников

После изложения планов и методов оппозиции был задан вопрос о том, какую помощь от союзников

1. Были бы союзные правительства готовы оказать доверие (*bona fide*) новому немецкому правительству, составленному согласно изложенному в части I А, и вступить с ним в переговоры на основе принципов, представленных в части I Б?

(Ответ на этот вопрос можно было бы передать представителю оппозиции частным путем, через нейтральные страны).

2. Могли бы союзники уже сейчас открыто и четко заявить миру, что в случае падения Гитлера и всего режима они готовы будут вступить в мирные переговоры с новым немецким правительством на основе тех принципов, которые изложены здесь в части I В и в которых содержится отрицание всех форм агрессии и принятие на себя обязательств вести себя в соответствии с принципами, представленными в части I А?

оппозиционеры могли бы получить, чтобы начать освободительный процесс и достойно отразить все возможные опасности. Примером встречных требований могут служить следующее запросы:

VI. Каналы связи

Достигнуто соглашение о том, что о любой реакции влиятельных британских властей епископом Чичестверским будет предоставлена информация, — которая может быть передана через нейтральные каналы. Британский посол в Стокгольме также был детально информирован о содержании бесед. По его совету епископ Чичестерский дал знать обоим пасторам, что в случае необходимости не только будут поставлены в известность американское, русское и другие союзные правительства, но и само британское

Министерство иностранных дел может прийти к выводу, что ситуация слишком неясная для того, чтобы был оправдан какой-либо дальнейший обмен мнениями. Если другая сторона посчитает желательным предоставить дополнительные разъяснения, могла бы состояться доверительная встреча в Стокгольме между немецким представителем и представителем Форейн Офис или каким-либо иным компетентным человеком.

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

ЕСТЬ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ НАДЕЖД

(Выступление Валентина Распутина, Булата Окуджавы, Алексея Адамовича и Элема Климова на пресс-конференции в Западном Берлине).

6 марта 1987 г., Фридрихштадтспалац

Вопрос об изменившейся обстановке в творческих союзах.

Климов: Изменения партийной линии и наши желания совпали. Поэтому таким был 5-й съезд кинематографистов, который состоялся вскоре после 27-го съезда партии. Также довольно острым и критичным был съезд писателей, а перед этим совершенно спокойным был съезд композиторов. В каждом союзе по-разному это все происходит, но в принципе творческие союзы ожили, у них появились новые права, и никогда еще за нашу историю мы не встречали такого внимательного и доброжелательного отношения сверху к жизни творческих союзов.

Союз кинематографистов в силу своих особенностей, особенностей нашей профессии, ведет себя сейчас самым активным образом. Вы сами понимаете, что писатели, композиторы, художники — это люди индивидуального творческого труда, а кинематографисты работают в коллективах. Они объединены, и перестройка, которая начала происходить в советском кинематографе, уникальна, потому что включает и сферу духовного производства и промышленность. И мы с самого начала, с первого дня нашего съезда взяли бешеный темп, так у нас накипело желание все переделать, перестроить, покончить с этим.

За 10 месяцев мы сделали очень много, но и работали очень много — без выходных, до ночи, каждый день. Уже в

этом году произойдут самые коренные изменения в структуре советского кинематографа. Уже в этом году будут законодательно оформлены все изменения в структуре кино. Кинематограф теперь будет — я верю, что так произойдет, — существовать по новой совершенно формуле.

Вопрос: Какие у вас проекты, как будут выглядеть ваши будущие 10 месяцев?

Климов: Я сказал, что все надо законодательно оформить — законодательно оформить наши права. Разработать и ввести в действие кинофонд. Все это должно произойти в этом году. А самое главное изменить структуру студии вообще.

Рассмотреть и утвердить новых худруков студий. А также изменить устав союза кинематографистов, который уже устарел.

Эти изменения приведут к новым совершенно нашим правам, законодательно закрепленным. По сути дела, мы их уже завоевали. Уже ни один серьезный документ не идет за одной, как прежде, подписью — за подписью Госкино. Теперь две подписи обязательны. Имеется в виду общественно-государственный метод управления кинематографом. Децентрализация. Экономическая ответственность, самокупаемость этих студий. Другие права у Госкино и другие права у художников. Художники сами будут руководить кинематографом.

А подробностей очень много, но по сути дела — самое главное, что студии сами запускают сценарии. С режиссерами, операторами, художниками состоят в контрактных отношениях, сами принимают сделанные фильмы и предлагают их прокагу.

В структуре проката тоже очень большие изменения. Т.е. перестройка в кино предполагает тотальную перестройку всех звеньев.

Госкино остается — как механизм государственного заказа (это примерно 20-25% всех фильмов). В таком случае студии экономически не будут рисковать, им будет гарантирована оплата фильмов. Имеется в виду государственный заказ не только на политическую тему, а также поддержка отстающего в

развитии жанра. Может быть, например, — фантастического фильма или детского фильма.

В общем, вся перестройка одной фразой выражается всё в пользу талантливых, честных людей, всё в пользу молодого поколения, всё против дельцов в искусстве, конъюнктурщиков, приспособленцев.

Вопрос: Перестройка не везде идет одинаковыми темпами. Например, в Грузии и России неплохо идут дела. Но почему нет ничего хорошего на студии им. Довженко?

Климов: Я уехал сюда, в Западный Берлин, а на Украине начинался пленум союза кинематографистов Украины. И там определенно будут изменения к лучшему. В Белоруссии, например, уже нечто произошло. Там кинематографисты объединились и на своем пленуме выразили вотум недоверия всему киноруководству белорусскому. Нет, кое-что уже начало происходить, просыпаются.

Вопрос к Булату Окуджаве: Не могли бы Вы, как связующее звено между композиторами, литераторами и кинематографистами, рассказать, как обстоят дела в союзе композиторов? Почему там так мало изменений?

Окуджава: Я, к сожалению, никакого отношения к союзу композиторов не имею. Ну, просто потому, наверное, что там не было людей готовых к перестройке. Это ведь тоже большое искусство — уметь перестроиться. А может, им не надо перестраиваться?

Вопрос: Еще раз вопрос об экономичности кинодела. Студии, с одной стороны, должны быть экономически заинтересованы в успехе дела, а с другой стороны — нужны особые фонды для экспериментальных фильмов, о которых еще не известно, принесут ли они доход. Ведь мы не знаем, как оценит зритель тот или иной экспериментальный фильм.

Климов: Я чувствую, что все тайны выдам сегодня.

В новой структуре, в новой базовой модели, как мы ее называем, уже учтен и записан механизм защиты вот такого

рода фильмов. Т.е. у них будет свой коэффициент, который будет умножать обычные доходы. Все будет сделано, чтобы студии, которые делают такие фильмы, не страдали. Я, в частности, упомянул кинофонд, он тоже для этого будет предназначен. Т.е. через механизм кинофонда союз кинематографистов будет поддерживать эти студии, этих режиссеров.

Вопрос: У вас всегда писатели были первыми ласточками. Какова роль писателей в перестройке?

Адамович: Вы слушали Климова. Вы поняли направление работы — от моральной победы на съезде, от эмоциональной победы, к экономическому закреплению этой победы. Если бы мы остановились только на моральной победе, завтра бы мы потерпели поражение. Вы можете это увидеть по постановлениям, которые принимаются Горбачевым и нашим правительством. Они все направлены на то, чтобы экономически сделать более независимыми предприятия, колхозы и т. д. И сделать ненужными бюрократов, которые считают себя до сих пор самыми главными производителями всех благ. В том числе и партийных бюрократов.

У нас в союзе писателей произошла тоже моральная победа на съезде, это победа нового. Но организационно мало что изменилось. «Министерство литературы», как назвал его Булат Окуджава в одной из своих песен, осталось министерством. Изменились лица, но остались те же кабинеты, те же нравы. Но жизнь всегда находит другое русло. Новое в литературе сосредоточилось сейчас в журналах. Вы знаете, что «Новый мир» возглавил Залыгин, Бакланов возглавил «Знамя», и все другие журналы получили большую независимость.

В России, практически впервые за 200 лет, нет предварительной цензуры. И значит, литература сейчас делается в журналах. И журналы сейчас вступают в конфликт с «министерством литературы». Я знаю, что такие конфликты уже назревали у Залыгина с этим «министерством».

Кроме того, нам удалось в самом союзе писателей создать группу, бюро из лучших писателей, которые должны

представлять наши интересы там. Правда, произошел некоторый неожиданный казус. Когда мы предлагали кандидатуры в бюро, которое должно руководить всем союзом, мы предлагали тех писателей, которые не хотят быть начальством. Но они ничего и не делают. И мы им говорим, что на следующем пленуме уже будем спрашивать с них.

Климов: Александр Михайлович, могут подумать, что действительно существует министерство литературы.

Адамович: «Министерство литературы» — это выражение родил Окуджава в своей песне. Там говорится, что строятся новые кабинеты в этом министерстве и в этих кабинетах будут уже сидеть друзья Окуджавы. Правда, пока это только его мечта, потому что ни одного его друга в этих кабинетах до сих пор нет.

Вопрос к Валентину Распутину: Так как Вы выступали в защиту озера Байкал, то хочется узнать, существует ли еще этот целлюлозный комбинат на его берегу?

И второй вопрос: Можно ли сейчас открыто выступать с критикой мирного использования ядерной энергии в Советском Союзе?

Распутин: Сначала о Байкале. Как раз накануне поездки сюда, 3 марта, в Совете Министров под председательством Председателя Совета Министров Рыжкова состоялось совещание Байкальской комиссии. Эта комиссия была создана в феврале прошлого года после многочисленных выступлений печати в защиту Байкала. После той объективной информации, что появилась в газетах. И впервые народ мог понять, что Байкалу грозит в скором времени уничтожение.

В комиссию эту в основном вошли представители министерств, которые «осваивают» Байкал, и она выявила основных загрязнителей Байкала.

Начиная с этого года Байкал все-таки, наверное, вздохнет свободнее. Что касается целлюлозных комбинатов

— то здесь неизвестно, чем всё закончится. Уж очень хочется министерству и Госплану СССР эти комбинаты сохранить. И сейчас они все делают для того, чтобы спасти комбинаты, а не спасти Байкал. Т. е. для всех других мероприятий готовы давать деньги, готовы делать все, что угодно, — пожалуйста. Тут они щедрые, а вот там, где комбинаты, — там они стоят насмерть. Вот один из этих комбинатов — Селенгинский (он правда приносит меньший вред) — будет сохранен полностью. Только там будет введен замкнутый цикл водопользования. Правда, производство целлюлозы уменьшается на этом комбинате. Другой комбинат будет переориентироваться совсем на другое производство — очевидно, мебельное. Но сроки переориентации отодвигаются на следующую пятилетку. Когда где-то в другом месте будет построено предприятие, которое будет выпускать эту продукцию и заменит Байкальский комбинат. А поскольку это нас удовлетворить не может, мы высказывались против такой альтернативы. Тогда министерство предложило сделать трубопровод и отводить промстоки с Байкальского комбината в реку Иркут, почти за 70 км., в центре Иркутска. А река Иркут впадает в Ангару. А в Иркутске как-никак — 600 тысяч жителей. Т. е. и эта альтернатива нас удовлетворить не может.

И вот сейчас это решение опять оставлено для дальнейшей проработки. Т. е. то же самое, что происходит в обществе, существует и в нашей комиссии — одни за перестройку, другие хотят перестраиваться осторожно. Но в любом случае, я хочу повторить: с этого года Байкалу действительно станет легче.

И кое-что удалось уже сделать — на том же Байкальском комбинате закрыто одно из самых вредных производств, производство кормовых дрожжей.

А что касается второго вопроса — ядерной энергетики в мирных целях, то считается, что у нас все за развитие ядерной энергетики, только ее надо по-умному и осторожно развивать. И считается, что без нее не обойтись. Только мы с Адамовичем здесь некоторым диссонансом выступаем. Что касается печати, то я не знаю, были ли какие-то выступления, был ли какой-то протест против ядерной энергии.

Вопрос: Видимо, во всем мире сложно пробиться какому-то разумному решению. Я хочу спросить, есть ли у вас что-либо подобное гражданской инициативе, как здесь, на Западе это называют? Здесь такие общества образуются спонтанно.

Распутин: Общественное мнение — так ведь оно и было подготовлено литературой, кино в меньшей степени. Вообще было подготовлено искусством. Пожалуй, поначалу это было общественное брожение, которое постепенно оформилось в общественное мнение. И оформилось оно в таковое на той проблеме, где защитникам природы у нас удалось одержать победу. Я имею в виду поворот северных и сибирских рек. Вот здесь разумное общественное мнение, мне кажется, выросло пятикратно, а может быть десятикратно.

И особенно, когда появилась возможность выступать по этим проблемам, когда можно стало писать об этом. Мнения все ведь газеты не поместят, но было очень много почты — очень много писем шло в ЦК, в адрес партийного съезда в феврале прошлого года. И очевидно, только писательского мнения, мнения передовой общественности было бы недостаточно, чтобы одержать такую победу. Нужно было еще и народное мнение.

Знаете, когда я напишу статью — так это одно, уже все привыкли на меня смотреть как на ненормального, который свихнулся на этой проблеме. А когда напишет письмо в Центральный Комитет гегемон наш, рабочий класс, да поставит 150 подписей, — от этого письма так просто не отмахнешься уже. А таких писем было немало. Я знаю, потому что я сам организовывал некоторые из них.

Адамович: Я хочу добавить одно слово к тому, что сказал Распутин. К сведению «зеленых», которых я очень люблю и наши друзья тоже, по-моему, любят. Так вот, у нас под Минском строилась атомная электростанция, и общественному мнению после Чернобыля удалось повлиять так, что эту станцию перестроили на тепловую. Так что в этом направлении тоже что-то делается.

Вопрос: Я хочу вернуться к вопросу о культуре, т. к. это очень важно. Мы видим здесь первых людей советской культуры, которые в ходе долгой борьбы победили. Я думаю, они победили потому, что были как пролетарии — им нечего было терять, кроме своих цепей.

Я хочу спросить о культурной традиции, которую мир не очень знает, но которая все эти последние 50-60 лет существовала в Советском Союзе — традиции защищать природу, землю. О Байкале Вампилов писал. Сюда относятся и некоторые писатели 20-х годов, кинематографисты 30-х годов... Что будет с этой традицией?

Второй вопрос: 20 лет назад один советский начальник на мой вопрос о прекрасном поэте и музыканте Булате Окуджаве сказал: — «Ах да, есть один такой куплетист». Разные направления в мире всегда подвергались нападению со стороны консервативного академизма. Как прогрессивные художники смотрят на эту проблему — опасность консервативного академизма? Как складываются сейчас отношения между консерваторами и новаторами в музыке, литературе?

Окуджава: Я не очень хорошо понял этот вопрос, но попробую ответить. Я хочу сказать, что, во-первых, не столь оптимистично отношусь к нашей перестройке на сегодняшний день. Потому что мы иногда подразумеваем окончательное решение вопросов, а имеем дело пока только с тенденцией. Но для того, чтобы эта тенденция успешно развивалась, необходимы кадры. Вот сейчас говорят, что в России есть революционная ситуация, но нет революционеров. К сожалению. Есть, конечно, отдельные представители — энергичные, подготовленные к этому процессу. Но в целом общество еще очень мало к этому готово. И необходима очень серьезная работа. Например, нужно создать институт общественного мнения, которого у нас не было. Нужно научиться уважать личность. Все это требует очень большой работы и времени. Поэтому — главное, чтобы это все не прекратилось. Потому что у нас уже были попытки выйти из трудного положения, из нашей трудной ситуации. Потом они кончались печально. Но, судя по всему, взят очень серьезный темп, во всем видна очень разумная основа. И поэтому есть основания для надежд. Это главное. Хочется очень верить, что все это будет серьезно углубляться и продолжаться.

Я, наверное, не совсем точно отвечаю на Ваш вопрос, но мне хотелось просто рассказать о моем отношении к этому сложному процессу. Что же касается моего отношения к себе самому и к моему музицированию, то 30 лет тому назад, когда я взял в руки гитару, я знал три аккорда. Прошло 30 лет — я знаю 7 аккордов. А мне сказали: Чтобы стать членом Союза композиторов, надо знать 12 аккордов. Поэтому я очень стесняюсь, когда рядом со мной бывают композиторы, и считаю себя, конечно, дилетантом и, главным образом, литератором, а не музыкантом.

Вопрос: Я хочу спросить Окуджаву или Климова, могут ли они ответить на вопрос о положении в театре, который вообще-то близко связан с литературой?

Окуджава: Я ничего не понимаю в этом деле.

Вопрос: Я основываю свой вопрос на высказыванных двух советских режиссеров — господина Товстоногова из Ленинграда, который сказал, что он совершенно автономен и в выборе пьес и в составлении репертуара, и господина Любимова, который сейчас живет в эмиграции и недавно говорил о том, что вопросы репертуара у вас решает комиссия, состоящая из людей, совершенно не сведущих ни в вопросах литературы, ни в вопросах театрального искусства. После многомесячного труда он должен был представлять им свои работы, а они решали, появятся эти работы на сцене или нет. Я хочу знать, были ли такие комиссии и будут ли они впредь?

Климов: Юрий Любимов давно не был на родине и потому отстал немножко. Тут уже много произошло в театральном деле и опять же в пользу самостоятельности, свободы театральных деятелей. Теперь они сами решают, какой будет репертуар, а многие театры переходят на самокупаемость. Идет эксперимент в пятистах, примерно, театрах. Причем каждый театр по-своему проводит этот эксперимент.

Уже появилось много маленьких театров. Это для меня лично самое интересное на нашем театральном горизонте вот эти маленькие театры-студии. Потому что они очень

свежие по направлению, очень свободные. Там делаются очень интересные работы по форме. Сейчас в театре — совершенно явное обновление.

Недавно образовался Союз театральных деятелей, которого раньше не было. Причем у них проходил съезд Театрального общества (раньше было Театральное общество) и не предполагалось, что на этом съезде будет создан Союз. Явочным порядком, просто взяли на съезде и сделали Союз.

Хотел бы еще два слова сказать о театре на Таганке. К сожалению, театр сейчас оказался просто в драматическом положении, потому что умер Анатолий Эфрос и этот уникальный театр с прекрасными помещениями, которых, я думаю, вообще ни у кого нет, сейчас в развалинах внутренних, в руинах пребывает. К сожалению. Что касается оптимизма по поводу перестройки, то я, в отличие от Окуджавы, более оптимистически настроен, но я оптимист не из того разряда, как в том маленьком анекдоте. Очень короткий анекдот: идет пессимист, а за ним два оптимиста в штатском. Я просто отношусь к тем людям, которые, может быть, меньше сомневаются, а больше делают. Надо, конечно, опасаться многого и многого, но надо многое и делать, а иначе кто же будет делать?

Вопрос к Валентину Распутину: Вы как защитник природы выступаете против целлюлозных комбинатов, но Вы же писатель и Вам нужна бумага. Как это совместить?

Распутин: Ничего, я пишу так мало, что мне бумаги хватит. Однако, в нашей стране только членов Союза писателей — 10 тысяч. Нам столько писателей не нужно, я думаю. И тиражи книг писателей, которых никто не знает, и тиражи многих политических книг — они явно завышены. А касаясь экономики, я должен сказать, что у нас 40% вырубаемых лесов остаются на лесосеках. Поэтому можно вырубать в половину меньше и будет то же количество бумаги, если все использовать.

О перестройке могу сказать — слово «перестройка» стало таким же популярным у вас, как и слово «спутник», и не требует перевода. Меня настораживает в этом то, что у нас

это слово стало новым демагогическим понятием. И когда надо защитить правое и неправое дело — начинают размахивать этим знаменем. Перестройка и перестройка. По самой сути, конечно, движение это очень хорошее, необходимое для нас, но тут бы хотел поддержать Булата Окуджаву в том, что у нас нет пока кадров, настоящих кадров, чтобы эту перестройку двигать дальше.

Климов: Пригласите из Союза кинематографистов.

Распутин: Я имею в виду не только кино. В кино, там действительно, достаточно кадров. Мы бы в Союзе писателей тоже, наверное, нашли для собственной перестройки эти кадры, но дело в том, что сейчас в партийные, советские, хозяйственные органы идут молодые и очень энергичные люди. Они воспитаны на реформах, у нас реформ было предостаточно. Реформы за реформами. Они восприняли самое важное: всё что есть — нужно переделать. И часто не хватает духовного и нравственного воспитания этим людям. А со слепой души можно наворотить много чего, не только в хозяйстве, но и в культуре. Т. е. эти изменения должны неминуемо включать и духовную перестройку человека. Необходим отказ от той полумертвой идеологии, полумертвой духовности, в которой мы жили. Без этого опять можно заехать туда, откуда можно будет возвращаться очень долго. А пока мы больше обращаем внимание все-таки на физическую перестройку, а не на духовную. Это мои сомнения. Так я вижу сейчас нашу ситуацию.

Адамович: У меня есть соображения, как решить проблему кадров. К нам возвратятся Виктор Некрасов, Юрий Любимов..., а мы вам, чтобы вам не обидно было, вместо них пришлем бюрократов.

Климов: У них своих хватает.

Вопрос: Много было разговоров о литературе, и здесь слышно все время, что сейчас будут издаваться писатели, которые раньше не издавались или были даже запрещены. Хотелось бы, если возможно, чтобы назвали несколько имен.

Адамович: У нас стало известно, и в «Литературной газете» об этом писалось, что заседала комиссия по Пастернаку, и разговор там был в духе времени — самый радикальный. Во-первых, немедленно восстановили Пастернака в Союзе писателей, при этом даже звучали голоса с требованием, чтобы те, кто исключал Пастернака, извинения принесли публично.

Распутин: Это не радикально.

Адамович: Правда, тот кто предлагал это, он тоже в свое время выступил против Пастернака. У нас всё настолько сложно и переплелось с прошлым, что сейчас люди, которые хотят делать перестройку, должны прежде собственные грехи искупать. Но во всяком случае там решено было, что в «Новом мире» будет печататься «Доктор Живаго» с нового года. Не дожидаясь журнальной публикации, будет издана книга «Доктор Живаго». А что касается таких писателей, как Ахматова, Цветаева, Булгаков и др. — это перестало уже у нас быть проблемой. Всё будет издаваться. Всё это происходит не без сопротивления и со стороны самих писателей. Сопротивляются иногда и сами писатели, и их можно понять. Наш лауреат, герой соц. труда, приносит свой роман в журнал «Знамя», — вчера его романы хватались прямо из рук, а сегодня ему говорят: «Извините, мы будем печатать сейчас Набокова». Для него это крушение мира. Такие писатели защищаться умеют только одним способом — они тут же пишут письмо «наверх». Этот писатель так и поступил.

Но во всяком случае события развиваются нормально.

Вопрос: Будет ли напечатан «Реквием» Ахматовой?

Адамович: Я не могу сказать точно, но, по-моему, все журналы хотят его напечатать.

Вопрос: А Солженицын?

Адамович: Мы в западной газете читали, будто Сергей Залыгин сказал, что будут печатать. Так что вы об этом знаете лучше нас.

Распутин: Я не думаю, что перестройка до этого дойдет — до Солженицына.

Вопрос: Вы, господин Адамович, и Василь Быков пишете по-белорусски. Литература может развиваться, если развивается язык, а мы слышали, что с белорусским языком дела плачевные. Так ли это?

Адамович: Действительно, положение в Белоруссии довольно трудное. Сложнее, чем в других республиках. Объясняется это чрезвычайной близостью белорусского языка к русскому и украинскому и тем, что белорусский язык поздно заявил свои права на существование. Сказалась также самым отрицательным образом вся сталинская политика в 30-е годы, национальная политика. Это, прежде всего, репрессии против белорусской интеллигенции. Но было и объективное одно обстоятельство — то, что в Белоруссии самая сильная миграция из деревни в город во всем мире. А деревня всегда была резервуаром белорусского языка. Но могу сообщить и об одном конкретном факте: сейчас наши культурные деятели — писатели, художники, музыканты — написали письмо Горбачеву, обращая его внимание на ненормальное положение с белорусским языком в республике. В Белоруссию приезжала специальная комиссия, и вопрос этот сейчас очень серьезно обсуждается. Видимо, теперь белорусскому языку будут уделять больше внимания в школах, в деловом обиходе.

Вопрос к Элему Климову: Как будут осуществляться сейчас культурные связи с границей, киносвязи? У нас в Западном Берлине есть кинотеатр «Арсенал», где все эти годы пропагандируется советское кино. Какова будет политика в отношении фестивалей и показов внеконкурсных фильмов?

Вы говорили, что сейчас в Советском Союзе большое желание перемен, но нет людей способных это делать, и вот мы на практике почувствовали это сейчас, когда пытались получить фильмы на этот форум. У нас есть три партнера, с которыми мы можем говорить, когда хотим отобрать фильмы для показа. Во-первых, это Госкино, которое

считает себя единственным, кто обладает правом решать, какие фильмы посылать за границу и какие фильмы будут представлены на фестивалях. Я хотел бы очень осторожно сказать: я думаю, что в этой области надо еще очень многое менять.

Еще есть такая организация — «Совэксспортфильм», с которой у нас давние и хорошие отношения, но все-таки хочу сказать, что «Совэксспортфильм» ставит перед собой коммерческие задачи. И эти их интересы не всегда совпадают с интересами тех, кто хотят получить действительно художественные фильмы.

Третий партнер — я думаю, что с ним нам еще придется работать, работать лучше и больше всего, — это Союз кинематографистов. Хотя я с ужасом думаю, что сейчас у всех стран будет та же идея — работать непосредственно с Союзом кинематографистов, а что же с Союза требовать, когда все на него навалится с одними и теми же пожеланиями. Я хочу сказать, что в прошлом мы всегда страдали от того (мы — это те, кто хотели пропагандировать советские фильмы), что у нас слишком мало было партнеров для переговоров. Очень важно расширить эти возможности, увеличить круг партнеров, чтобы появилось больше возможностей получать интересные фильмы.

Климов: Я хочу сказать, что Вы перепутали очередность, когда называли партнеров.

Что касается Госкино, то там одно изменение произошло — председатель поменялся, а все остальные остались прежние. И теперь Госкино без Союза кинематографистов эти вопросы тоже не решает. Но сейчас Союз кинематографистов трещит просто от перенапряжения. Наши социологи, ученые, которые изучают деятельность Союза, подсчитали, что нагрузка на Союз выросла в 25 раз по сравнению с прошлым годом, а аппарат остался тот же.

Что касается показа советских фильмов за рубежом, опять же правильно — все хотят видеть сейчас советские фильмы. И просто мы не справляемся — невозможно эти фильмы везде показать, на всех фестивалях, на всех ретроспективах. Меня, например, сейчас приглашают так много в разные страны, что, если бы я принял все

предложения, то должен был бы находиться в 4-5 странах одновременно. А кто же будет делать перестройку тогда?

Вопрос: Было бы хорошо, чтобы свое возросшее влияние Союз кинематографистов употребил, чтобы сменился аппарат в Госкино. Возможно ли это?

Климов: Стараемся. Но с кадрами действительно туго. Это поколение руководителей, которое было кастрировано.

Вопрос: Очень много приходит информации из Советского Союза, но очень мало попадает в прессу. Много было информации о Сахарове по телевидению, когда он был в Горьком. А теперь, когда он в Москве, пресса успокоилась. Но этот вопрос, собственно говоря не к вам, а к нам. Но есть вопрос и к вам. Есть интервью Айтматова, которое было недавно опубликовано в «Дружбе народов». Айтматов говорит о своей новой книге и Иисусе Христе как нравственной модели. Было опубликовано интервью с историком Р. Медведевым в итальянском журнале о том, что у вас сейчас совершенно новый взгляд на Бухарина, Зиновьева, Каменева. Т. е. появились новые возможности в Советском Союзе. И я хочу спросить, какие теперь личные планы у вас — у Распутина, Адамовича, Окуджавы, Климова?

Климов: Я в самом сложном положении, потому что огромная нагрузка в Союзе кинематографистов, и всё это надо делать. Но тем не менее, я надеюсь, что в следующем году начну снимать фильм. Мы уже начали работу над сценарием. Я абсолютно с Валентином Распутиным согласен, что сейчас самое важное — духовная перестройка людей. Это как раз будет такой фильм, который, может быть, сумеет маленький камешек в эту перестройку вложить.

Распутин: Я заканчиваю большую документальную работу о Сибири, книгу очерков о Сибири. Но не о той Сибири, о которой больше всего говорят, где идут стройки, прокладываются дороги, гидроэлектростанции строятся, а об исторической, заповедной Сибири. Ее осталось немного, но она все-таки осталась еще. А потом, уж коль я оказался в

этой комиссии, то я начал вести Байкальский дневник. И хочу написать историю всей этой Байкальской трагедии. Думаю, что это будет похоже на детектив. Ну и все-таки продолжать работу чисто литературную буду, — писать рассказы (книжку рассказов), а там видно будет.

Окунджавя: Здесь был вопрос о Сахарове. Я могу сказать, что после того, как он переехал в Москву и включился в общественную и научную работу, у него создалась очень сложная ситуация, потому, что с утра и до вечера к нему идут корреспонденты и просто люди, а т. к. он человек добрый, он никому не отказывает. И даже пошутил недавно, что хочется уехать в Горький.

Что касается моих личных планов — я пишу короткие автобиографические рассказы из своей юности, а моя юность совпала со сталинскими временами, ну и я пытаюсь в меру своих способностей как-то рассказать об этом времени.

Адамович: Я с некоторой тревогой возвращаюсь в Москву и в Минск к себе, потому что там уже вышел «Новый мир» № 3, и там Залыгин опубликовал мою новую повесть. Я всегда писал о том, что я лучше всего знаю, — писал о войне, документальные книги. А здесь я написал о том, чего совершенно не знаю, — это пастораль, повесть о любви. Но я бы ее не писал, если бы не задумывал ее написать в таком контексте — любовь и радиация. Я живу в Белоруссии, где две проблемы — вечная проблема любви и новая проблема радиации — существуют. Видимо, о первой я больше не буду писать, а вторая проблема уже не только Белоруссии, а всех. Как жить среди опасности, которую мы себе создаем сами и создали уже.

Ведущий: Разрешите мне сказать несколько слов нашим гостям. Наш разговор, наш интерес к вам бесконечен. И наш разговор мог бы продлиться еще неизвестно как долго. Но сегодня он кончается, и я хочу вас всех от всего сердца поблагодарить. И еще я хочу воспользоваться случаем и передать Андрею Дмитриевичу Сахарову приглашение как можно скорее приехать к нам, в этот дом.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ 7 МАРТА

Климов: От имени советских товарищей приветствуем всех. Мы сердечно тронуты, что столько людей к нам проявляют интерес. В последние годы такого не бывало. Это особый момент, когда ваше внимание привлечено к нам, советским людям, представителям советского искусства. Но фильм «Тема», наверное, не только поэтому получил главный приз Берлинского фестиваля. Наверное, и за свои достоинства художественные. Этот фильм был сделан, хочу подчеркнуть, 8 лет тому назад и долгие годы ждал вот этого момента. Я это говорю к тому, что кризиса киноискусства у нас не было. А все эти тяжелые, свинцовые годы для нас, продолжали работать честные люди, талантливые люди. Поэтому надо правильно понимать этот непростой процесс.

Например, в кино был кризис кинопроизводства, киноуправления. Тем не менее создавались произведения подлинного искусства и в театре, в живописи, скульптуре ... но чаще всего вопреки, а не благодаря. Самое печальное, что за эти годы в кино, например, вырос поток макулатуры. Увеличилось число читателей и зрителей, которые привыкли и полюбили такого сорта произведения. Для многих понятие искусства превратилось в развлечение, отдых, а не в труд души, а не в возможность что-то в себе переменить вследствие потрясения художественного, задуматься о серьезном, стать другим. Поэтому этот разговор — насущный разговор и для нас и для вас.

Только сейчас у нас становится интересно смотреть телевизор, хотя телевидение у нас еще далеко и далеко не идеальное, и о телевидении как об искусстве еще рано говорить. Пока оно выполняет информационные и развлекательные задачи. Информационные функции нашего телевидения резко изменились, но когда оно выполняет развлекательные функции, то иногда становится страшно. Особенно в такие праздничные вечера или ночи, когда люди отдыхают. Иногда такое ощущение, что наступил праздник дьявола. Через телевидение часто можно почувствовать, что апокалипсис приближается. И от вашего телевидения (эти «хорор»-программы) такое же ощущение.

Мы пришли к единому мнению, что в этой драматической ситуации для всего человеческого сообщества люди во всем

мире, как никогда, нуждаются в духовном, серьезном искусстве.

Некоторые люди в нашем кино понимают новые задачи советского кинематографа так — отражать то, что происходит в стране или рассказывать о негативных моментах прошедшей эпохи. Это очень важно, и обязательно надо делать, но надо еще работать на будущее, надо работать на восстановление человеческого духа, надо рассказывать о таких людях, какими являются лучшие герои книг Валентина Распутина. Это люди, которые несут в себе высокое духовное народное начало. И еще: может быть сейчас, как никогда, надо задуматься о том, что это за понятие такое — народ.

Деятели литературы и искусства, которые обращаются к народу, они, может быть, находят сейчас самое ценное. И я вдруг сейчас в этом снова убедился, когда мы в Западном Берлине смотрели фильм «Прощание с Матерой». Я не говорю о его достоинствах и недостатках, но я почувствовал, все почувствовали, как люди хотят серьезного разговора. Наверное, мы должны в эту сторону свои усилия сейчас направлять.

Распутин: Очень сложно говорить сейчас о народном начале. Нужно говорить или много или совсем мало. Много говорить возможности нет, поэтому я постараюсь покороче. Ясно, что народ — это не население. И у вас народ — это нечто другое, и у нас. Мы как-то по привычке считаем, что всё, что делается в этой стране, делает ее народ. Если бы это было так, то понятие «народ» просто исчезло. Вот Элем Климов здесь говорил о советском телевидении. Когда оно дает развлекательные программы, то впечатление такое, что балом правит сатана. Бывают иногда такие минуты, когда кажется, что праздник дьявола состоялся уже и в народе тоже. Я говорю сейчас не о народе и его мировоззрении. Не о народе, а о населении. Потому что глянешь, что делается вокруг, и это действует так угнетающе, что уже не хочется ничего делать — ни в литературе, ни в чем другом. Ну, винить в этом, наверное, некого. Винить нужно, прежде всего, искусство. Искусство, которое занималось посторонними вещами — развлекательством публики, а не сохранением человеческих начал в человеке. Искусство занималось пропагандой преступления и не говорило о наказании. Так было, очевидно, у вас, в последние годы это и у нас.

Читать или смотреть о преступлении гораздо интереснее, чем о наказании. У нас есть читатели, которые так относятся к Достоевскому, у нас есть театры, которые так ставят Байрона. Ставили, вернее. Вот этот шаблон — он продержался не один год, он в какой-то степени держится и сейчас. Поэтому я с таким интересом и любопытством слежу за вашим искусством, когда бываю на Западе. Мы с вами одинаковые люди. У нас одни и те же идеалы. Разные у нас системы, но это, в конце концов, не самое главное. И возможно, мы позволили, что эти идеалы по глупости пошли прахом. Почему мы, люди искусства, позволили, что искусство этому способствует. Т. е. это сейчас, может быть, один из самых главных вопросов.

Все социальные изменения в обществе, в любом обществе, — это все-таки не причина, а следствие изменений в сфере духовной.

Но, думаю, пора вернуться к вопросу о том, что же такое «народ». Это не вся масса населения, а только наиболее крепкая, физически крепкая, духовно и нравственно, его часть, сохраняющая понятие о своем здоровье и чистоте.

Приятно, что сегодня здесь такой большой зал заполнен — для меня это совершенно неожиданно. У нас тоже собирается много народа на встречи с писателями. Есть даже мнение, что у нас самая читающая страна в мире. Я, правда, не думаю, что она-таки самая читающая. Мне кажется, что в ГДР читают даже больше, чем в России, и у меня было такое впечатление, что там лучше читают. Но в чём уж наверняка наша страна первая — так это в том, что у нас самый отзывающийся на книги народ. У нас писатель прекрасно знает — и Адамович знает, и Окуджава, — что, когда выходит новая книга, то писателя буквально забрасывают письмами. Есть письма пустые, есть письма, которые, кажется, для того только и написаны, чтобы поставить свой адрес. Но есть и письма совершенно удивительные. И вот, когда читаешь эти письма, то понимаешь, что такое народ. В самые критические и трагические моменты понимаешь, что народ у нас есть (это я делаю поправки к своему пессимизму). За эти три дня я уже несколько раз высказывал свои пессимистические настроения. Из всех моих товарищей — я пессимист, вероятно, самый большой. Но я, очевидно, не

смог бы работать, если бы не получал такие письма, которые меня делали оптимистом почти. Того, что есть в хорошем письме, — хватает, ну скажем, на неделю. А там придет следующее письмо, и опять работать могу. А там встречаешься с аудиторией. Глядя на этот зал, я обещаю вам в течение 2-х дней быть оптимистом.

Адамович: Есть ли у вас в энциклопедии слово «человечество»? В нашей энциклопедии есть — «Чингизхан», «Черчилль», скоро будет «Чернобыль», а наш общий с Климовым друг Юрий Колягин просмотрел многие энциклопедии (не знаю, смотрел ли он немецкие) и не нашел там слово «человечество». Я не хочу ничего оспаривать из того, что здесь говорилось, тем более, что я со всем этим согласен, но хочу подчеркнуть, что сегодня слово «народ» не звучит отдельно от слова «человечество». Эта проклятая бомба поставила перед нами такие проблемы, которые перед человеком, перед литературой и искусством никогда не стояли. Мы найдем сотни, тысячи произведений, где ставится проблема: должен ли человек пожертвовать собой ради народа. Сегодня бомба поставила проблему, о которой страшно даже и сказать, а между тем — это вполне возможная ситуация. Возникает вопрос: должен ли собой пожертвовать народ ради человечества? Сейчас, когда человечество стало смертно, эта проблема, которая раньше никогда не стояла, вдруг встала.

Я никак не забуду один разговор с капитаном подводной атомной лодки. Я с некоторой грустью смотрел на этого человека, моего друга, который одним нажатием кнопки может уничтожить целый континент, — сегодня одна подводная лодка может уничтожить Америку, Советский Союз, Европу. Я его спросил: «А тебе не страшно сидеть около такой кнопки?» Он говорит: «Я стараюсь не думать об этом». Тогда я задал вопрос (это было в присутствии его жены и матери): «Вы пережили ту войну, испытали всё, что испытал наш народ (это замечание будет иметь значение в этом разговоре), и вот представь себе (обращаюсь я к другу), что кто-то там нажал кнопку и вся половина человечества, наша половина, уничтожена. Теперь тебе придется решать, ответишь ли ты тем же, нажав кнопку. Как ты поступишь?». А женщины сказали: «Конечно, они же наших всех убили». В них, в этих женщинах, говорит опыт и мышление, и

эмоции прошлой войны. «Вы нас так, мы вас тоже так. Вы нас уничтожаете, мы будем вас уничтожать». Сейчас проблема стоит по-другому: «Они тебя уничтожают, а ты должен уничтожить вообще всё человечество». Потому что твой ответный удар, он ведь убьет все человечество».

Если вы читаете и наблюдаете, то заметите, что вся наша политика сейчас, связанная с именем Горбачева, в том состоит, чтобы уклониться от участия в убийстве человечества. Не участвовать не в войне с Европой или с Америкой, нет, а именно в убийстве человечества. Потому что, если по нам ударят, наш удар добьет всех. Мы были на форуме все, и Горбачев, выступая, сказал очень важные слова (не знаю дошли ли они сюда) о том, что мы хотим отказаться от статуса ядерной державы. Это часть нового мышления, способность понимать, что, если будет война, мы обречены на то, чтобы убить человечество. Может встать вопрос, должен ли ты пожертвовать не только собой, но и своим народом, чтобы бы не убить человечество. Проблема жуткая, о которой и подумать страшно. Но она уже сегодня практически стоит перед нами. Даже Достоевский, который великим пророком был, не мог бы предсказать возможности дискуссии, которая не так давно состоялась. Интереснейшая дискуссия. Собрались философы, математики, техники, электроники, физики, включая, к примеру, Раушенбаха, который помог нам впервые увидеть обратную сторону Луны. И знаете, о чем же там шел разговор? О том, что не на смену кино, а рядом с кино возникнет новый вид искусства искусство телемостов. Сейчас это чисто техническая новинка, но раньше и кино было только чисто технической новинкой.

Когда я был в Америке, у нас даже зашел разговор в институте Кеннана, и там встал так вопрос: «Перед какой аудиторией человек уже не может лгать?» Мы знаем, что есть люди, которые лгут перед большой аудиторией, но я вообразил (и это технически уже почти возможно), когда все человечество (6-7 миллиардов) смогут друг друга увидеть. И вот выходишь перед шестью миллиардами и должен говорить. Каким нужно быть Хлестаковым, чтобы лгать всему человечеству.

Но ведь сегодня литература, кино обращены уже не просто к читателю или зрителю, к своему народу, они

обращены уже к человечеству. Поэтому, если мы еще лжем, то, наверное, человек — это все-таки большой феномен.

Распутин: Чтобы не отрываться от атомных лодок, я хочу одно слово вставить. Я тоже бывал на атомных лодках, разговаривал с моряками, я узнал, что, когда лодка уходит под воду на долгие месяцы, то там внутри этой лодки ничто не живет — ни тараканы, ни мыши, ни кошки, ни собаки, ничто. Оказывается все погибает. Человек выживает. Я уже начинаю быть оптимистом — мне кажется, что ни один народ не должен погибнуть, потому что человечество, о котором заговорил Адамович, — это, наверное, человеческое тело, и каждый народ — это определенный орган, который несет очень важную функцию. Если погибает хотя бы один орган, то, наверное, это тело будет больным. И еще одно маленькое замечание: чтобы говорить о человечестве, прежде всего нужно говорить о своем народе. Это и есть польза человечеству. Это не ради дискуссии, а просто я верю в слово «народ».

Окуджава: Вы слушали моих товарищей. Передо мной возникли две проблемы, которые меня очень волнуют. Я не буду мыслить большими категориями, что здесь уже было. Я хочу понять для самого себя, что такое в конце концов «народ». Понятие это у нас — я не знаю, как у вас, — очень распространенное, и под знаком этого понятия создавалась не только великая литература, но творились очень серьезные злодеяния. И все это связано с понятием «народ». Я, честно говоря, устал над этим думать.

Я встретился как-то с одним крупным чиновником и ему сказал, что по телевидению, в кино показывают всякую белиберду, я ничему этому не верю. „А это не для вас“, — ответил он, подразумевая народ.

Я тоже «народ». У нас произошло какое-то искажение понятия «народ». Почему под «народом» стали понимать не историческую культурную категорию, а просто простонародье, малограмотных людей. Но за всеми этими громкими фразами о судьбе народа пропало очень важное — у нас (не знаю, как у вас) за многие годы исчез институт уважения к личности. Для меня лично лозунг восстановления этого

института является самым главным. Без утверждения понятия уважения к личности не может быть нормального нравственного развития общества. Вот теперь мы к этому вернулись, пришли. Я очень горжусь, что мы об этом говорили. Если мы научимся уважать личность, тогда мы научимся уважать и народ, и человечество.

Климов: Соединяет нас сейчас то, что у нас действительно общая судьба, у всех людей. Уже все высказались, все сказали на эту тему, но мало что делается, чтобы кардинально изменить ситуацию. Борются политики за сохранение мира, массовые демонстрации в защиту мира проходят. Люди уже привыкли и к тому и к другому, они уже слышали все слова, им уже эти слова надоели, — я так чувствую. И странная ситуация сейчас в мире сложилась. Действительно, опасность огромная, но нет еще такой физиологической, что ли, озабоченности, физиологического страха за гибель человечества.

Я вспомнил, мне Адамович как-то рассказал один такой случай. В Японии автомобиль наехал на маленького ребенка. И была рядом его мама, маленькая женщина, — она подбежала к этому автомобилю и, будучи совсем хрупкой, подняла автомобиль. Настанет момент, когда люди вдруг найдут в себе вот такую силу, сверхсилу.

Алесь Адамович когда-то сделал книгу «Я из огненной деревни». Это книга о жертвах Хатынских белорусских трагедий — и из этой книги мы узнали, на что способен человек. На что способен, когда смерть приблизилась к нему вплотную. Но, к сожалению, люди еще далеки от такого состояния. И во многом массовая культура во всем мире не дает им почувствовать опасность. А вот настоящее искусство во всех его видах, и литература, должны людей приблизить к пониманию того, что с нами сейчас происходит, на каком мы свете.

Недавно в Москве в больших кинотеатрах начался показ фильма Тенгиза Абуладзе «Покаяние». Покупают билеты за 1,5-2 месяца. Пока не хватает копий, чтобы всех желающих удовлетворить. Фильм показывают в огромных кинотеатрах на 2,5-3 тысячи человек. Люди во время просмотра аплодируют, в конце обнимаются, вокруг кинотеатра дискуссии. Этот фильм весьма важное событие в жизни

нашего народа. И реакция на этот фильм основана только на том, что с людьми говорят языком правды. Я думаю, так всегда будет происходить, если искусство будет основано на правде. В Западной Германии, в Берлине, я уверен, фильм будет показан.

Фильм снят в Грузии, и это очень важное обстоятельство, что грузинские кинематографисты его сняли. Он сделан два года назад, два с половиной — примерно. Естественно, не показывался тогда. Сделан необычным методом. В том смысле, что это не фильм Госкино Грузии или Телерадиокомитета Грузии, — он сделан на деньги Совета Министров Грузии. Насколько я знаю, ему большую поддержку оказывал Эдуард Шеварднадзе. И хотя фильм сделан в очень условной форме — там рядом с автомобилями, телефонами могут вдруг появиться средневековые рыцари и т. д. и т. п., то есть фильм как бы говорит о всех временах, обо всех моментах истории, когда нарушалась социальная справедливость со всеми последствиями, — в нем вполне ясно проглядывается определенный период и в советской истории. И мы узнаем одного из наших «героев» — Лаврентия Берию, мы узнаем времена репрессий, и впервые, может быть, на советском экране об этом говорится. Говорится в художественной форме.

Поэтому этот фильм важен для нас не только как произведение искусства, но и как важный момент нашей общественной жизни. В новое время, теперь, этот фильм уже появился -- его все увидят. Каннский фестиваль пригласил его на свой официальный конкурс, и самое интересное, что мы его дали.

Окуджава: Мы не можем сейчас еще похвастаться всесторонним охватом этой темы. Но если говорить о кино, то фильм «Покаяние» — это качественно новая ступень в этом вопросе. И, наверно, последуют новые фильмы такого рода. Важно, что ворота открыты.

Если говорить о литературе, то у нас появились такие романы как роман Дудинцева «Белые одежды», рассказывающий о страшных временах сталинских, роман Анатолия Рыбакова «Дети Арбата», роман Приставкина «Ночевала тучка золотая», которые не могли появиться два года назад.

И все это вселяет в нас надежду, что начинается серьезный разговор на эту тему. Конечно, эти произведения не исчерпывают тему, но это начало очень, очень важное.

Климов: Чтобы понятнее был ответ на предыдущий вопрос, вот такой короткий фрагмент. Передача идет по телевидению в избе, а изба та стоит в гибнущей деревне. А телевидение между тем продолжает развлекать. Советская эстрадная певица Алла Пугачева с кардебалетом западно-берлинских танцоров поет веселую, развлекательную песню о смысле жизни — во Фридрихштадтспалаце, между прочим. Во втором эпизоде, когда поет Володя Высоцкий, этих крестьян перевозят в новый поселок — безликий, как безлико большинство наших городов, где люди живут в одинаково похожих домах, ходят в одинаково похожих одеждах, одинаково себя ведут, читают и смотрят, и слушают примерно одно и то же, и прекрасный, талантливый, честный поэт, актер и певец Высоцкий поет им тоже, потому что они и его сделали представителем масскультуры, они его тоже ввели в тираж. Всё можно унифицировать, всё.

Вопрос о перестройке в советском кино.

Климов: Могу сказать так: Идет тотальная реформа советского кино — от системы обучения до производства и проката. Устанавливается атмосфера благорасположенности к молодым, талантливым, честным. Всё будет сделано, чтобы художникам настоящим жилось легче, чтобы они сами управляли своим искусством. Чтобы искусство получило свободные формы выражения и взяло на себя, на свои плечи, большую гражданскую ответственность.

Эти перемены в кино происходят благодаря общим переменам в стране. И потому мои коллеги сочли невозможным оставлять в руководстве Союза прежних руководителей. И дело не в том, что выбрали меня, а в том, что руководство Союза обновилось на три четверти. По существу вопроса, это было движение и сверху вниз и снизу вверх — навстречу друг другу. Что касается меня, то я не хотел, чтобы меня выбрали, но понял, что теперь надо участвовать в этом деле, хотя бы некоторое время. Слишком ответственный момент, который мы не имеем права

упустить. Очень и очень многое в кино уже изменилось. Союз кинематографистов, который раньше, как известно, молчал и вел себя по крайней мере пассивно, теперь обрел новые позиции и завоевал себе новые права. В Госкино тоже сейчас начали происходить большие перемены. В последние месяцы у нас с ними были сложные отношения, но поскольку Союз кинематографистов занял абсолютно твердую, принципиальную позицию, Госкино вынуждено было сдаться. Сдаться — это, конечно, для красного словца. Госкино сейчас не может не измениться, так как все вокруг меняется, развивается. Там уже новый председатель с недавнего времени. И мы с ним работаем рука об руку. И я надеюсь, что так и дальше будет.

Вопрос об отношении к диссидентам, к эмиграции.

Окужава: Я ведь не государственный деятель, мне трудно говорить на эту тему, но, наблюдая развитие событий, я думаю, мы сможем решить и этот трагический вопрос.

Распутин: Если посмотреть на то, что сейчас происходит у нас в нашей стране, то ясно, что многие из тех, кто вынужден был уехать, когда-то добивались этой перестройки и делали усилия для того, чтобы этого медведя сдвинуть-таки со своего места — очень неповоротливого медведя. Они это делали открыто и более смело, мы делали, может быть, менее смело, но мы делали общее дело. Так что, наверное, было бы справедливо, если бы те, кто хотел вернуться к нам на родину, получили бы такую возможность.

Хочу добавить о цензуре. У меня серьезных столкновений с цензурой, к сожалению, не было. Иногда даже было обидно, что у моих товарищей есть проблемы с цензурой, а у меня почему-то нет. Меня это угнетало, мне казалось, что я пишу плохо. Но цензура у нас, особенно на местах, дошла действительно до состояния ужасного. Ведь похоже на анекдот, но это не анекдот, а почти так и есть: цензура в «Слове о полку Игореве» вычеркивает слово «полку» и требует писать «Слово о подразделении Игореве».

Конечно, многое изменилось у нас с цензурой. Сейчас появилась возможность печатать «Доктора Живаго», Набокова, других авторов. Судя по всему, мы скоро будем

печатать и Георгия Адамовича и Георгия Иванова. Мы уже печатаем Николая Гумилева, Ходасевича. Но дело в том, что все эти годы безвредно для нас не прошли. Если бы этой цензуры совсем не было, а то цензор сидит в каждом из нас теперь. Хотим мы того или не хотим, он все-таки сидит. И вытравить его не так просто. Для этого нужны, наверное, десятилетия.

Новая книга:

ИОСИФ
БРОДСКИЙ
—
УРАНИЯ

АРДИС

ПОЭЗИЯ ИЗ ПРАВДЫ

(послесловие к первому тому «Записок об Анне Ахматовой» Лидии Чуковской*)

Это книга о поэте. О времени. Об авторе.

Лидия Корнеевна Чуковская родилась 24 марта 1907 года в Петербурге. Ее отец был одним из самых известных литературных критиков. Она росла в атмосфере искусства. Как-то она принялась перечислять поэтов, которые читали стихи у них в доме, — получилась едва ли не полная антология русской поэзии XX века: Блок, Мандельштам, Ходасевич, Кузьмин, Цветаева, Пастернак, Маяковский, Петровых...

Студенткой словесного отделения Государственных курсов при Институте Истории Искусств она была арестована, — ее приятельница в их доме перепечатывала оппозиционную листовку, — и сослана в Саратов. Отцу удалось вытащить ее из ссылки досрочно. Но тюрьма стала эпиграфом к ее судьбе, человеческой и литературной.

Вернувшись в Ленинград, она работала в редакции детской литературы. Возглавлял редакцию Самуил Яковлевич Маршак, поэт, переводчик, собиратель молодых талантов. Маршак учил так работать с каждым автором над его рукописью, чтобы сохранять личный стиль, особую манеру выражения. Этот опыт она освоила и передавала дальше.

Зимой 1939/40 г.г. Лидия Чуковская написала повесть «Софья Петровна». Повесть о простой женщине, слепо верящей в справедливость того общественного строя, который губил миллионы людей, в том числе и ее собственного сына.

*Книга Лидии Чуковской «Записки об Анне Ахматовой» на немецком языке выходит в из-дстве «Nag», Тюбинген, ФРГ.

Эта повесть — единственный в своем роде художественный документ, созданный тогда же, когда бушевал террор.

Рукопись чудом уцелела. Если бы ее нашли в те годы — неминуема была бы гибель Лидии Чуковской, тяжкие наказания для тех, кто хранил рукопись.

Повесть чуть не опубликовали в Москве в 1962 году, опубликовали в 1965 году в Париже под неверным названием «Опустелый дом» (так произвольно решили издатели). Поразительно, как история этой рукописи отражает историю времени.

Мы познакомились с Лидией Корнеевной в 1960 году.

Как-то на переделкинской улице я спросила:

— Лидия Корнеевна, Вы любое стихотворение, только что написанное, меряете мерками тех великих, чьи голоса не умолкают в Вашей душе. Но с той маршаковской поры Вы постоянно возитесь и с рукописями, заведомо средними. Как это совмещается?

Она дотронулась до моего запястья.

— Прислушиваюсь: есть ли пульс? Если есть живые слова, если есть талантливые строки, значит можно и нужно помочь автору.

Больше четверти века книги Л. Чуковской, главным образом — исторические, историко-литературные (две книги о Герцене, «В лаборатории редактора» и другие) издавались. Она стремилась к тому, чтобы ее читали ее соотечественники. Но ей все труднее становилось смиряться с требованиями цензуры. А затем наступил момент, когда она сказала себе: «Больше никаких уступок. Больше я не могу и не хочу молчать о терроре». Друзья пытались отговорить ее от решений максималистских. Я тоже была среди них. «Вы написали замечательную статью. Неужели из-за одной-единственной фразы о тридцать седьмом годе надо лишать читателей этой работы?!» Но все уговоры были напрасны.

К ней все чаще обращались за помощью. Ее голос звучал все явственнее. Она разрывалась между долгом служить русскому слову, ежедневно работая за письменным столом, и

другим долгом — необходимостью помочь человеку в беде. Это противоречие все нарастало.

— Лидия Корнеевна, Вы не можете срочно написать несколько слов в защиту арестованного?

— Вы можете срочно написать стихотворение?

Это она яростно. Она умеет быть яростной.

Однако бросала литературную работу и писала письма в защиту А. Солженицына и А. Сахарова, в защиту мало известных Раисы Палатник и Мустафы Джемилева. И письма ее становились литературой.

Писала, хотя слепота подступала, хотя мучала бессонница, хотя душило больное сердце.

Кары властей за недозволенную деятельность не замедлили последовать. В 1974 году ее исключили из Союза писателей, соответственно исключили из числа литераторов, публикующих свои книги. Но ее исключили еще и из биографии ее отца, из ее собственного детства: в книгах и статьях о Корнее Чуковском изымались не только многолетняя переписка дочери с отцом, не только ее воспоминания, но даже фотографии маленькой Лиды.

В одном из писем протеста против травли неугодных писателей Л. Чуковская спрашивала: «Что будут делать исключенные?» и отвечала: «Продолжать писать».

Она продолжает писать.

15 июля 1966 года Лидия Корнеевна прочитала нам первые страницы «Записок об Анне Ахматовой». Потрясение от новой работы не сравнить ни с чем прежним.

В 1976 году первый том «Записок» (1938-1941) был опубликован по-русски в Париже, за ним в 1980 году последовал второй (1952-62). Сейчас она работает над третьим (1963-1966).

Анна Ахматова была ее любимым поэтом с детства. Она знает наизусть ахматовские стихи. И сегодня я слышу ахматовские строфы голосом Лидии Корнеевны.

В том году, который в новейшей русской истории стал обозначением эпохи сталинского террора, — в тридцать седьмом — среди миллионов заключенных были сын

Ахматовой, востоковед Лев Гумилев, и муж Чуковской, физик Матвей Бронштейн. Гумилев был много позже освобожден, Бронштейн был расстрелян в 1938.

Вместе с другими матерями, женами, сестрами и они обе, Анна Андреевна и Лидия Корнеевна, стояли в бесконечных тюремных очередях. Нередко Чуковская как младшая стояла вместо Ахматовой. Именно это время запечатлено в первом томе.

«Записки об Анне Ахматовой» обычно принимают за выдержки из старых дневников. Это верно, но это вовсе не просто сырые дневниковые записи.

Когда Лидия Чуковская начала работать над этой книгой, она, как и прежде, все проверяла строго, придирчиво, дотошно. Смотрела документы, книги, статьи, справлялась у друзей, специалистов, у знакомых. И нас нередко спрашивала то о книге (год издания, издательство, страница), то о собрании, где мы были: кто что говорил.

Ее книга — честное, точное, документальное свидетельство. Если сказано, что такого-то числа Ахматова целый день лежала, значит так оно и было. Не было сахара, — значит сахара и не было. Что в такой-то день Ахматова на клочке бумаги записала такие-то новые строки «Реквиема», — Чуковская прочитала и запомнила их наизусть, Ахматова сожгла бумагу над пепельницей, — значит так оно и было.

«Она не может ни любить, ни ссориться в стихах, не указав читателю с совершенной точностью момент происходящего на исторической карте», — это Чуковская об Ахматовой, но каждое слово относится и к ней самой.

В книге Чуковской проверено все, что проверяемо. И, все же...

Магнитофонов тогда не было, да и не стала бы Лидия Корнеевна ими пользоваться. Записной книжки в кармане, для тайных записей, тоже не было и быть не могло. Записи велись вечерами, или на следующий день, или даже через несколько дней после встречи, велись по внутренней необходимости. А необходимость внешняя вынуждала к краткости, почти к шифру. Автор говорит об этом в начале: «Записывать наши разговоры? Не значит ли это рисковать ее жизнью?» (и своей собственной — Р. О.)

Но дело не только в самоцензуре, продиктованной постоянной опасностью. Процесс этот универсальнее: попробуйте попросить нескольких человек, только что закончивших самый обыкновенный разговор, чтобы каждый из участников записал точно, что кто говорил. Вы получите несколько вариантов, несколько версий. Ведь зрение, слух, память субъективно избирательны. Да и отношение к тому, чьи слова записываются, неизбежно окрашивает и сами слова.

Значит и в записях Лидии Чуковской был некий «угол отклонения», без которого, впрочем, нет ни одной книги, и документальной тоже.

Ведь и стенограммы, выполненные лучшими стенографистками, не передают настроения говорящего. Буквально записанные слова, голые слова, — и свои тоже, — редко передают правду характера, правду душевного состояния. В этом смысле и точность самой совершенной записывающей техники оказывается мнимой.

Речь человека, — поэта тем более, — это, ведь, не только слова, но и жесты, и мимика, и тембр голоса, и глаза... Уловить, передать это дано искусству.

«Записки об Анне Ахматовой» при строжайше соблюденной документальной основе есть произведение искусства. Воспроизводя действительность прошедшего, вновь ее переживая, писательница преображала ее. Причем процесс преображения происходил дважды: в самый момент записи и в момент ее «расшифровки», длящийся с 1966 года по сегодняшний день. Вероятно, кое-что опускалось, кое-что вычеркивалось, кое-что усиливалось, прояснялось — иногда это могло быть лишь изменение знаков препинания. Из документа возникала художественная проза.

Чуковская пишет:

«Реальность было дневником не взять...» Взять — то есть передать буквально — наверно невозможно. Но в процессе творческого преобразования реальность представала многомернее, богаче, точнее, чем в самом точном документе.

«Литературные разговоры... незаконно вылезли на первый план ...Имена великих деятелей застенка я старательно опускала...» Это так. Но тем не менее тюрьма нависает буквально над каждой страницей, и над лите-

ратурными разговорами тоже. Тюрьма не просто присутствует, — она говорит, кричит, стонет, вызывая у читателя ужас, боль, сострадание...

Чуковская — восхищенная, понимающая, обожающая читательница Ахматовой. Товарка по судьбе в самые страшные годы. Хранительница поэтического слова. Сколько строк, забытых Ахматовой, вытасила, выдразнила из своей памяти Чуковская, и теперь они стали нашим общим достоянием.

«Я пыталась загнать себя под строку», — сказала как-то Лидия Корнеевна. Пыталась остаться едва ли не анонимным хронистом, но это ей, к счастью, не удалось. Рядом со словами, мыслями, чувствами Ахматовой возникают мысли и чувства Чуковской. Ее настроение в ту, описываемую, минуту, ее боль, часто — ее отчаяние.

«Обожающая читательница». Но отношения двух женщин были отнюдь не безоблачными. Некоторые расхождения запечатлены и в книге.

В «Записках» создан пластичный портрет Анны Ахматовой — великого поэта, великой женщины, мудрой и боязливой (как она боится переходить улицу), пронзительно умной, образованной, веселой, кокетливой, светской, способной обидеть, брошенной, неприспособленной к трудному быту и лишенной постоянной помощи. Ахматова в величии и в нищете.

Лидия Чуковская, воспринимая личность и судьбу Анны Ахматовой, радовалась и горевала, спрашивала и недоумевала. Благодаря этому в книге проступают и черты автопортрета. Он предстает в развитии, неотделим от ахматовского, придает ему многомерность.

Это книга страдающего человека о страдании другого. Книга стона о нашем недавнем прошлом. Но и страдания героини, и страдания автора просветлены поэзией.

«Хотелось бы мне когда-нибудь понять, догадаться, чем преображена фраза... что превращает ее из прозаического упрека в торжественную жалобу, в какую-то музыку стона?...»

Вот и я, пречитывая — в который уж раз? — «Записки об Анне Ахматовой», пытаюсь догадаться — чем преображена фраза, как именно эта книга «дорастает до прозы».

Историки могут узнать из этой книги, в каких квартирах жили в ту пору ленинградцы, что ели, как ездили на работу, как собирали теплые вещи для ссыльных, как влюблялись, ревновали, изменяли, ссорились.

Историки литературы могут узнать из этой книги, как создавался ахматовский «Реквием», строфа за строфой, слово за словом, — как Ахматова читала и как восприняла рукопись Чуковской «Софья Петровна», что Ахматова думала о Пушкине и о Толстом, о Чехове и о современниках-литераторах.

Читатели могут открыть в этой книге две поразительных женских судьбы. Ни Ахматова, ни Чуковская нисколько не заботились о женской эмансипации. Каждая с трудом, с муками, по-своему стремилась к тому, чтобы остаться верной себе, своему пониманию внутренней свободы, сохраняла душу.

За годы с тех пор, как Лидия Чуковская начала работать над этой книгой, многое изменилось в мире, у нас на родине, в ее судьбе. Но она сама не изменилась. Подруга назвала ее водомером: уровень воды в реке то подымается, то опускается. Так и в нашей истории: редкие оттепели, долгие заморозки. А водомер там же — напоминание и предупреждение.

Стремление Лидии Чуковской к абсолютной правде в главном и в деталях было часто неудобным — и не только для врагов, но и для друзей. Но именно из ее правды растет ее поэзия.

октябрь-ноябрь 1986

НОВАЯ ВСТРЕЧА С РЕАЛЬНОСТЬЮ

(О сборнике стихов Елены Шварц*)

Первый поэтический сборник Елены Шварц меняет перспективу, в которой выделялись ее отдельные стихи, разбросанные по различным эмигрантским журналам. Прежде всего появилось глубинное измерение образа самого поэта, проступили, свелись в единый лик разрозненные черты его поэтического лица.

Различия между неофициальной поэзией петербургской и московской школ хорошо известны. Но стихи и поэмы книги «Танцующий Давид», поместившиеся во временных рамках 70-х — начала 80-х годов, вносят в современную русскую поэзию новый климат вне зависимости от школ. Этот новый климат связан с духом переломного для поэзии времени. Таких стихов, как стихи Елены Шварц, вообще не было, скажем, в 60-е годы, они были невозможны тогда.

Перемены, которые я имею в виду, это важнейшие изменения стиля, обусловленные приходом в русскую литературу *постмодернизма*, независимо от того, осознаны его идеи или интуитивно угаданы.

По общему мнению западных литературных критиков, литература постмодернизма не отбрасывает эстетические концепции модернизма, но использует их как модели для более сложных игр. Место автора, говорящего о жизни, замещают структуры, основную работу с которыми предстоит проделать самому читателю, становящемуся как бы интеллектуальным соавтором в этой новой игре, ведущей к встрече с реальностью. Догматика и стерильность модернизма перестают быть господствующими. Новый свободный стиль использует приемы цитатности и соотнесения различных стилистик.

Итак, постмодернизм, — *русский* постмодернизм, нашедший одно из своих возможных воплощений в поэзии

*Елена Шварц. Танцующий Давид. «Russica». Нью-Йорк, 1985.

Елены Шварц. Конечно, нить вьется в ее стихах — от Хлебникова, через обэриутов, — это весьма чувствуется, это все так, но это и хорошо! более того, это вполне согласуется с тем, о чем я только что говорил. Дело-то все в том, что Хлебников, если посмотреть на него сегодня свежим взглядом, предстает не столько в своем привычном футуристском облике, сколь видится своего рода предтечей постмодернизма в русской поэзии, наследующего хлебниковскую абсолютную свободу. Свободу, не боявшуюся соединять, смешивать самые различные поэтические средства, жанры, символы разных культур и религий, миф и историю, Восток и Запад, Слово и Число. Сегодня именно этот урок его поэзии, урок многомерной свободы, кажется самым важным. Еще раз подтверждаются слова Мандельштама о Хлебникове: «...он прорыл в земле ходы для будущего на целое столетие».

Итак, хлебниковскую свободу получила Шварц как бы из рук обэриутов — пронизанную фантазмагорической иронией Хармса и мрачной «бессмыслицей» Введенского. Но *получить* в поэзии (как и вообще в искусстве) означает не просто *взять*, но еще и *суметь сделать своим*. Елена Шварц — сумела.

Раскованность и многообразие стихотворных размеров и ритмов внутри каждого из ее стихов, соединение «высокого» стиля со словами сугубо современными, неожиданность метафор на манер обэриутов или как в стихах детей, применение верлибра и почти прозаических строк, — и при всей этой разнородности все же рифмованный стих остается скрепляющей основой, — плодотворный эклектизм торжествует.

Мы — ведь где мы? — в России,
где от боли чернеют кусты,
где глаза у святых лучезарно пусты,
где лупцуют по праздникам баб...
Я думала — не я одна —
что Петербург нам родина — особая страна.
Он — запад, брошенный в восток,
и окружен, и одинок,
чахоточный, все простужался он.
И в нем процентщицу убил Наполеон.

Но рухнула духовная стена —
Россия хлынула, дурна, темна, пьяна.
Где ж родина? И поняла я вдруг:
давно Россиєю затоплен Петербург.
И сдернули заемный твой парик,
и все увидели, что ты
все тот же царственный мужик,
и так же дергается лик,
в руке топор,
расстергнута ширинка —
останови же в зеркале свой взор
и ложной красоты смахни же паутину.
О Парадиз!
Ты избяного мозга порожденье,
пропахший щами со дня рождения.

Общая, какая-то мучительно-неразрешимая атмосфера стихов Шварц пропитана тончайшими градациями очень личной гротескной иронии. Отсюда — двузначность, многозначность смыслов, самой поэтической интонации.

Одна из важных внутренних тем Шварц, выраженная в ее стихах с навязчивой выпуклостью сюрреалистической живописи, — это чувственная замороженность всем, что связано с плотью, человеческой и любой другой природной, с ее иррациональной силой.

Они моею кровью напитались,
они мне вскрыли вены ловко,
и мной самой — какая, впрочем, жалость —
раскидан мозг по маленьким головкам,
осколки глаз я вставила им в очи.

Смерть, увядание плоти, так же как любовь и эротика — постоянные мотивы ее поэзии. Эротика в ее стихах подчас вызывающе откровенна. Это — откровенность словесных ситуаций «на грани», но грань эту ей переступать нет нужды — поэтическими метафорами тут она говорит в тысячу раз больше, чем те, кто прибегает к плоской нецензурщине. Некая маньеристская вычурность и орнаментальность не только не мешают ее стихам, но, наоборот, придают им какую-то особую «шварцевскую» убедительность.

И, наконец, парадоксальное, вполне в духе неожидан-

ностей постмодернизма, сочетание всех помянутых особенностей стиля Елены Шварц с ее глубокой приверженностью к иудео-христианской религиозной и культурной традиции. Связь с нею определила круг символики и ассоциативных ходов поэзии Шварц, ее эмоционально-напряженный центр — поглощенность сложностью отношений между человеком и Богом. Вне этой традиции Елена Шварц с ее религиозной духовностью, обостренным чувствованием того, что человек грешен, и в то же время с ее пониманием, что жизнь есть неразрывность, слитность чистоты и греха, просто не была бы тем поэтом, каким мы ее сейчас узнали.

Мрамор с грязью так срощены, слиты любовно —
Разодрать их и Богу бы было греховно,
Может быть и спасется все тем — что срослось.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ

- 3 *Владимир Малинкович*. In statu nascendi.
- 29 Оттепель или весна? (*Ответы на вопросы журнала «Форум»*. Б. Вайль, М. Джилас, Л. Копелев, К. Любарский, С. Максудов, Р. Орлова, М. Рейман, М. Хейфец).
- 50 *В. Буковский, В. Малинкович, П. Рэддауэй, Е. Фиштейн*. Дискуссия о перестройке.
- 74 *Вадим Белоцерковский*. Революция, эволюция, дано ли третье?

СОЦИОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА

- 95 *Илья Зильберберг*. Организация современного предприятия в соответствии с потребностями и правами человека.

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

- 117 *Иван Ковалев*. Командировка в концлагерь.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- 125 *Роман Шпорлюк*. Маркс — Лист — Палацкий. Национализм в Центральной Европе.
- 145 *Мыкола Хвелевий*. Камо грядеши.
- 157 *Мыкола Зеров*. Евразийский ренессанс и пошехонские сосны.

ИСТОРИЯ

- 162 *Михайло Грушевский*. Обычная схема «русской» истории и вопрос рационального упорядочения истории восточного славянства.
- 172 *Павел Милуков*. «Исконные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе.
- 192 Из архивов Второй мировой войны.

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

- 201 *Есть основания для надежд (Пресс-конференция А. Адамовича, Э. Климова, Б. Окуджавы и В. Распутина в Западном Берлине).*
- 228 *Раиса Орлова. Поэзия из правды.*
- 235 *Вилен Барский. Новая встреча с реальностью.*

**Условия подписки
на журнал «ФОРУМ»**

Цена одного номера:

Англия — 3 фунта.

Германия — 15 н. м.

США — 7 ам. долл.

Франция — 40 ф. фр.

В других странах — расчет по курсу немецкой марки.

Адрес: Ukrainische Gesellschaft für Auslandsstudien
e. V., für «Forum».

Bankkonto: Deutsche Bank A. G.
Promenadenplatz, 8000 München 2
Kto Nr. 22/20457, BLZ 70070010.

Postscheckkonto PScha München
Kto Nr. 22278-809.

Представители «Форума»

В Англии Лиана Померанцева
Liana Pomeranzev
4 Flat, 5 Sevington str.
Maida Vale, London W9

в Израиле Михаил Хейфец
M. Heifetz
Ramot 41/31
Jerusalem
Т. (2) 877451

